

Александр Куланов

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЯПОНИИ

ВЕК
XXI

Annotation

«Лицо» Японии хорошо знакомо всем: суши и сашими, гейши и самураи, сакура и Фудзи, «Тойота» и «Панасоник». Что скрывается на «Обратной стороне Японии», знают только специалисты. Политические скандалы и мир японских туалетов, причины популярности аниме и тайны мафии-якудза, японские свадьбы и надежды русских жен японских мужей, особенности японской географии и японского «боления» в футболе – стали основными темами книги журналиста и японоведа Александра Куланова.

Второе издание «Обратной стороны Японии» пополнилось «Афтершоком» – запретными откровениями о японском менеджменте, необычными сравнениями русских и японцев и размышлениями о причинах аварии на атомной станции «Фукусима-1» – всем тем, о чем в Японии не принято говорить, но без чего представление об этой стране будет ложным.

- [Александр Куланов](#)
 -
 - [От автора](#)
 - [Часть 1. Весна](#)
 - [Гайдзин](#)
 - [Мой дом – мои татами](#)
 - [Японский язык и хэнна-гайдзин](#)
 - [Белая обезьяна у яшмовых ворот](#)
 - [Русские тайны Мунэо Судзуки](#)
 - [«Допрос с пристрастием»](#)
 - [Хроника забытого скандала-1](#)
 - [Спринтер Мунэо](#)
 - [Хроника забытого скандала-2](#)
 - [Кто вы, доктор Сато?](#)
 - [Кому это выгодно? – Версии](#)
 - [Все в прошлом. Все в будущем?](#)
 - [Это просто шоу какое-то...](#)
 - [Футбол](#)
 - [Великий желудочно-кишечный тракт](#)
 - [А нам слабо?](#)
 - [Бешеные дятлы и все-все-все...](#)

- [Место достижения удовольствия](#)
 - [Сливай воду!](#)
 - [Добро пожаловать!](#)
 - [Страшная смерть](#)
- [Часть 2. Лето](#)
 - [«Русские жены» японских мужей](#)
 - [Глазами узкими в глаза мне посмотри](#)
 - [Национальное сокровище на экспорт: из интервью с Екатериной Имаи об имидже «японских жен»](#)
 - [Миллион роз Нины Хедо](#)
 - [Русские люди](#)
 - [Персонажи токийского театра](#)
 - [Русские в Японии: жертвы самураев и двигатели прогресса](#)
 - [Урок географии](#)
 - [Север](#)
 - [Восток](#)
 - [Запад](#)
 - [Юг](#)
 - [Дорогие гости](#)
 - [Особенности национального туризма](#)
 - [Пицца на утюге](#)
 - [Сакура круглый год](#)
- [Часть 3. Осень](#)
 - [Велосипед с правым рулем](#)
 - [Первые выезды, первые наезды](#)
 - [Формальности для неформалов](#)
 - [Дорога в 1000 ри](#)
 - [Цена простоя](#)
 - [Преступление и наказание](#)
 - [Трудности перевода](#)
 - [Что в имени тебе моем?](#)
 - [Русский язык по-японски](#)
 - [Наше будущее](#)
 - [Забавы молодых](#)
 - [За что я не люблю аниме](#)
 - [Только мой Зорге](#)
 - [Лирика](#)
 - [Топография](#)

- [Снова лирика](#)
 - [Снова топография](#)
 - [Островной вуайеризм](#)
 - [Теория](#)
 - [Практика](#)
 - [Вкус «Чинкоро»](#)
 - [Пьяный ангел](#)
 - [С палочками наперевес](#)
 - [Propaganda](#)
 - [Штабные маневры](#)
 - [Пропаганда говорит на вашем языке](#)
 - [Очаровательные буферы](#)
 - [Три об одном](#)
 - [PR – дело добровольное](#)
 - [Россия – щедрая душа?](#)
- [Часть 4. Зима](#)
 - [Семейное дело](#)
 - [3 × 3 = пара](#)
 - [Дитя любви... к искусству](#)
 - [День кузнеца в городе Кавасаки](#)
 - [Представьте сына духам!](#)
 - [Охотники на овец](#)
 - [Восемь-девять-три](#)
 - [«Мой босс – Христос». Интервью без петли на шее](#)
 - [У каждого свой праздник](#)
 - [Кигэнсэцу](#)
 - [Государевы люди](#)
 - [Записки от зависти](#)
 - [Смерть от жуимотины](#)
 - [Закон «орануса»](#)
- [Часть 5. Внезапная. Aftershock](#)
 - [Секреты японского менеджмента](#)
 - [Ум за Разум](#)
 - [Свобода лучше, чем несвобода?](#)
 - [Сияющая добродетель гамбару](#)
 - [Когда имидж решает все... вопросы жизни и смерти](#)
 - [Странные люди](#)
 - [Японофобы, японофилы и... гинекологи](#)
 - [Дискуссия о дискуссии](#)

- [Гламурный самурай](#)
 - [Бутово рулит!](#)
 - [Aftershock](#)
 - [Словарь терминов](#)
 - [Приложение](#)
 - [Об авторе](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Александр Куланов

Обратная сторона Японии

- Уехать. Как можно дальше!*
- Куда?*
- В Японию. Дальше некуда...*

Из к/ф «Турецкий гамбит»

От автора

Самое обычное определение, которое дают наши туристы Японии, вернувшись оттуда, – «Другая планета». Банально, но так и есть: Япония – отдельная планета на Земле. Маленькая планетка, густо населенная народом, который порой похож на «зеленых человечков», но тщательно маскируется под «таких, как все», непознаваем, непредсказуем и жутко интересен.

Больше всего японские «инопланетяне» любят заниматься собой. Оттого у них на планете все очень неплохо – на привычный нам постсоветский взгляд: чисто на улицах и густо в магазинах. Самый страшный шок наши люди испытывали, приехав из Японии в конце 1980-х годов – во время перестройки, когда вернувшись уже не рекомендовалось забыть, как нелепый сон, свое пребывание в японском космосе и можно было вслух говорить все, что об этом думаешь. Сказать удавалось немного. За исключением многостраничной «Ветки сакуры», самым, пожалуй, распространенным отзывом о Японии было краткое, но емкое «Нет слов!». Для многих «инопланетных» реалий слов не находилось не только в словарики советского человека, но и в больших словарях русского языка – тех, что с позолоченными корешками. Это естественно: незнакомы реалии – нет определений для них. В лучшем положении оказались те, кто привык довольствоваться краткой словарной формой и яркими образами, – поэты и писатели-сатирики. Их планета Япония отправилась по сто лет назад ею же самой определенной орбите привычных стереотипов: через гейш и самураев к роботам и панасоникам. Разница была только в степени восторженности: Михаил Михайлович Жванецкий, вернувшись из Токио, вскричал: «Простите меня за то, что я был, а вы не были в Японии!», а Игорь Моисеич Иртенев лишь грустно рассказал о невозможном:

*Там видео в каждой квартире,
Там на нос по десять «Тойот».
Там сделать решил харакири,
Бери себе меч – и вперед.
Еще там у них император,
Проснувшись, является вдруг,
На нем треугольная шляпа
И серый японский сюртук.*

*И пусть там бывает цунами –
Японский народный потоп,
Но я вам скажу между нами,
Что все у японцев туп-топ.
Я зависти к ним не питаю,
Но все же обидно подчас,
Что нам до них – как до Китая,
А им – как до лампы до нас.*

Однако время шло, и с каждым годом отбор в «космонавты» становился все демократичнее (если были деньги, других конкурсов на поездку в Японию уже можно было не проходить), все больше российских тружеников отправлялось на прежде почти недоступную планету. Поехали в Японию и наши ученые, и наши девушки. И первые, и вторые старались обратно если и возвращаться, то только в качестве космических туристов: прилетел на Родину, увидел, всплакнул, и все, все – обратно, домой, в Токио! Рассказывали о своей жизни скупно, хотя показывали много красивых фотографий цветущей сакуры, ночной рекламы и дневных небоскребов.

За двадцать лет свободы получилось, что вроде и ездим в Японию много (не все, но в целом), и книжек японских, да и наших про нее написано столько, что можно библиотеку «инопланетную» составить, а все про одно и то же: как им хорошо на свете живется, какие они умницы-трудоголики, да про то, что по количеству мобильных телефонов на душу школьников Япония впереди всех.

Не избежал соблазна и я: попав в Японию впервые на неделю, я год отходил от шока; следующая поездка заставила меня взяться за перо, очередная подвела к мысли о том, что не все еще описано в наших книжках, а уж следующая – долгая, как сама жизнь (что в этом удивительного – ведь Эйнштейн доказал, что время на разных планетах бежит по-разному), усадила меня за компьютер.

Я долго думал о том, как собрать воедино разрозненные записки о том, что увидел в Японии. Понятно было, как книжка будет называться – выражение «обратная сторона Японии» я услышал несколько лет назад от своего знакомого, но нужен был какой-то скелет, на которой мне предстояло нанизать мясо своих статей, сухожилия размышлений и оголенные нервы воспоминаний. И тут я вспомнил, что поразило меня едва ли не больше всего, когда только начиналась моя японская жизнь.

Среди множества самых разных качеств, неизменно потрясавших меня в наших земных «инопланетянах», – твердая уверенность японского народа в том, что ярко выраженные сезоны существуют только в их стране. Нет, конечно, времена года официально обозначены во всем мире, но только на Японских островах, по мнению их рядовых жителей, они действительно заметны и имеют право на легальное существование. Один из первых вопросов, которые задавали мне в Японии и продолжают задавать другим русским, рассказывающим о своей стране: «Неужели в России тоже есть четыре сезона?» Это – стандарт, такой же, как и неизменное и бескрайнее удивление, следующее за утвердительным ответом. Больше того, я с ужасом заметил, что и многие русские, прожив в Японии больше года, как-то постепенно, исподволь начинают верить в то, что зима, весна, лето и осень бывают только у них дома – в Японии.

Наконец и я прожил в этой стране целый год – день в день, и все японские сезоны опробовал на себе, они перестали быть только японскими и стали моими – личными. Я так и не поверил, что только здесь существуют какие-то особые метеорологические условия, но, привыкнув к японской классификации, решил разбить главы в этой книге по сезонному принципу: начиная с весны, когда ровно в ее середине – 15 апреля – я приехал в Токио, и весной же заканчивая.

Эта удивительная для нас, но совершенно естественная для «инопланетян» вера в миф собственного изготовления стала для меня символом особого отношения японцев к себе и миру, олицетворением их островного мировоззрения, напоминающего взгляд из аквариума: все видно, есть возможность передвигаться и удивляться. Я не собираюсь с этим спорить. Я вообще не собираюсь ни с кем спорить. Эта книжка – не повод к дискуссии, это, скорее, пример возрождаемого ныне жанра путевых записок. Надеюсь, что их чтение не будет слишком обременительным для читателя, но все же даст ему хоть немного нового в представлении об одной из самых модных у нас стран. «Обратная сторона Японии» – это салат, надеюсь, что питательный, и, хочется верить, что вкусный.

Кое-что из того, что вошло в эту книгу, публиковалось ранее в разных журналах и газетах. Чаще под моей фамилией, время от времени – под псевдонимами, иногда даже женскими, так что автор, заслуживший когда-то своим желанием рассказывать о Японии правду и ничего, кроме правды, прозвище «имиджбрейкер», не будет особо жалостлив и к себе, срывая маски, прежде всего свои, а не чужие. Иногда я менял имена и фамилии своих героев – многие из них еще живут там, где я их встретил, и так, как я это описал. Во всем же остальном я твердо придерживался идеи дзуйхицу –

следовать вслед за кистью, или, чтобы было понятно среднестатистическому читателю, не знакомому пока с инопланетной лексикой, по акынскому принципу «что вижу, то пою», ничего не приукрашивая и не меняя. Жизнь слишком удивительна, чтобы возникала еще и необходимость что-либо придумывать. Ну... разве что самую малость.

Те, кто читал первое издание этой книги, упрекали меня в субъективности. Очень надеюсь, что это так и есть. Книга и задумывалась как только мой, субъективный от начала и до конца, взгляд на обратную сторону Японии. При этом у меня было много времени и много друзей на этой планете – их взгляды оказали на меня большое влияние, а вам, надеюсь, они покажутся достаточно интересными, чтобы прочитать эту книгу до конца.

Примечание. Для книги, основу которой составили личные впечатления и частные мнения автора, не было смысла подбирать снимки, сделанные профессиональными фотографами. Именно поэтому в качестве иллюстраций использованы, за исключением случаев исторической съемки, любительские фотографии автора книги, за качество которых он приносит извинения.

Часть 1. Весна

Гайдзин

Мой дом – мои татами

Первая задача, которую надо решить приезжающему в любую страну иностранцу, – подбор жилья. В Японии это дело поставлено на широкую ногу. В каждом квартале есть офис «Фудо-сан», в котором вам найдут практически любой интересующий вас вариант заселения при условии, что у вас есть деньги, нет домашних животных и... вы не иностранец. Если с деньгами и животными (в Японии к их содержанию относятся с большой ответственностью, и ни разу за все время пребывания там я не встретил ни одной бродячей собаки) понятно, то с гостями из-за рубежа сложнее. Для определения иностранцев в японском языке существует несколько терминов, главный из которых – «гайдзин».

Гайдзин – это «человек извне». Термин по сути не обидный, но несущий оттенок снисхождения японцев к иностранцам – людям уродливым внешне, разбалансированным внутренне, невнимательным, бестолковым, со своими «тараканами в голове», но в целом безопасным, если их немного. В общем и целом гайдзин по-японски примерно то же самое, что немец по-русски, если забыть на время о представлении немцев как вековых врагов, то есть человек без языка – немой. Есть еще хэнна-гайдзин – странный иностранец, бака-гайдзин – глупый иностранец. Все это исключительно важные для приспособления к жизни в Японии термины, но пока вернемся к жилью.

Снять его иностранцу может оказаться непросто, потому что большинство японцев в принципе относятся к иностранцам с оттенком недоверия, и на то есть серьезные причины. Япония – страна, где 98% населения – японцы. Несмотря на то что она примерно равна по площади Германии, японцы считают свою страну маленькой – острова на 70% покрыты горами, а сравнительно равнинный Хоккайдо малозаселен – холодно. Получается, что на сравнительно небольшой территории сконцентрировано 126 миллионов человек, относящихся к одному народу, важными чертами которого являются дисциплина, группизм и внимательное наблюдение друг за другом. Если японец в чем-то провинился, совершил преступление, его когда-нибудь обязательно найдут – общий уровень раскрытия преступлений в стране свыше 75%, а убийств – 98%. Уследить же за иностранцем, а тем паче предсказать его действия куда

сложнее. Вроде весь на виду, ходит, как пожарная каланча, но при этом совершенно непонятно, что у него на уме, да еще и удрать может за границу. А где гарантии, что он будет вовремя платить за жилье, а не прикинется немым, глухим и слепым бака-гайдзином? Чтобы понять, насколько гайдзин на виду в Японии, приведу пример из собственной практики. Как-то раз в хорошую погоду я вывесил на балконе футон – матрац, который таким способом принято здесь сушить, чтобы не заводились в нем от сырости всяческие кусачие организмы. Вывесил и ушел в магазин у станции, совсем неподалеку. В магазине меня застал телефонный звонок. Звонил мой сосед Вадик:

– Ты где?

– В магазине, а что?

– Дождь пошел, а у тебя футон сушится на балконе. Соседка мне позвонила, беспокоится, что намокнет.

– Спасибо. Я тут рядом, сейчас вернусь, сниму. Кстати, а ты сам-то где? Что-то я давно тебя не видел.

– Да уж неделю как в Хиросиме, в командировке.

– В Хиросиме? Так ты оттуда звонишь?

– Ну да. Видел дом напротив – через садик? Там одна японская бабулька. Она за тобой постоянно в бинокль наблюдает. Увидела, что футон мокнет, а ты ушел, и позвонила твоей квартирной хозяйке. Та нашла мою жену, а жена позвонила мне, – и Вадик повесил трубку.

Но все это было позже, а пока... Если денег у вас немного, то снять квартиру может оказаться делом совсем проблематичным. Отдать за первый месяц три ежемесячные суммы – нормальная практика, своеобразная страховка домовладельцу на тот случай, если с принадлежащей ему квартирой что-то произойдет. А ежемесячная плата – это совсем немало. Мне повезло – японский сэнсэй подыскал мне отличную квартирку, состоящую из комнаты площадью шесть татами в японском стиле (то есть кроме этих татами и стола со стульями, которые мне подарил мой сэнсэй, там ничего не было), а также кухни с двухконфорочной плитой, ванны и туалета – все вместе общей площадью еще шесть татами. Одно татами имеет стандартный размер 180 на 90 см, то есть 12 татами моей квартиры – это примерно 20 квадратных метров в европейском исчислении. Жил я у станции Оомори, совсем недалеко от главной столичной железнодорожной линии Яманотэ, и стоило это удовольствие 9 манов в месяц (1 ман – 10 000 иен), что по тогдашнему курсу равнялось примерно 850 долларам. В эту же сумму были включены и коммунальные платежи, что по японским понятиям совсем уж здорово.

Хотя, конечно, все относительно – въехавший после меня в эту же квартиру известный переводчик Митя Коваленин счел ее недостаточно хорошей и вскоре нашел другую. Может быть, его смутила маленькая квадратная ванна в стиле офуро, для подогревания воды в которой надо было высечь искру в газовом аппарате методом верчения специальной ручки, или кухня с небольшим зарешеченным окошком и прихожей размером примерно 50 квадратных сантиметров? Не знаю, но я своей квартирой был доволен, а цена ее по крайней мере не превышала цен за аналогичные апартаменты в нашем районе.

Стоимость квартиры напрямую зависит и от типа дома. Таких типов в Японии существует два: апато и мансен (или манцен). Апато – это квартирка (обычно небольшая, вроде моей, или маленькая, как та, в которой жил один мой приятель, с общей (а не жилой!) площадью в 6 татами) в двух- или трехэтажном доме. Дома эти чаще всего металлические с пластиком или деревянные. Капитальному ремонту не подлежат, но землетрясения им не страшны – легкий, но прочный каркас разве что цунами унесет. По мере полного износа дома разбираются, а на их месте собираются новые. Чем дом старше, тем он дешевле и тем хуже в нем жить. Все просто. Отопления нет, окно может напоминать тюремное, а может быть, как у меня, – во всю стену. Если не задергивать плотные занавески, возникает стойкое ощущение, что ты рыбка в тесном аквариуме.

Вторая категория – мансен – многоэтажки с квартирами, как правило, значительно большими по площади и, соответственно, более дорогими. Мои друзья, жившие в центре Йокогамы – города-спутника Токио, снимали трехкомнатную квартиру, сопоставимую по размерам с обычной московской «трешкой» образца 1970-х годов, за 25 манов в месяц – примерно 2300 долларов.

Цены на жилье выросли в Японии одновременно с ростом цен на все остальное – в последней четверти прошедшего столетия. Причин тому было немало, самые экзотичные из них – скупка земли фирмами, близкими к организованной преступности (строительный бизнес в Японии традиционно переплетен с якудза), невозвращение «плохих» банковских кредитов и многое другое, что требует для обычного человека специальных разъяснений. Интересная деталь – в 1991 году была зафиксирована наивысшая цена на землю в центре Токио – 400 тысяч долларов (50 миллионов иен) за квадратный метр для офисной и 70 тысяч долларов для жилой застройки. Педантичные японские риелторы, кстати, оценили не только Токио. Вся Япония стоила в том же 1991 году 2300 триллионов иен – в три раза дороже, чем все Соединенные Штаты Америки, вместе взятые

и превышающие Японию по площади в 25 раз.

После начала стагнации экономики цены замерли, а к началу нового века медленно поползли вниз. Тем не менее Япония и сейчас страна настолько дорогая, что не всегда удается внятно объяснить – насколько. Особенно трудно это понять москвичам, которые убеждены, что дорожке Рублево-Успенского шоссе в мире ничего быть не может. Если они все-таки вникают в суть цитируемых чисел, то японцы удостоиваются высшего знака новорусского признания: покачивания головой сверху вниз и слова «супер» с ударением на «е»: мы их догнали! Реально!

Ну, да бог с ними, с новыми русскими. Важно, что самих японцев квартирный вопрос не испортил. Фетишизации татами в массовом масштабе, как у нас, я там не заметил. Квартира, а лучше дом, нужна, конечно, всякому, но все равно в молодости это почти невозможно, а со временем наверняка удастся взять кредит лет на пятьдесят – и все будет хорошо. Стабильная страна со стабильной экономикой – что еще нужно, чтобы встретить старость?

Японский язык и хэнна-гайдзин

Вторая трудность, с которой мне пришлось столкнуться по приезду в Японию и которая тоже была успешно преодолена, – это язык.

Существует мнение, что японский язык практически не поддается изучению, что это ужасное наречие, избыточное труднопроизносимыми словами и звуками, что человек, знающий японский, – это уникал, к которому можно подходить только с поклоном. Эта и тому подобная белиберда отчасти следствие сваливания в кучу всех восточно-азиатских языков (до сих пор многие думают, что японцы сюсюкают и не выговаривают «р», хотя проблемы у них, наоборот, с «л»), отчасти – результат слухов, распространяемых самими японистами с целью создания некой эксклюзивности изучаемого предмета. Бывает, что делающий чрезвычайно умное лицо, говоря о японском языке, как раз большим специалистом в нем не является, ибо язык этот делится на несколько уровней. Разговорный проще письменного, но и в разговорном, и письменном есть несколько уровней. Простой разговорный не годится, например, для беседы с сэнсэем, а писать все подряд азбуками – кана (их в японском языке две) – не следует, ибо есть несколько тысяч иероглифов, которые порядочные люди должны знать.

На слух однотонный японский язык воспринимается значительно

легче, чем двухтоновый китайский, четырехтоновый вьетнамский или щелкающее наречие бушменов пустыни Калахари. Стиль общения между японскими ровесниками (во всех смыслах этого слова) точно так же, как и у нас, подразумевает относительно небольшой словарный запас и несложные грамматические формы, так что вашему покорному слуге, совсем не ставящему целью всей жизни изучение японского языка, оказалось нетрудно влиться в межнациональное общение стажеров и аспирантов Токийского университета. При этом углубленное изучение даже разговорного японского языка способно доставить наслаждение и порадовать множеством лингвистических и филологических открытий – «божественный» язык (Япония, по традиционному убеждению части ее населения, – страна богов) не уступает в богатстве словарных форм «великому и могучему».

Русских людей в Японии разнообразие японского языка волнует лишь частично и только ту их немногочисленную часть, которая этот язык и изучает. Они делают свои маленькие, но ценные открытия, пишут в сообщества в ЖЖ и вообще двигают практическую лингвистику вперед. Но вот странная вещь: большая, подавляющая часть русских, живущих в Стране корня солнца (или Стране солнечного корня – так переводится название «Нихон» на русский), учит два звучащих по-разному языка. Да еще умудряется на этой почве друг с другом ссориться, делить что-то и исполняться друг к другу неистощимой злобы и агрессии.

Причина столь странного поведения в следующем. В японском языке есть пара-тройка звуков, передать которые на русском весьма затруднительно. Да, впрочем, на многих других языках – тоже, поэтому в каждом крупном, распространенном языке есть свой вариант транскрибирования японских слов. В русском языке таких аж два плюс один. Первый – официальный, так называемая поливановская транслитерация, передающая спорные звуки как «си», «дзи», «дзу». Второй – хэпберновская, то есть европейская. Она трактует те же самые звуки как «shi», «ji», «ju», то есть «ши», «джи», «джю». Вспомните разночтения «дзюдо» и «джюдо», «дзю-дзюцу» и «джиу-джитсу», «Фудзи» и «Фуджи» (раньше-то вообще было – «Хузи»!) и, наконец, эпохальные «суши-суси».

Копий и палочек для еды (они же хаси, они же хаши) об эти суси-суши сломано так много, что вряд ли стоит собирать их остатки. С точки зрения словаря правильно «суси», но этот предмет фастфуда стал уже самостоятельным брендом, попав в Россию из Америки и Европы (а не из Японии!), и менять теперь названия ресторанов «Суши весла» на «Суси весла» как-то странно. Дело вкуса, но мне лично кажется, что

поливановский вариант ближе к звучанию оригинала, хотя и передает его далеко не точно. Другое дело, что сами японцы привыкли к американизмам, и в общении с иностранцами им самим частенько кажется, что «Шынджуку» звучит более по-японски, чем «Синдзюку», равно как и «Тошыба» с ударением на «ы» больше похоже на название фирмы, чем очень близкое к оригиналу произношение «Тосиба» с долгим ударным «о». Лично мне это сильно напоминает наше желание коверкать иностранные слова и кричать в общении с представителями других стран – может, им так понятнее?

Филолог Сергей Грис, с которым я познакомился вскоре после своего приезда в Токио, предложил свой – третий – вариант транскрипции. Он решил записать звуки теми буквами, которые наиболее близки по произношению к японским звукам. Получается «Щиндзюку», «Тошиба», «суци». Не спорю – действительно похоже, и даже очень. Но... совершенно не учтены особенности массового русского произношения. Все эти слова надо выговаривать очень аккуратно, с правильной артикуляцией, с акцентированием на мягких, шипящих согласных и точным воспроизведением гласных. «Щи», а не «шы». Однако наш язык устроен таким образом, что шипящие в нем произносятся довольно жестко, и очень скоро «Щиндзюку» снова становится «Шынджуку». Получается грубо и коряво. По мне так лучше уж «Синдзюку», хотя и это не идеал. Тем более что родной язык способен оптимизировать произношение иностранных слов (Нью-Йорк, а не Нью-Йоок), а по-японски японисты говорят значительно правильнее, чем изучавшие японский в Японии неапонисты. В японской речи звуки у профессионалов становятся свистящими, шипящими и так далее – все как надо. Часть упорно и крайне агрессивно долбящих свои «шы» гайджинов мне кажется излишне убежденной в своей правоте – они продолжают собираться своей гайджинской тусовкой на Шыбуе и отправляются оттуда на Шынджуку, а в качестве основного аргумента своей правоты и неправоты японистов приводят коронное: «Они все козлы тупые». Это их дело, никого не собираюсь агитировать за поливановскую транслитерацию, но в письменной речи, извините, буду придерживаться ее, пусть она и не идеальна.

Тем более что, несмотря на уверения части моих соотечественников-гайджинов в том, что шипящих и свистящих (то есть «поливановских») русских японцы вообще не понимают, меня все же или понимали, или тщательно скрывали, что не понимают.

Учитывая, что я никогда не собирался становиться лингвистом, то, выбрав подходящую лично для себя транскрипцию, я предпочел

сосредоточиться на внефилологических наблюдениях. Учились мы по самому распространенному, доступному для понимания даже бакагайдзинов учебнику «Минна-но нихонго» («Японский для всех»). Замечательная особенность преподавания по нему заключалась в том, что на занятиях каждую грамматическую форму мы повторяли с примерами из собственной жизни в Японии, и наши преподаватели-сэнсэи проявляли к нашей личной жизни живейший интерес. На практике это выглядело так (разговор идет по-японски):

- Скажите, чем вы занимались вчера вечером?
- М-м-м, я... делал уборку.
- Ах, вот как? К вам, наверное, должна была прийти гаруфурэндо?
- Гаруфурэндо? А! Girlfriend! Да, должна была.
- Вот оно что! Она русская или японка? Сколько ей лет? Какого цвета у нее волосы? Вы планируете остаться жить с ней в Японии или вернетесь на родину?

Вопросы сыпались как из рога изобилия. Заканчивалось обычно все одним и тем же: «Вы планируете остаться в Японии?» Японцы – люди чрезвычайно любопытные по своей природе, хотя их любопытство и носит обычно поверхностный характер. Но его как раз хватало, чтобы общаться с нашей группой, в которой среди 43 человек были представители 27 стран мира, и порождать очень комфортный уровень вежливой заинтересованности в делах друг друга. Большинство в нашей разношерстной компании представляли свои страны в одиночку. Группами – только китайцы и корейцы. Почти все отвечали на вопросы японского сэнсэя стандартными ответами, как бы включаясь в игру «Иностранная маска, я знаю о твоей стране все!». Раз вы китаец, вас обязательно спросят, сколько у вас детей и собираетесь ли вы заводить еще. Если кореец, то как вы относитесь к собачатине?, ну а мне... Мне тоже приходилось отвечать на стандартные вопросы, но, памятуя о теме своей стажировки – «Компаративный анализ взаимных имиджей России и Японии», я старался если не развенчивать мифические представления о русских, то хотя бы немного удивить японцев.

Учитывая мою специфическую биографию, это было нетрудно.

- Вы что делали вчера вечером?
- Гулял.
- Пешком?
- Пешком.
- Ах, вот оно что. И куда же вы ходили?
- В город Кавасаки, на станцию Мусаси-Мидзоногути.

- Это далеко от вас?
- Нет, 12 километров.
- Сколько?!
- 12 километров.
- И вы шли пешком туда и обратно?
- Да.
- А... сколько вообще вы можете пройти пешком?
- Не знаю, больше чем на 62 километра в день не ходил.

Как мне было объяснить японскому сэнсэю, что в военном училище 12 километров за расстояние никогда не считалось? А водка? До Японии я ее ни разу не пробовал – не испытывал такой потребности, и знаю много людей, которые ее тоже никогда не пили. Убедить в этом японцев я так и не смог. Как доказать человеку, для которого русский – это казак в папаше с бутылкой водки в руке, что я ее никогда не пил? Пришлось пробовать прямо в Японии, но это уже совсем другая история.

Большинство изучающих японский язык наибольшие трудности испытывают с освоением иероглифов. Мне кажется, это тоже в значительной степени результат психологической установки, вызванной отрицательным пиаром: «Иероглифы – это чудовищно! Их могут учить только китайцы и японцы». Эти и подобные им утверждения запугивают студентов еще до того, как они откроют первый учебник. Мне показалось, что освоение иероглифов напоминает первый прыжок с парашютом. Помню, я все время слышал, что это страшно. Когда же в армии мы начали готовиться к первому прыжку, то за две недели нас так замучили теоретической подготовкой и тренировочными укладками, а в воздухе так встряхнуло при болтанке, что, едва открылась дверь, мы ринулись в нее всем скопом и выпускающий взмок, пытаясь остановить нас, чтобы мы не спутались в небе в единый клубок. Тут уж не до страха – работать надо!

К тому же учить все эти тысячи иероглифов для жизни в Японии точно так же не нужно, как и совершенно необходимо, живя в Японии, разговаривать по-японски и различать элементарные знаки количеством около полутора-двух сотен. Говорить в Японии по-английски почти не с кем. Японцы учат английский язык годами и десятилетиями, но выучить его не могут. Мой сэнсэй объяснил это просто: «Японскому народу повезло – нас никто никогда не завоевывал и не переселял. Вот евреи, говорят, имеют склонность к иностранным языкам. А почему? А потому что на протяжении тысячелетий это был народ скитальцев, странников. Евреи живут во всех странах, даже в Японии, и говорят на всех языках. А японцам некуда было идти, потому и языки иностранные нам даются с

таким трудом».

Японцы столь усердно учат английский и с таким вниманием смотрят на американцев, что автоматически забывают о существовании других стран и языков. Мы с моей будущей женой стояли как-то в магазине, мерили что-то и обсуждали потенциальную покупку по-русски. Рядом, внимательно к нам прислушиваясь, пристроились два японца – типичные сарариманы лет тридцати пяти-сорока. Слушали, слушали, и наконец один пожаловался другому: «Двадцать лет учу этот английский, а о чем они разговаривают, все равно не понимаю». Это не анекдот, это широко распространенная в Японии быль.

Если вы не хотите, чтобы круг вашего общения был ограничен англосаксами, японскими тележурналистами и девушками, работающими в клубах развлекательных районов Роппонги и Синдзюку, учите японский – он этого стоит!

Интересно, что в наиболее выгодном положении оказываются в Японии иностранцы, знающие японский язык, но не афиширующие это знание. Россия, мягко говоря, не самая популярная тут страна, и мы, русские, как ни странно, даже можем извлечь из этого некоторую пользу. Речь идет о работе «большой белой обезьяной». Так мы называли этот вид заработка, который довелось попробовать многим гайдзинам, хотя, возможно, они и придумывали для него более благозвучные определения. Русские в Японии могут оказаться кем угодно – в зависимости от фантазии работодателя и собственных способностей. Мой друг Андрей, в прошлом кандидат политических наук, а ныне преуспевающий бизнесмен, однажды выдавал себя в Японии за психиатра из Белиза – настоящий психиатр не приехал, а потерять лицо организаторам международного мероприятия не хотелось. Где находится Белиз и как выглядят белизцы, вряд ли кто в Японии знает, так что белый иностранец, говорящий по-английски с легким акцентом («бабушка бежала в Белиз из России, спасаясь от большевиков»), выглядел очень представительно и совершенно очаровал японцев рассказами о своей экзотической стране.

Другого моего друга знакомая русская певица Катя однажды попросила помочь ей в «раскрутке». Используя элементарные знания французского языка и презентабельную внешность, главным атрибутом которой в тот вечер стали очки, он блестяще справился с задачей. Представ в ночном клубе перед поклонниками певицы в качестве канадского музыкального критика, мой друг, специально и тщательно коверкая французские слова на японский лад, с похвалой отозвался о Катином творчестве, а когда ему начали задавать профессиональные вопросы,

глубоко наморщил лоб и начал рассказывать что-то о Канаде, мешая французские слова с английскими, те с немецкими, а немецкие с японскими. Понять что-то было невозможно, риска уличить его в музыкальном непрофессионализме – никакого, а успех оказался ошеломляющим. Как тут не вспомнить и русскую фотомодель Машу, по требованию продюсера выдававшую себя за Мэри из Кливленда, и Мишу, который, прожив в Японии лет десять, изображал перед камерой впервые попавшего туда немецкого туриста. То, как нас, к обоюдному удовольствию, использовали оборотистые японцы для выманивания денег у своих менее сообразительных сограждан, сильно напоминало демонстрацию диковинных зверьков, которые к тому же умеют разговаривать почти как люди, только непонятно. Наряду с обслуживанием хостесс-бизнеса и туризмом, такая деятельность приносила наиболее гарантированный доход «странным иностранцам» – хэнна-гайдзинам, каковыми и были многие из нас. Настала и моя очередь испытать себя в новом качестве.

Белая обезьяна у яшмовых ворот

Все началось с того, что однажды весной, в середине мая, утром в мою железную дверь, какими оборудованы во избежание перекашивания косяка при землетрясении все японские квартиры, постучал сосед Вадик. То, что это именно он, я понял сразу – все остальные в дверь звонят. К звонкам я относился осторожно – у меня телевизор стоял так, что его было видно от двери. Японцы же часто ходят, собирая деньги на свое «общественное телевидение» – ННК – по квартирам. Не знаю, сколько им подают соотечественники, но я каждый раз в таких случаях говорил, что ННК не смотрю, потому что у меня вообще нет телевизора. Это чтобы они не вздумали еще за какой-нибудь канал собирать – вдруг решат, что у них есть другое телевидение общественное, и мы за него должны платить. Но Вадика я знал – он никогда не звонил: у многодетного отца укоренилась привычка не будить детей звонком, даже если в квартире их нет. Так вот, заходит как-то майским утром ко мне Вадик и начинает меня агитировать:

– Выручай, у меня выставка в Тояме и одновременно в другом месте, туда должен был поехать папа, но ему визу до сих пор не дали. Если он не приедет, у меня с ними сорвется контракт, а это очень плохо. Ну, в общем, тебе надо четыре дня поработать русским ювелиром.

– Нет.

– В Киото.

– Ну... хорошо.

Вадик – ювелир. И папа его – ювелир. И маленький Рин, когда вырастет, тоже, наверное, станет ювелиром. Мне, честно говоря, было бы все равно, если б мы не мое соседство с Вадиком. Мы снимали с ним квартиры на одной лестничной клетке, а точнее, тропинке в маленьком двухэтажном «апато». У Вадика жена, очень красивая японка, и трое детей: две девочки и мальчик. А еще у Вадика есть работа – он режет яшму. Перед домом у нас находилась мастерская. В ней стоял камнерезный станок, на котором он точил сей малоизвестный японцам камень, превращая его потом в камеи, бусы, кулоны и другие украшения, названий которых я так и не смог запомнить, но которые очень нравились японцам. Кстати, папа Вадика, судя по всему, – действительно ювелир, и довольно известный в России. Вадик рассказывал, что в Питере, Москве, Сан-Франциско, Берлине его отец приложил свою ювелирную руку к восстановлению знаменитых тамошних соборов и дворцов.

Папа Вадика приезжал и к сыну, но лишь изредка, занимаясь в основном производством шедевров у себя на дому – в Петербурге. Вадик их довольно успешно продавал за совершенно несусветные, с моей точки зрения, деньги и всерьез задумывался о расширении производства. Проблема заключалась в том, что он не успевал резать яшму и продавать ее одновременно, для этого ему позарез нужен был папа, а папу в Японию почему-то никак не хотели пускать. Вот и сейчас Вадик спланировал сразу две выставки: понадеялся, что отцу успеют сделать визу. Не успели. И если бы не Киото, я бы тоже туда не поехал. Но... Это Киото. Какой иностранец не сохранит у себя в сердце этот город, побывав в нем хотя бы раз? Вот и я полюбил его с самого первого знакомства, случившегося еще несколько лет назад, и готов был отправиться туда в любое время суток и по любому поводу. Даже ювелиром. Так что я сразу же согласился:

– Говори, что надо делать.

– Да практически ничего. С тобой поедет Тода-сан, мой компаньон, все будет делать он. Твоя задача – улыбаться, делать вид, что ты великий русский мастер и ни слова не понимаешь по-японски. Микроскоп и заготовки я тебе дам. Будешь питаться, бери чеки. Зарплата – полтора мана – 15 тысяч в день.

– «Обезьяной», значит? Хватит мана. Все-таки соседи. Да и Киото...

В следующий понедельник Вадик снарядил меня микроскопом, кусками бракованных заготовок и парой сломанных резцов, и я сел в синкансэн. Тот самый Тода-сан, несмотря на то что по возрасту ему вот-вот

на пенсию, оказался вполне компанейским парнем, всю дорогу шутил, рассказывал о своей учебе в университете и о кэндо – фехтовании на мечях. Японец мне положительно нравился, Киото оказался, как обычно, великолепен, да и работа обещала быть непыльной. Живи да радуйся.

Правда, в первый же день по приезде я столкнулся с непредвиденными трудностями, а по-русски говоря, случился прикол: не работал микроскоп. Точнее, он работал (наверное), но я не умел им пользоваться. Спросил японца – он же вроде опытный, но этот Тода-сан хмыкнул что-то вроде «серая бандура», повертел его в руках, но... чего его вертеть? На подставке только табличка: «Сделано в СССР. Усть-Кутский завод точных приборов. 1952 г.» и никаких инструкций. Для японцев, привыкших, что яйца в магазине можно купить с инструкцией по очистке скорлупы, и встающих перед красным светофором именно там, где на тротуаре нарисованы белые ступни, сталинский микроскоп был штукой еще более загадочной, чем для меня. Пришлось учиться резать яшму вслепую. Уткнувшись одним глазом в эту оптическую трубку, а там чернота – тьма кромешная! Но вожу добросовестно сломанным резцом по бракованному камню, пытаюсь снять с него стружку. Главное, думаю, палец себе не отрезать. Вокруг толпы японцев – все ювелиры, участники «Международной выставки драгоценностей в Киото»: смотрят на меня, на то, как с микроскопом управляюсь, – внимательно так, головами покачивают, но о чем говорят, не слышно – в сторонку отходят. Я как-то раз спросил у Тоды, о чем это они. Он ответил, что «коллеги» удивлены моим мастерством. Если бы они знали, что я делаю это вслепую и первый раз в жизни, удивились бы еще больше. Один был особенно хорош – ростом чуть больше метра в прыжке, с набеленным лицом – вылитый Юдашкин, только очень худой, бледный и с большой золотой брошкой в лацкане. Подойдет ко мне, головку набок склонит и мурлычет все одно: «сугой, сугой» – «классно», значит.

Но это были только яшмовые цветочки. Яшмовые ягодки начались на следующий день – день начала работы выставки.

– Ничему не удивляйтесь, Куланов-сэнсэй, – посмеиваясь, говорил мой новый друг Тода, – говорить буду я. Вы должны делать вид, что ничего не понимаете по-японски, а когда я дам знак, скажете что-нибудь по-русски. Какую-нибудь ерунду. Не важно.

– А эти люди вокруг?

– Никто не знает, что вы на самом деле не ювелир. Но это мелочи. Вы, главное, смотрите поверх всех и делайте лицо, как...

– Как у глупого иностранца?

– Да. – Тода снова засмеялся, довольный моей сообразительностью. –

Все, едут!

Едут, едут, гости едут! Это надо было видеть: огромное помещение главного зала древней самурайской виллы пришло в движение – ехали гости, они же покупатели. Со всех концов Японии сюда большими автобусами свозили жертв нашей распродажи – самых богатых людей этой страны, ее золотой фонд – пенсионеров и пенсионерок Страны корня солнца. Обремененные накопленными за долгую трудовую жизнь деньгами и располагающие здоровьем, временем и желанием, японские бабушки – «обаа-сан» или просто «обаасанки», как мы их называли, слетелись на нашу выставку со всей Японии. И ведь что интересно: имеющие возможность купить все то же самое, но по гораздо более низким ценам где-нибудь у себя в Фукуоке или Накасибэцу, они нарядились в роскошные кимоно и приехали в древнюю столицу, чтобы насладиться ее храмами, кухней и со вкусом потратить деньги именно здесь. И как раз в этом – последнем – и собирались помочь им мои новые знакомые.

Организаторы старались на совесть. Вынув бабулек из окутанных кондиционированной прохладой автобусов, провели на экскурсию по древнему саду, окружающему виллу, и бросили остывать в ресторан, располагающийся тут же и славящийся, как написано в путеводителях, «своей изысканной кухней, ценителем которой был знаменитый самурай Миямото Мусаси». Насладившихся самурайской стряпней гостей все ближе и ближе подводили к главному залу, давая им потомиться и не подпуская сразу к входу, перед которым стояло два десятка флагов с эмблемой выставки. Сначала их вели... на лекцию.

В большой татамированной комнате представители каждого стенда по очереди расхваливали, пока за глаза, свой товар, рассказывая о неземных достоинствах янтаря, жемчуга, бриллиантов, рубинов... Но самый тяжелый удар – русской яшмой – ждал «обаасанок» в конце. Усевшись в традиционной позе на татами, человек 50 японских бабушек и дедушек ожидали нашего выхода. Первым являлся Тода-сан. Высокий и элегантный, с редкими для японцев благородными усиками, в синем блейзере и с галстуком с изображением храма Спаса-на-крови, он производил сильное впечатление на потенциальных покупательниц. Совершенно по-кавказски распушив хвост, он подмигивал им, ввергая их в пучину смущения, размахивал руками и даже приподнимался на носки, рассказывая душещипательную историю «моего» появления в Японии: «Далеко-далеко на севере есть огромная страна О-росия. Далеко-далеко на севере этой страны есть огромный город Санкт-Петербург, весь покрытый снегом. В нем очень много дворцов и есть даже целые комнаты, стены, пол и потолок

которых сделаны из яшмы – драгоценного камня, встречающегося только в северных горах О-росии».

Тут очарованные Тодой бабушки обычно начинали подаваться несколько вперед, внимая его словам и ритму рассказа, а Тода рубил воздух рукой: «Много лет назад, когда у нас была война с Америкой, русские тоже воевали, но только с Германией. Немцы почти полностью разрушили яшмовые дворцы, и тогда русские мастера начали их восстанавливать. Это был адский труд. Год за годом, день за днем. По чуть-чуть, по чуть-чуть».

– Хо! – выдохали почтенные гости ярмарки, покоренные, видимо, возникшей в их головах картиной адского труда загадочных русских камнерезов.

– Наконец русские восстановили все дворцы и все-все яшмовые украшения в них!

– Хо-о!

– И сегодня, – в этом месте слушатели неизменно напрягались, а Тода давил на них интонацией, – к нам в гости приехал один из этих великих ювелиров, участник восстановления северных дворцов, – тут он делал паузу, – знаменитый в Америке ювелир Куланов-сэнсэй!

– Хо-о! Хо-о! – стонали слушательницы.

– Его рост почти два метра, у него голубые глаза и он ни слова не понимает по-японски! – вбивал, как гвозди, Тода.

– Ум-м-м-м, – стонали бабушки, и... тут выходил я. На второй день, исполнив этот выход раз восемь, я довел его почти до совершенства: напускал творческую пелену на глаза, «по-камнерезовски» сжимал кулаки, старался смотреть куда-то в потолочную балку и – главное – не рассмеяться от восхищенного дыхания несчастных японских бабушек, уже почти обреченных на сдачу своих накоплений. Обычно через одну-две минуты после моего выхода кто-то из них не выдерживал, и раздавался сдавленный писк: «Он действительно не говорит по-японски?» Тода строго смотрел на меня, а я замороженно выдавливал на чистейшем русском языке: «Екатерина Великая», после чего неуклюже кланялся и выходил из зала под финальное «хо-о-о-о-о!».

Вернувшись «к станку», я выпивал банку холодного кофе и ждал гостей. Вскоре тех самых бабушек запускали в зал. Перетекая от одного стенда к другому, «обаасанки» теряли личный состав, как войсковая колонна на долгом переходе. Стоило одной из бабулек на мгновение задержаться у понравившейся вещи, как ее обступали два-три продавца (в основном это были женщины зрелого возраста), ненавязчиво подводили к небольшому столику, не забыв захватить с собой понравившуюся

безделушку, и сажали пить чай. Пить могли часами. Продавцы при этом сидели на корточках вокруг угнездившейся на стуле потенциальной покупательницы и разговаривали, разговаривали, разговаривали... О погоде, корейской опасности, многочисленных родственниках, Майкле Джексоне и Доу-Джонсе. По-моему, им было все равно. При этом безделушку все время крутили у покупательницы перед носом, давали подержать ей в руки, делали все, чтобы она привыкла к ней, ее теплу и не смогла без нее уйти.

И вот тогда я понял, зачем я был там нужен. Вадик не мог позволить себе содержать таких опытных продавщиц, как его японские конкуренты, и сделал упор на необычность иностранного товара и то изумление, которое обычно и до сих пор сопровождает явление иностранца провинциальным жителям этой далекой планеты. «Белая обезьяна» – это маркетинговый ход, учитывающий особенности японской психологии, помноженные на точный русско-японский расчет. Моей задачей было их удивить, а заставить удивленного человека купить даже ненужную ему вещь мог и один Тода.

Снова и снова после «лекции» я терпеливо ждал, уткнувшись глазом в бездыханный микроскоп производства какого-то там завода, когда ко мне подойдет очередная жертва, а почувствовав ее дыхание (бабули буквально утыкались носом мне в пальцы), внезапно поднимал голову, в упор смотрел на нее, изо всех сил пуча и кругля глаза. «Хо-о!» – вздыхала бабуля, и тогда Тода мягко брал ее под рукав кимоно и предлагал купить за несколько сот тысяч иен какую-нибудь яшмовую безделушку. Фото с «мастером» – бесплатно.

После нескольких таких экскурсий Тода-сан придумал историю о том, как я лишился пальца, отрезав его себе резцом, ваяя какие-то мифические яшмовые ворота (палец я отрубил в молодости, когда работал на заводе), а я начал вступать в примитивный разговор с клиентками, не только вылупляя на них глаза, но и приговаривая что-то вроде «и по чуть-чуть, и по чуть-чуть». Со временем я так вошел в роль, что начал поддакивать Тоде, рассказывая о резке яшмовых ворот. Правда, поначалу путался и говорил, что шлифовал нефритовый стержень, но японцы относили это на счет моего полного незнания языка. Все это здорово прибавило нам популярности, а моим работодателям – и денег, но и уставали мы довольно сильно.

С каждой экскурсией я все чаще задумывался о том, кто кого испортил – мы японцев своей наглостью и врожденными повадками Остапа Бендера или они нас – виктимностью и простодушием, превосходящим иногда все разумные пределы? Сейчас у меня есть ответы на эти вопросы, но... пусть

они останутся моим личным мнением. Скажу только, что, когда Вадик в следующий раз предложил мне ехать на очередную выставку, я отказался. Даже если она в Киото. А несколько дней спустя, выходя из дома, я встретил старого знакомого – Тода-сан. Он спешил куда-то с бородатым русским мужиком, у которого из десяти штатных пальцев на руках оставалось от силы семь. Тогда перехватил мой изумленный взгляд и подмигнул: «Яшмовые ворота», после чего сел с мужичком в такси и уехал.

Русские тайны Мунэо Судзуки

«Допрос с пристрастием»

Строго говоря, японцы, помимо того что страшно гордятся наличием на своих островах четырех сезонов, иногда добавляют к ним пятый – цую – сезон сливовых дождей. Он продолжается обычно около месяца, с конца мая до конца июня, и отличается от остального жаркого и влажного лета еще большей влажностью и долгими, тягучими дождями. Начало цую в моем районе отмечалось еще и парадным выходом на улицу многочисленных крыс. Помню, как одна из них подпрыгивала тушканчиком на вымощенной красным булыжником торговой улочке перед входом в круглосуточный конвинус – «комбини» – и все пыталась укусить в прыжке кого-нибудь из покупателей. На стенах моего дома суетились неуловимые ящерицы, а внутри невесть откуда появился огромный черный таракан, задавить которого удалось далеко не с первой попытки: мягкая подошва тапочка при этом прогибалась, как если бы я наступил на яблоко-дичку, а крылышки таракана хрустели прожаренными куриными косточками. С концом цую бесплатный зоопарк волшебным образом закрывался: и правда – особое время года. В этот же сезон цую 2002 года в японской политике закончился страшный скандал: в начале июня был арестован влиятельный депутат парламента Мунэо Судзуки. Благодаря знакомству с ним мое открытие Японии началось на две недели позже: на въезд в эту страну понадобилась виза министра иностранных дел Ёрико Кавагути – я попал в какие-то списки людей, «запятнавших себя связью с Судзуки». Скандал этот не стоил бы упоминания – что нам японские депутаты, если бы не был тесно связан с той проблемой, которую официальные японцы считают главной в отношениях между Россией и Японией. Есть смысл ту историю вспомнить и попробовать в ней разобраться.

Я начал целенаправленно заниматься Японией довольно поздно – в 1998 году, когда мне было уже 28 лет. В то время я служил в армии, что никак не способствовало развитию моего увлечения, и после ряда чрезвычайно бурных событий, о которых когда-нибудь еще расскажу, я повесил в шкаф мундир и пришел на работу в журнал «Япония сегодня». Отсутствие японистического образования не способствовало (как не способствует и сейчас) моему признанию в узком мире японоведов, но дало

возможность общаться на равных с читателями. Пытаясь восполнить недостаток знаний, я и сам много читал, смотрел и слушал все то, что имело хоть какое-то отношение к Японии, и вскоре получил первый толчок со стороны к углублению этих знаний.

В августе 1999 года я оказался в группе русских журналистов, направленных в ознакомительный тур по Японии за счет только что созданного Центра японо-российских молодежных обменов, больше известного как Центр Обути (по фамилии одного из основателей – покойного ныне японского премьера Кэйдзи Обути). Помимо других интересных событий, во время той поездки произошло мое знакомство с влиятельным политиком, которого наши переводчики-японцы, таинственно прикрыв рот рукой и понизив голос до шепота, характеризовали как второго человека в Японии, как «японского Волошина» – заместителем генерального секретаря Кабинета министров Мунэо Судзуки.

В компании с другими журналистами из России мы встречались с Судзуки не раз – в официальной обстановке: в резиденции премьера в Нагата-те – и в не очень официальной: в ресторанах и караоке. Судзуки всегда был очень энергичен, быстро говорил, рубил воздух рукой и пару раз даже стукнул меня в грудь, в запале рассуждая о чем-то политическом, но он никогда не «нажимал» на нас. Очень непростой человек, окруженный мудрыми советниками, он старательно моделировал имидж «рубяхи-парня» и немало в этом преуспел. Он был мне искренне симпатичен – вечно куда-то бегущий, бурлящий, неистовый и экспрессивный, так непохожий на типичного японского политика или дипломата. Вернувшись, я писал о нем, писал хорошо, за что вскоре и поплатился. Во время скандала Судзуки был обвинен в коррупции, в давлении на госчиновников из японского МИДа и чуть ли не в шпио наже в пользу России. В феврале-марте 2002 года он был назван «самым подлым человеком Японии», а все, кто когда-либо контактировал с ним, автоматически попали в «черный список».

Рикошетом досталось и мне. Зимой 2002 года, уже собираясь на стажировку в Токио, когда практически все документы были оформлены, я заехал в редакцию «Японии сегодня». Как нарочно, все сотрудники вышли на обед, и я остался в офисе один. В это время и раздался звонок, возвестивший мне о начале знакомства с японской демократией в СМИ:

- Это журнал «Япония сегодня»?
- Да.
- Мне нужен господин Куланов.
- Это я.
- Да? Очень хорошо. Здравствуйте.

- Здравствуйте.
- Это М... из корпункта газеты «Ёмиури» в Саппоро. Скажите, вы знакомы с Мунэо Судзуки?
- Знаком.
- Вы с ним встречались?
- Встречались.
- Да, хорошо. А сколько раз?
- Не помню. Четыре или пять.
- А вы что-нибудь ели во время этих встреч?
- Ну, иногда ели, иногда не ели. Встречались в разных местах.
- Да, хорошо. А в ресторанах встречались?
- Встречались. Вас интересует, что конкретно мы ели?
- Нет, конечно! Что вы! Нет. А что вы пили?
- Я – пиво. Что пил Судзуки-сан, я не помню, а что?
- Да, хорошо. А он просил вас писать о нем хорошие статьи?
- Нет, не просил.
- Да, хорошо. А вы писали?
- Писал.
- Хорошо. Значит, он просил писать о нем хорошие статьи?
- Нет, не просил!
- Да, хорошо. Но вы все-таки писали о нем.
- О нем многие писали, а в Японии так практически все!
- Да, хорошо. Вы уверены, что он не просил писать о нем хорошие статьи?
- Уверен.
- До свидания.

Через две недели в «Ёмиури» вышла статья, в которой досталось многим русским журналистам за «порочащие связи» с японским депутатом. Моя фамилия там не упоминалась, но мой отъезд в Японии задержали на две недели – «допрос с пристрастием» не прошел бесследно. Почему эта «обыкновенная история» оказалась так важна для Токио?

Хроника забытого скандала-1

Для миллионов простых японцев все началось 28 января 2002 года, когда они увидели по телевизору своего обожаемого министра иностранных дел – Макико Танаку – плачущей. Причиной столь странного даже для известной своей экспрессивностью главы МИДа поведения стало

оскорбление: депутат от Либерально-демократической партии Японии (ЛДП) Мунэо Судзуки назвал ее лгуньей в ответ на обвинение в свой адрес.

Через неделю Макико Танака была уволена с поста главы МИДа, а ее место заняла гораздо более выдержанная и менее популярная Ёрико Кавагути. В результате рейтинг премьер-министра Коидзуми упал вдвое, и в парламенте был даже вынесен (отклоненный, впрочем, большинством голосов) вотум недоверия правительству. Одновременно начались какие-то странные сложности в проходивших тогда переговорах Кавагути и шефа российского МИДа Игоря Иванова относительно территориальной проблемы. Дошло до того, что глава токийской дипломатии заявила, что ее русский коллега не хочет рассказывать всей правды о ходе консультаций между Россией и Японией и что якобы русские уже согласны вести переговоры о передаче Японии одновременно всех четырех спорных островов, а не двух, как это предполагалось ранее. Разногласие принципиальное: до этого времени Москва соглашалась обсуждать судьбу двух из четырех островов, японцы же, твердя все время о четырех, казалось, были все-таки готовы к компромиссу, и вдруг...

Ведомство Иванова ответило, что переговоры о судьбе Южных Курил – вопрос весьма деликатный и «стороны лишь договорились активно продолжать переговоры о заключении мирного договора». МИД Японии через своего представителя в Москве с этим согласился, но уже на следующий день премьер Коидзуми объявил о том, что он намерен «четко обозначить принадлежность» всех спорных островов, невзирая на попытки *неких политических сил* получить вначале два острова, а «потом уже думать об остальных».

В начале февраля Игорю Иванову предложили проинформировать депутатов о реальном состоянии дел в переговорном процессе с Японией. 7 февраля на Сахалине началась акция протеста против передачи Курил Японии, прошли пикеты в Хабаровске. В Токио были приняты особые меры для охраны российских диппредставительств и учреждений, к посольству России стянули тысячу полицейских и спецназ – на случай «демонстраций и митингов». На следующий день глава думского комитета по международным делам Дмитрий Рогозин раскритиковал жесткую позицию японского правительства, а губернаторы Хабаровского края и Сахалинской области вдруг одновременно заявили о том, что складывающаяся политическая обстановка может негативно сказаться на японских инвестициях в Дальний Восток. С этого момента и до середины апреля в Москве и на самом Дальнем Востоке чуть ли не ежедневно проходили мероприятия и митинги, посвященные «Курильской проблеме»,

суть которых сводится к лозунгу «Ни пяди родной земли».

В Японии все развивалось еще быстрее и драматичнее. Только сейчас, по прошествии нескольких лет, можно отделить от самого скандала некоторые события, которые не относились к нему непосредственно, но очень удачно легли в общую канву. Здесь и арест чиновника, отвечавшего за материальное обеспечение зарубежных визитов премьер-министра Японии и прикарманившего около 4 миллионов долларов, и убийство во Владивостоке японского студента Такаси Фурукава, и обнародованное в тот же день (!) требование японской полиции выдать для допроса офицера ГРУ, работавшего под крышей русского торгпредства, но уже давно покинувшего Японию. На те же тревожные для японских политиков дни пришла и операция на сердце у экс-премьера Рютаро Хасимото – «друга Рю», как называл его Борис Ельцин. Хасимото, к счастью, тогда выздоровел, а вот того самого депутата Мунэо Судзуки, который стал причиной увольнения Макико Танаки, ожидали действительно серьезные неприятности. Начались они с глупой шутки: в начале февраля он получил по почте конверт с белым порошком (в это самое время Америка боролась с сибирской язвой). Порошок оказался стиральным, но стал вестником тяжелых перемен и в жизни Судзуки, и в российско-японских отношениях. Чтобы понять почему, надо кое-что рассказать об этом человеке.

Спринтер Мунэо

Мунэо Судзуки родился 31 января 1948 года в городке Асиеро на самом северном японском острове Хоккайдо – в глубокой провинции. Выучился, как говорят, на «медные деньги», поступив на факультет политэкономии малоизвестного университета. Еще будучи студентом, он стал помощником депутата парламента от Хоккайдо Накагавы – политика истероидного типа, близкого к правым кругам и, как утверждают, к японской мафии – якудза. Возможно, поэтому сообщение о том, что однажды Накагаву нашли повешенным в номере гостиницы, мало кого удивило. Зато многие изумились, узнав, что главный хранитель тайн Накагавы – его помощник и кассир Мунэо Судзуки – не только остался жив (обычно в таких случаях жертвами становились как раз секретари, а не их шефы), но и с первой попытки занял место почившего патрона в парламенте. Журналисты вспоминают эту историю Судзуки и сегодня, но японский суд не рассматривает легенды, поэтому вернемся к тому, что известно более-менее достоверно.

С 1983 года, когда он был впервые избран депутатом Палаты представителей, Мунэо Судзуки сделал стремительную по японским понятиям карьеру. Трижды он становился парламентским заместителем начальника Управления национальной обороны Японии, один раз – парламентским заместителем министра иностранных дел, был членом спецкомиссии по вопросам Окинавы и «северных территорий», министром по развитию Хоккайдо и Окинавы, а в 1998 году стал заместителем генерального секретаря кабинета министров Японии. Заметен он был и во внутрипартийных списках, возглавляя поочередно отделы внешних сношений ЛДПЯ, Национальной безопасности и неоднократно становясь заместителем председателя партии.

Будучи депутатом от тех районов Хоккайдо, которые непосредственно примыкают к «северным территориям», Мунэо Судзуки сделал эти острова своей козырной картой. Понимая, что наиболее активны те избиратели, которые чувствуют ущемление в правах, используя давнюю обиду многих японцев на СССР и держась в колее главной политической линии Японии, Судзуки сумел раздуть это чувство до масштабов поистине вселенских. Его карьерный рост пришелся как раз на те времена, когда распался Советский Союз, когда Михаил Горбачев, пусть и довольно туманно, но вселил в японские сердца надежду на возвращение Южных Курил, а «друг Борис» пообещал «другу Рю» решить этот вопрос до 2000 года. Это был звездный час Мунэо Судзуки. Неофициально отвечавший в парламенте за «большую тему», он наконец-то стал большим политиком, и его узнали не только в Японии. Когда в 1990-е годы жители Южных Курил замерзали на столь нужных нам островах, напрочь забытые Москвой, о них вспомнил депутат Судзуки. Неважно, что это нужно было ему самому. Важно, что тепло требовалось русским. Его стратегия челночной дипломатии принесла свои плоды: Курилы получили электростанции, Дом дружбы, многие другие хозяйственные объекты и открытую Судзуки официальную линию гуманитарной помощи островам.

Рейтинг японского депутата рос не по дням, а по часам, чему способствовала его кипучая деятельность: утром он присутствовал в Токио на состязаниях борцов сумо, чего был большим любителем, а вечером бежал марафон на жаркой Окинаве, срывая аплодисменты и на бегу раздавая интервью. Теперь его называли не иначе как «тайным министром иностранных дел», «серым кардиналом японского МИДа». Его поездки в Россию быстро перестали ограничиваться Курилами, где он, по его собственному признанию, чувствовал себя как в своем избирательном округе, и все чаще Судзуки становится гостем российской столицы.

Весной 2000 года умер его личный друг – премьер-министр Японии Кэйдзи Обути. Последнее письменное обращение покойного было адресовано новому, только что избранному Президенту России Владимиру Путину. Доставил его в Москву Мунэо Судзуки, смахивавший слезу по скончавшемуся другу-премьеру. Ровно через два года депутату пришлось плакать снова.

Хроника забытого скандала-2

20 февраля Мунэо Судзуки был обвинен в злоупотреблениях, допущенных при распределении подрядов на гуманитарную помощь Южным Курилам. Суть обвинения сводилась к следующему: используя свое влияние на МИД, Судзуки добивался того, чтобы подряды на строительство Дома дружбы на Кунашире, уже во время скандала прозванного японскими журналистами «Мунэо-хаусом», доставались фирмам только его избирательного округа. В благодарность за это увеличивались пожертвования избирателей в политический фонд Судзуки. Мысль о том, что депутат хлопотал бы о чужом округе, а совсем уж посторонние избиратели вдруг начали вносить деньги незнакомому депутату, не казалась японцам дикой. Фактически Судзуки обвинили в добросовестном исполнении своих депутатских обязанностей – по русским понятиям, но это было уже не важно: машина скандала оказалась запущена.

Начались комиссии, проверки, выемки документов, и уже 26 февраля Мунэо Судзуки признался в том, что помогал своим избирателям, лоббируя их интересы, одновременно отвергнув, правда, те пункты обвинения, которые касались нарушений закона. Он плакал, стоя на депутатской трибуне и отказываясь от членства в ЛДПЯ.

28 февраля были отозваны со своих постов и подвергнуты допросам посол Японии в Нидерландах Кадзухико Того и представитель Японии при Организации экономического сотрудничества и развития Муцуеси Нисимура – оба специалисты по России. Лишились своих постов начальник канцелярии МИД и директор департамента Африки, а министр иностранных дел Кавагути оштрафовала на два месячных оклада сама себя – за недосмотр.

4 марта парламент потребовал допроса Судзуки, пригрозив заблокировать прохождение госбюджета на следующий год, а 6 марта Япония сообщила, что пересмотрит программы помощи Южным Курилам. Встревоженный МИД России выступил в ответ с заявлением, что

внутренний скандал в Японии не должен сказаться на российско-японских отношениях. Поздно – гуманитарная помощь России была прекращена, а более 20 крупных японских дипломатов и чиновников, заподозренных в связях с «группой Судзуки», в том числе двое послов, были оштрафованы и уволены со своих постов, несколько человек отправлены за решетку.

Скандал прогрессировал всю весну, вовлекая в свою орбиту все новых действующих лиц, а вечером 19 июня был арестован бывший «серый кардинал», а ныне «врун и предатель», «самый подлый человек Японии» Мунэо Судзуки – 16-й депутат японского парламента, протянувший руки для наручников за всю послевоенную историю страны. Тяжелее всех это известие пережил самый загадочный персонаж этой истории – бывший старший аналитик МИДа и шеф русского направления японской внешнеполитической разведки 42-летний Масару Сато.

Кто вы, доктор Сато?

Имя этого человека впервые стало известно широкой публике только после его ареста и объявления им 48-часовой голодовки в знак протеста против задержания Мунэо Судзуки. В биографии Сато до сих пор множество неясностей и «белых пятен». Одни говорили, что он даже не учился в университете, что для японского чиновника такого ранга просто непостижимо, другие называли его «Доктор Сато», что подразумевает обязательное наличие докторской степени. На самом деле неправы и те и другие .

Масару Сато преподавал в Токийском университете, не имея докторской степени, но и необразованным выскочкой он тоже никогда не был. Сато окончил малоизвестный за пределами Японии университет Досея и стал магистром – специалистом в области религиозной философии. Одно время он даже преподавал теологию на философском факультете МГУ, издал на русском языке книгу «Церковь и мир», а в другой своей книге, настоящей азбуке японской агентурной разведки под нехитрым названием «Искусство переговоров», учил искусству вербовки на библейских примерах. Возможно, поэтому злые языки называли Сато «Японским Распутиным». Между прочим с легендарным старцем Сато роднили не только незаурядные способности влияния на нужных людей и великолепное владение языком.

Те, кто знал Сато лично, описывают его примерно в одних и тех же выражениях: внешне похож на университетского профессора

неопределенного возраста, одет в мешковатый костюм с дорогим галстуком, волосы всклокочены, очки в старомодной роговой оправе, в руке потрепанный портфель. При этом его характер и способности составляли разительный контраст с внешностью: абсолютный неаппетит, авантюрист в хорошем смысле этого слова, фантазер и романтик, человек с острейшим умом и реакцией, обладающий развитым чувством юмора и умением остро пошутить. Этот любитель дорогих галстуков, знаток и тонкий ценитель французской кухни, прогуливаясь однажды по Токио с одним из членов Совета Федерации РФ, вдруг взял его за руку и показал камеру наружного наблюдения: «Нас снимает контрразведка», а увидев испуг на лице своего спутника, весело расхохотался – шутка!

Судьба свела Сато и Судзуки в середине 90-х, когда они случайно встретились во время одной из поездок на север Хоккайдо. К тому времени Сато обладал большим опытом общения с русскими: работая в японском посольстве в Москве, он не только занимался финансовыми махинациями, в которых полностью созрел позже, но и читал лекции на философском факультете МГУ. Со дня встречи Сато и Судзуки они никогда не расставались надолго, а в карьере харизматического депутата появилось одно конкретное направление – русское. Именно Масару Сато был настоящим генератором идей в «русской группе» Мунэо Судзуки, которого он снабжал информацией о политических решениях в российском руководстве, получаемой непосредственно из окружения президента РФ. В отличие от своего шефа, Сато начал самостоятельно ездить в Москву довольно давно, предпочитал останавливаться со своей помощницей и подругой в «Президент-отеле» или на государственных дачах своих друзей, среди которых были влиятельнейшие политики ельцинской и путинской России.

В свою очередь, Судзуки специально для Сато «продавил» создание в МИДе должности старшего аналитика, заняв которую Сато сосредоточил в своих руках сбор и анализ всей информации о России, поступающей в Японию по линии МИД. Будучи по своим убеждениям «твердым державником» и постоянно готовый хотя бы на миллиметр, но продвигаться в достижении заветной цели – возврата «северных территорий», Сато убеждал в своей правоте других патриотов, прежде всего Судзуки, который обеспечивал идеям своего друга политическую поддержку, и Кадзухико Того – внука министра иностранных дел Японии военных времен, профессионального дипломата и русиста, бывшего министром посольства в Москве, директором департамента Европы и Океании МИД Японии, а затем послом в Нидерландах. Того со

свойственным ему изяществом придавал идеям Сато дипломатический лоск и доводил их до сведения российского руководства – как оказалось, к неудовольствию сразу трех государственных машин: российской, японской и американской.

Масару Сато был арестован за несколько дней до Судзуки по обвинению в злоупотреблениях и нецелевом использовании финансовых ресурсов МИДа: одним из пунктов обвинения стала организация на бюджетные деньги экскурсии на Мертвое море для участников семинара по политике Путина, проводившегося в Тель-Авиве в тесном контакте с израильской разведкой МОССАД. Скандальное, с голодовками и обличительными выступлениями, тюремное заключение длилось 512 дней. После него Сато уже не смог вернуться в политику и зарекомендовал себя как талантливый автор. Его перу принадлежат несколько книг, в том числе сборник рецептов и уже упоминавшееся «Искусство переговоров», сравнить которую можно только с «Рецептами русской кухни» другого аса шпионажа, шефа восточногерманской «Штази» Маркуса Вольфа. Сато откровенно рассказал о способах и методах работы политической разведки Японии против России, включая «сексуальные ловушки» и подкуп, назвав имена своих «друзей». Книга не вызвала особого интереса ни в Японии, ни в России. Сато проиграл, а проигравшие не вызывают интереса, они просто становятся частью истории.

Кому это выгодно? – Версии

Разгром «русской группы», арест Судзуки, Сато, некоторых других участников скандала, вывод из игры Кадзухико Того, оставившего дипломатическую службу, тяжело заболевшего и до сих пор скрывающегося от журналистов и коллег где-то в Европе, полностью изменили картину складывающихся политических отношений между Россией и Японией в начале века. Как ни странно, они были выгодны всем: японцам, русским и американцам. Почему? Сейчас ответ на этот вопрос не кажется таким уж сложным .

Версия первая – американская. Она выглядит наименее явной и особенно непонятна тем, кто далек от понимания реальной политической ситуации в Японии. Суть ее сводится к тому, что, по признанию некоторых источников в Токио, работая с Судзуки, они постоянно испытывали на себе давление со стороны высокопоставленных чиновников, близких к Государственному департаменту США. Учитывая тесные

внешнеполитические связи Японии и Соединенных Штатов, в которых наш дальневосточный сосед является ведомым, и помня о том, что Япония находится в подчиненном по отношению к Америке положении в связи с существованием Договора о безопасности, – почему бы и нет? Впрочем, никаких подтверждений эта версия не имеет, за исключением того, что Госдеп действительно был очень недоволен резко возросшей активностью Судзуки и отказом последнего согласовывать свои визиты в Москву с Вашингтоном. Единственным официальным упоминанием об «американском следе» в ходе скандала стало странное заявление представителя посольства США в Японии от 25 февраля 2002 года о том, что президент Буш не предлагал премьеру Коидзуми свою помощь в оказании давления на Москву в целях скорейшего разрешения проблемы территориального размежевания. А что такое «тесные внешнеполитические связи», понятно из японского анекдота, в котором рассказывается о том, как японский премьер-министр в летнюю жару выходит из своей резиденции в пальто, мотивируя это тем, что в Вашингтоне сегодня дождь.

Версия вторая – российская. События зимы-весны 2002 го да погрузили наше внешнеполитическое ведомство в состояние глубокого шока. То и дело из Москвы раздавались уверения в том, что скандал имеет сугубо внутривосточную подоплеку, и просьбы в адрес Японии сохранить и продолжить «поступательное развитие» двусторонних отношений вне зависимости от исхода «дела Судзуки». Многие высокопоставленные дипломаты, в том числе бывший посол РФ в Японии А. Панов, с тревогой говорили о том, что скандал поставил на грань срыва все достигнутые договоренности и добрососедские отношения между нашими странами в принципе. В ответ японская желтая пресса назвала Судзуки и Сато «русскими шпионами». Вот тогда-то, муссируя слухи о «русских тайнах» Мунэо Судзуки, журналисты из Токио и Саппоро и начали звонить в Москву, пытаясь найти всех, кто когда-либо встречался с Судзуки, и требовали подтвердить, что некогда грозный Мунэо пытался использовать связи в России для популяризации своего имени, поступившись национальной идеей.

Рядовые японцы явно не понимали и не понимают сейчас, что именно Судзуки, Сато и их группа были немногими людьми в Японии, хотя бы отдаленно представлявшими себе психологию русских, реальное состояние дел в России и делавшими все для возвращения Японии спорных территорий. Поняв, что вернуть сразу все острова невозможно, команда Судзуки упорно добивалась от России промежуточных решений, направленных в итоге на одно и то же – передачу островов. Для давления

на верхушку российской власти было решено не действовать «в лоб», а искать обходные маршруты, предпринимать многоходовые комбинации. В период наивысшего накала переговоров Масару Сато летал в Москву каждые две недели. По признанию одного из российских журналистов, близких к нашему МИДу, «Сато так задолбал наших дипломатов своими инициативами, что когда его посадили, наши наконец-то вздохнули свободно».

Резкое ужесточение позиции Японии по Южным Курилам, наступившее еще в ходе скандала Судзуки, повлекло точно такое же ужесточение позиции России. В результате обе стороны поняли, что процесс зашел в тупик, и... забыли на время о проблеме. Как только стало понятно, что прямо сейчас ответа на все вопросы не найти, и Россия, и Япония занялись другими – более насущными и не терпящими отлагательств – делами.

Версия третья – японская. То, что скандал Судзуки – проблема внутренней политики Японии, многим стало ясно еще в разгар событий. Один из самых популярных премьеров Японии за всю ее послевоенную историю, Дзюньитиро Коидзуми, приобрел к 2002 году сразу двух серьезных соперников. Первым из них был Судзуки, оказавшийся к тому же, в отличие от «западника» Коидзуми, ориентированным на развитие отношений с Россией. Политику Судзуки многие в самой мощной японской партии – ЛДП – не понимали и не разделяли. К тому же ставка некоторых внутрипартийных группировок на Коидзуми была слишком высока – впервые за долгие годы удалось найти премьера, обладавшего такой высокой популярностью, несмотря на то что обещанные реформы то и дело топтались на месте. Лучшим вариантом для оправдания провала перестройки было нахождение «козла отпущения» в рядах собственных чиновников. Судзуки был назначен жертвой – своеобразным японским Лигачевым.

Одновременно на политическом небосклоне засверкала еще одна яркая звезда, грозившая полностью затмить и Коидзуми, и Судзуки, – Макико Танака. Дочь скандально известного, до самой смерти подозреваемого в коррупции экс-премьера Какуэя Танаки сорвала банк, превратившись в кумира японских домохозяек – наиболее активной части местного электората. Многие политики не сомневались (да и сейчас не сомневаются), что, существуй в Японии прямые выборы главы правительства, – быть тогда Макико Танаке во главе государства.

Суть японской версии состоит в том, что группировка Коидзуми уничтожила обоих противников одним ударом. Судзуки был спровоцирован

Танакой, она ушла в отставку, ее место заняла Ёрико Кавагути, а Судзуки, только что обидевший кумира женской половины Японии, фактически был обвинен в предательстве национальных интересов. Интересная деталь: во время скандала из японского МИДа внезапно начали пропадать многочисленные секретные документы, которые потом налаженным потоком поступали в руки японских журналистов и комментировались политиками. В одном из таких документов цитировались слова Судзуки о том, что возвращение Южных Курил – «дело не выгоды, а национального престижа». Глава правительства назвал это высказывание «возмутительным», опровергнув тем самым доводы своих предшественников, упировавших на то, что «крабы нам, дескать, не нужны, а честь не замайте». Но и этого никто не заметил, и упавший было рейтинг премьера снова пополз в гору.

Все в прошлом. Все в будущем?

В июне 2002 года по Японии прокатилась и угасла последняя волна арестов и обвинений по «делу Судзуки». А в конце июля – начале августа в токийскую речку Тамагава заплыл тюлень. По имени реки зверя называли Тама-тяном. Кондитеры начали выпекать булочки с его изображением, взрослые и дети выстраивались в очереди перед мостами через Тамагаву, чтобы увидеть умильное зрелище. Телевидение, журналы и газеты бросили все свои кадры на освещение столь поразительного события. К сентябрю никто в Японии уже не вспоминал о самом громком скандале последних лет – скандале Мунэо Судзуки. Послушное и полностью подвластное чарам массмедиа японское общество забыло о новостях, заставлявших просиживать часами у экранов телевизоров и раскупать журналы на станциях. Тама-тян съел и Судзуки, и Сато, и еще три десятка японцев, рискнувших стать выступающими на поверхности гвоздями. В соответствии с японской поговоркой их забили, и, оказалось, выиграли от этого все. Лишь осенью 2003 года промелькнуло сообщение о том, что Мунэо Судзуки освобожден из-под ареста, а романтик и искатель приключений Масару Сато отказался выйти на свободу до тех пор, пока не будет полностью реабилитирован. В 2009 году с избранием премьер-министром настолько странного Юкио Хатоямы, что сами японцы прозвали его инопланетянином, Судзуки попытался вернуться в большую политику, но безуспешно: в декабре 2010-го он снова отправился в тюрьму по старому обвинению в коррупции. Японцам это уже неинтересно – другие

персонажи заходят теперь в устья токийских рек. Один японский профессор, знавший и Сато, и Судзуки, сказал мне: «Россия, конечно, вернет Японии “северные территории”, но... не сегодня».

Это просто шоу какое-то...

Футбол

Скандал с Мунэо Судзуки вовсе не был главным событием весны 2002 года. Не была таковым ювелирная выставка в Киото, и даже мой приезд в Токио не привлек такого внимания японцев, как чемпионат мира по футболу. Важнейшее для многих миллионов людей событие должно было проходить в Корее и Японии, и, естественно, мы стали не только свидетелями этого грандиозного мероприятия, но и в определенной мере его участниками. Футбол, насколько я, человек бесконечно далекий от этой игры, понимаю, не совсем спорт. Или даже совсем не спорт. Во всяком случае, японцы, получив право на проведение чемпионата, восприняли его новую всемирную религию, которую можно транслировать в телешоу, радоваться ей, отмечать не только победы, но и поражение, а главное – с ее помощью еще раз напомнить миру о существовании своей страны, продемонстрировать все ее положительные качества. Надо признать, японцам это удалось.

Удивительно, но в самой Японии футбол никогда не был «спортом номер один». Это место давно и прочно занимает действительно всенародно любимый бейсбол – яку. Еще десять лет назад футболу было так же далеко до бейсбола как каратэ или айкидо. Вопреки распространенному у нас мнению, далеко не все японцы практикуют свои национальные боевые искусства. Лишь к началу нового века футбол был популярнее их, но все равно стоял в рейтинге японских предпочтений где-то за бейсболом, сумо, боями без правил и гольфом.

До начала Вардо каппу – так здесь называли чемпионат мира – японский футбол насчитывал всего около двух десятилетий истории, имел свою специфическую аудиторию, но обычную семью с бутылками пива и жареными осьминогами перед экранами матча собирали редко. К его раскрутке японские пиарщики подошли настолько планомерно, что это ощущалось почти физиологически и было абсолютно по-японски. Мощная реклама, показ матчей в прайм-тайм по телевидению, передачи, посвященные истории футбола, рассказы о жите-бытье игроков сборной в телешоу – вся эта бурная деятельность началась в Японии как по команде в последнюю неделю апреля и сразу после окончания майских праздников (у японцев они тоже есть, только свои).

Было заметно, что организаторы четко оценили исходные условия: Япония пока не сможет претендовать на сколько-нибудь заметное место в иерархии футбольного мира. Скорее всего, родная сборная проиграет русским (и японцы ошибаются!), но главное не это. Самое важное, что Вардо каппу проводится в Японии – сознание этого переполняло японцев, склонных к глубокому переживанию любого повода для национальной гордости или стыда – это уж зависит от события. Заканчивая в 1945 году войну на Тихом океане, американцы обеспечили себе руководящую роль в этом государстве во многом благодаря тому, что вовремя поняли: японцы – исключительно чувствительный к любым проявлениям национального самосознания народ. Около тысячи лет они были уверены в богоизбранности своего происхождения. Согласно древней языческой религии – синто, и сейчас объединяющей практически всех японцев, их острова, народ произошли по воле богов, а символ государства – император – есть прямой наследник Великой богини, сияющей на небесной равнине – Аматэрасу-оомиками. Понятно, что изменения сознания, произошедшие в стране за последние 100–150 лет, не смогли полностью переделать японцев в обыкновенных людей, и очень многое из того, чего им удалось добиться в последние десятилетия, косвенным образом связано с культом родной страны, единого народа.

При этом известная японская способность и фанатичная любовь к заимствованию помогли им перенести на острова вместе с другими благами цивилизации и увлечение футболом со всеми его атрибутами: размахом, гонорарами, трансляциями, фанатами и околофутбольным ажиотажем.

В принципе – получилось. Правда, и размах, и ажиотаж выглядели по-японски слегка заорганизованными, а фанаты были настолько хороши, что за несколько лет в ходе матчей высшей японской Джей-лиги не было ни одного серьезного инцидента. Картинка, привычная европейцам, когда полиция успокаивает беснующихся болельщиков, японцам была непонятна в принципе. И не потому что здесь нет, например, ОМОНа – есть не менее серьезные полицейские спецподразделения Кидотай. Просто в Японии отсутствуют такие агрессивные и тупые фаны, какими так богат остальной мир. Да, японцы склонны к заимствованию, но они ничего не перенимают системно – «в пакете». Японцы получили себе футбол с любопытством и радостью ребенка, принимающего в подарок новую и яркую игрушку, но обошлись без футбольных фанатов, потому что ребенок оказался то ли отличником, то ли «ботаником».

Хорошо, что нет хулиганов своих, но ведь... приедут чужие? К этому

страна тоже подготовилась. Добросовестная японская полиция по мере приближения чемпионата все чаще устраивала учения по ликвидации беспорядков на стадионах и улицах городов. Хорошо натренированный и имеющий практику подавления беспорядков (в том числе у российского посольства, которое охраняется в Токио особенно тщательно) Кидотай упражнялся, не покладая рук и ног. Японские полицейские в срочном порядке были вооружены специальными винтовками, выстреливающими сети, в которых должны запутываться разъяренные футбольные хулиганы. Их действие предварительно проверили на коллегах, которые так вошли в роль, что кричали и отбивались до самой посадки в полицейские автобусы. Вообще натурализм, созданный на тренировках, заслуживает отдельного описания. Например, для воспитания психологической устойчивости среди полицейских массовку, изображающую жертв беспорядков, специально поливали составом, имитирующим кровь. Сама же полиция была надежно защищена прозрачными пластиковыми щитами, выдерживающими удар молотом или выстрел в упор из автомата. И это при том, что обычное вооружение полицейских на улицах города – короткая или длинная (до полутора метров) деревянная палка, сильно напоминающая древко нашей родной российской швабры!

Заодно отряды «специальной полиции» – аналога ФСО – отработали отражение покушений на лидеров государства. Японцы, видимо, не исключали проникновения в страну под маской футбольных фанатов террористов, а морской спецназ в сотрудничестве с южнокорейскими коллегами провел учения по освобождению захваченных судов в море.

Смотреть на это было удивительно и весело одновременно. Похоже, что японцы искренне увлеклись игрой, но пока не в футбол, а в проведение Вардо каппу. Говорили, что наиболее дотошные патрульные даже выучили англоязычные ругательства, чтобы говорить с противником на его языке. С этой же целью были усилены меры по встрече делегаций буйных болельщиков (особенно тут боялись англичан). В Осаке к чемпионату мира сдали в эксплуатацию новое здание КПЗ на 70 посадочных мест – побоялись, что старая «предварилка» не сможет вместить всех задержанных иностранцев.

Полицейские участки разных префектур договорились о сотрудничестве в деле размещения агрессивных фанатов. Перспектива оказаться в «обезьяннике» даже не в Осаке или в Иокогаме, а где-нибудь на Кюсю или Хоккайдо может остудить пыл самого ярого хулигана. К счастью, мне не довелось побывать в японских «местах не столь отдаленных», но, по отзывам сведущих людей, условия содержания в

японских тюрьмах при желании администрации могут сильно напоминать пыточные застенки 30-х годов. Жегловский принцип – «вор должен сидеть в тюрьме» – японцы заимствовали и усовершенствовали: преступник должен не просто сидеть в тюрьме, а сидеть некомфортно.

Заранее было принято и решение о том, что наказанные японским судом за беспорядки хулиганы будут сидеть в Японии. При этом, как всегда бывает, японцы встали в тупик в самом необычном месте – как отличить хулиганов от не-хулиганов? Для местных жителей все европейцы выглядят одинаково – попробуй разбери! Когда-то, на съемках фильма «Мимино», проходивших в гостинице «Россия», в лифт, где ехали исполнявшие роли главных героев Фрунзик Мкртчян и Вахтанг Кикабидзе, зашли двое японцев. Один показал другому на актеров и сказал: «Посмотри, эти русские все на одно лицо!» Даже если это анекдот, то он очень похож на правду, и, может быть, поэтому всем иностранным фанатам в Японии посоветовали купить за 15 долларов майку с надписью «Я – не хулиган!» по-английски и по-японски.

Смутившая меня в середине весны вялая «раскрутка» чемпионата мира вскоре сменилась непередаваемо острым интересом японцев – всех и каждого – к грядущему событию. Это был не чемпионат мира, это был чемпионат Японии – ее праздник, главное спортивное событие года.

Едва миновала майская «золотая неделя» – время традиционных японских праздников и выходных, как вся страна, будто повинувшись палочке невидимого дирижера, начала сходить с ума по футболу. Открылись новые спортивные магазины (так же внезапно закрывшиеся после окончания чемпионата), на улицах появились лотки и рынки, торгующие футбольными принадлежностями и «прибамбасами» вроде телефонных брелоков в виде фигурок популярных футболистов, самым модным стилем в одежде стали синие футболки национальной сборной с именами ее игроков на спине. Кстати, футболки и шарфы продавались всех команд – в том числе и российской сборной. Это было особенно актуально, потому что нашим выпала судьба противостоять японцам в самом начале. Команды сошлись в одной группе, и не знаю, что по этому поводу думали спортивные специалисты, но отлично помню, что обычные японцы были почти уверены в проигрыше своей молодой сборной. Как же случилось, что все произошло с точностью до наоборот?

Внимание японских средств массовой информации к русской команде и русским болельщикам усиливалось по мере приближения матча Россия – Япония и достигло своего пика вечером 9 июня. Примерно за неделю до этого я выслушал извинения половины знакомых японцев в Токийском

университете: они говорили, что им очень приятно, что жребий свел наши сборные, и жаль, что русским придется затратить силы, необходимые нам якобы в финале, для разгрома японской сборной. Они извинялись заранее! Накануне игры даже на улице стала заметна любознательность японцев: не раз ко мне подходили подвыпившие местные жители и по-английски интересовались, не из Америки ли я? Узнав, что из России, почему-то бурно радовались (предчувствуя победу?) и долго рассказывали о скоростных качествах японских любимцев – форвардов Накаты и Оно, выражая надежду на то, что русской сборной придется нелегко, несмотря на присутствие Карпина – больше, кажется, ни они, ни я, никогда не интересовавшийся футболом и ни одного матча не видевший, никого не знали.

Японское телевидение теперь особенно занимал вопрос о том, как русские собираются болеть за свою сборную – о наших фанатах здесь до сих пор практически ничего не было известно. По японской телевизионной традиции первое знакомство с нашей «группой поддержки» проходило в ресторане. За несколько дней до этого мне позвонил мой друг Василий Молодяков и передал приглашение японского телевидения сняться в ролике о футболе. Сам он отказался от этого, а вслед за ним отказался и я. Вскоре мы смогли увидеть, от чего воротили носы. Честно отработывая полученные за съемки деньги, русские студенты из японских университетов сидели в каком-то матрешечном ресторане в районе Икэбукуро. Под разудалую «Катюшу» наши пили водку, давась, закусывали блинами с красной икрой и, запинаясь, рассказывали плохо заученный текст о том, что «в нашей стране футбол – игра номер один, и каждый вечер мы всей семьей смотрим телевизор». Почему-то не жалею, что отказался от этого.

Но японское любопытство не может быть удовлетворено вот таким официальным образом. Японцам очень важно видеть не только фанатов на стадионах, не только выступления подготовленных артистов и статистов, но и скрытый от посторонних глаз, приватный уровень переживаний. С этой целью представители японских телекомпаний подобрали в Токио и окрестностях несколько русско-японских семей и договорились о проведении съемок в их домах. Не обошлось без курьезов. В большинстве случаев японские телевизионщики требовали, чтобы «боление» обязательно происходило с демонстрацией русской кухни. Подруга нашей семьи Наташа жаловалась нам: «Представляете, они хотят, чтобы мы болели по-русски – с русской кухней. Но мы же с пивом болеем, а пиво соленой рыбой принято закусывать. Пиво японское, корюшка – везде

корюшка, но какая же это русская кухня? Говорят, пейте вместо пива водку. Ну, нет, ребята, извините: под водку за три часа мы так наболеем...» Забегая вперед, скажу, что требования продюсеров пришлось соблюсти, и в одной семье готовились пельмени, в другой в срочном порядке варилась картошка.

Большое недоумение и даже раздражение японцев вызвал муж еще одной русской героини. Японец решил болеть за русскую команду, чем поставил в тупик тележурналистов, пытавшихся поначалу даже обвинить его в отсутствии патриотизма, а затем старавшихся просто не замечать его в процессе съемки. В другой семье все разворачивалось по более привычному сценарию, но не менее весело. За несколько дней до матча русская жена и японский муж купили краску, флаги и договорились о том, что она болеет за русскую команду, а он – за свою, японскую. Независимо от исхода матча у них была даже запланирована небольшая семейная потасовка, которая должна была закончиться бурным примирением, но уже не при телекамерах.

Но самый большой интерес японцев вызвало поведение Русского клуба – неформальной организации части русских, по большей части молодых, постоянно проживающих в Токио и окрестностях. Строго говоря, русских клубов в Токио было два. Для простоты их называют по именам создателей-руководителей: «Клуб у Лены» и «Клуб у Миши». В клубе Лены я никогда не был, а потому ничего о нем рассказать не могу, а вот в более известном Мишином мне доводилось бывать не раз, хотя и навсегда ем его я тоже не стал.

Памятное мне заседание клуба проходило в субботу 8 июня – за день до матча Россия – Япония. На том заседании Миша предупредил о желании японцев познакомиться с русской общиной и пригласил всех участвовать в съемках «боления», которые будут проходить в квартале Роппонги (русские говорят «на Роппонгах») в баре, известном как «Уолл-стрит нижний». Несмотря на некоторый испуг японцев перед иностранными фанатами, эта часть болельщиков, среди которых немало русских жен японских мужей и наоборот, явно не представляла особого интереса для полиции – никто не будет вести себя здесь излишне буйно, дабы не потерять право на визу. Зато почти все они свободно говорят по-японски и способны ответить на любой поставленный вопрос – идеальный вариант для телевидения.

К восьми вечера туда начали стягиваться наши молодые соотечественники. Некоторые пришли с японскими «вторыми половинами», видимо, настроенными болеть за российскую команду, и детьми, щеки которых были раскрашены в цвета национальных флагов.

Всего в баре собрались около 70–80 человек, и какие-то особые меры предосторожности не предпринимались. В отличие от некоторых других местных увеселительных заведений, здесь экраны больших телевизоров не были затянуты металлической сеткой, а спиртное продавалось без ограничений. Русские, живущие в Японии, болели так же громко и так же организованно, как сами японцы, и никаких мало-мальски крупных эксцессов ни здесь, ни в других местах Токио не произошло. Наши ребята у стадиона в Иокогаме тоже были, и именно они смогли помочь справиться с жадой приехавшим из России соотечественникам. Дело в том, что непосредственно у стадиона горячительные напитки не продавались, но русские, прожившие здесь по 5–7 лет, легко нашли несколько магазинчиков, которых запреты не коснулись. Один из наших переводчиков, работавший на всех матчах с участием нашей сборной, за три часа до начала игры в восторженном изумлении перекрикивал толпу у стадиона: «Я никогда столько японцев вместе не видел. Кажется, Япония – действительно великая футбольная держава!»

Ликование, наступившее в Иокогаме и Токио после оглушительной победы, не поддается никакому описанию. Толпы японских болельщиков в синих футболках с флагами и раскрашенными лицами заполнили пригородные электрички и, растекаясь по токийским улицам, во всю мощь легких скандировали: «Нип-пон! Нип-пон!» Нечто невообразимое творилось на огромных перекрестках токийского молодежного района Сибуя, где демонстрации болельщиков переходили в какие-то бразильские массовые танцы. Крупнейший эксцесс победной для японцев ночи – несколько человек на радостях сиганули в одну из мелководных токийских речушек, откуда были немедленно выловлены недремлющими полицейскими. В городе Фукуока около 300 пьяных фанатов останавливали машины и били в них стекла. Повреждено было не менее... шести автомобилей (это тремя сотнями фанатов!), разбиты витрины нескольких баров. Однако пострадавших не было, и аресты не производились.

А что же русские? Русские, уезжающие из Иокогамы, снимали с себя майки с надписью «Россия» и прятали в рюкзаки – было стыдно. Многие девушки плакали. Счастливые японцы, встречая их на улицах, выглядели образцом великодушия и, обнимая наших, в утешение произносили одну и ту же фразу: «Все равно у вас хорошая команда. Вам достаточно поменять тренера, и все получится». В маленьком баре токийского пригорода Кавасаки собралась добрая сотня японских болельщиков. Сидеть было негде, и они весь матч простояли плечом к плечу, затаив дыхание и наблюдая игру на огромной плазме. Я притулился в углу, обложившись

мобильными телефонами и принимая репортажи от своих добровольных корреспондентов с разных концов Токио и Иокогамы. Мы успевали только обмениваться тревожными взглядами с белокурой красавицей-официанткой, прикидывая, как будем отсюда выбираться, если начнут бить. Матч закончился. Толпа взревела и зааплодировала: «Нип-пон! Нип-пон! Ниппон!» К стойке подошел хозяин бара Юи-сан и, к нашему ужасу, произнес всего одну фразу: «Сегодня вас обслуживала официантка из России». Мы замерли. Замерли и японцы, а через секунду, набрав воздуха, они снова взорвались аплодисментами и новым слоганом: «На-та-ша! На-та-ша! На-та-ша!» Приходится признать: японцы достойны победы как футболисты и уважения – как болельщики.

Я часто вспоминаю тот футбол – футбол 2002 года, сидя за столом. В нашей семье в память о тех событиях хранятся два высоких керамических бокала под пиво. Бокалы фирменные: на одном написано «Иокогама. Минато Мирай», на втором к этой надписи добавлена еще одна: «Чемпионат мира по футболу-2002». Когда-то неподалеку от этого красивейшего района Иокогамы жила семья наших друзей – русская и японец. Там же, напротив железнодорожной станции Сакураги-те, до сих пор стоит есть якитория – пивной ресторанчик, где подают фирменное блюдо – маленькие шашлычки из разных частей курицы – якитори. Эти бокалы тоже фирменные – они есть только в этой якитории. Однажды наш японский друг – завсегдатай этого места – привел туда нас. После долгого сидения с якитори под пиво наши девушки признались молодому официанту, что им безумно нравятся эти бокалы. Официант понимающе кивнул и... подарил их русским.

Когда во время чемпионата мира уже я оказался со своими друзьями в этой же якитории, тот же самый парень обратил наше внимание, что бокалы новые – добавилась надпись о чемпионате. Подруга Наташа напомнила ему о подаренных когда-то стаканам и попросила подарить один и мне – как другу. Парень кивнул и сделал недвусмысленный жест: мол, суй в сумку, пока никто не видит, я прикрою. Я незаметно смахнул себе в рюкзак и бокал, и пару оригинальных подставок под палочки для еды. Японец улыбнулся и подмигнул – вот и верь после этого рассказам об их жесткой трудовой дисциплине.

Великий желудочно-кишечный тракт

Передачи о странах – участниках чемпионата мира по футболу

произвели на меня сильнейшее впечатление. О каждом государстве, о каждой команде на японском телевидении был снят ознакомительный ролик. Все ролики были очень разные (иногда даже показывали сам футбол), но в основном знакомство шло через еду. Каждая страна, команда представлялась через национальные блюда, а знакомство с футболистами происходило не на футбольных полях, а на кухнях и в ресторанных залах. Поначалу это казалось весело, любопытно и диковато. Нынешний кулинарный бум, накрывший отечественное ТВ, в России тогда еще не начался. А тут... Команда Камеруна? Пожалуйста: бананы в кляре! Франция? Как насчет фуагра? Италия? Пицца, мамма-миа! Россия? Икра и водка! Баня и гармонь из ряда стереотипов выпали – они несъедобны, а потому второстепенны для рядовых японцев. Ну что ж, возможно, весь мир на столе – не такая уж и плохая идея. Вот еще бы не в таком количестве и не так часто... Но футбол был только верхушкой съедобного телеайсберга.

Включив как-то телевизор, я увидел одну из бесчисленных японских передач о туризме. Девушке, только что вернувшейся в Токио из Италии, задали вопрос: «Ну и как вам Милан?» «Вкусно!» – с восторгом выдохнула она, а я задумался об особенностях японского восприятия мира.

В любое время суток, «щелкая» пультом по семи главным каналам японского телевидения, вы обязательно попадете хотя бы на одну передачу о еде. «Оисий! (Вкусно!)» – прикрывая рот ладонью, пищат восторженные девушки. «Умай! (Вкусняк!)» – сердито пуча глаза, давятся мужчины и пальцем запихивают вываливающиеся макароны обратно в рот. Для японцев еда – не просто возмещение в организме белков, жиров и углеводов. Для них это культ. Заветы Бендера здесь неизвестны. С ним – с этим культом – японцы живут, его воспевают, им наслаждаются, через него познают внешний мир. Мой друг Василий Молодяков как-то остроумно заметил, что у очень многих японцев главные сенсоры, отвечающие за мировосприятие, сосредоточены не в голове, а в желудке. Могу только добавить, что это неплохо и даже здорово!

Да, с одной стороны, бесконечное обилие хлюпающих, чавкающих, хрустящих, глотающих физиономий на японском экране раздражает сильно – безусловно. С другой – лучший способ снять этот телепищевой диатез – вспомнить российское телевидение с его криминальными хрониками и тому подобными «веселыми картинками». На наших экранах вместо лапши – выпущенные кишки, вместо свежей рыбы – выбитые мозги, вместо соевого соуса – пролитая кровь. Лучше уж по-японски, хотя, конечно, и это крайность, не выход из телевизионного тупика, куда давно и прочно загнано японское телевидение и куда с ускорением опытных бобслеистов

устремляемся и мы, с бешеной скоростью фиксируя рецепты за мечущимися по телекухням телеповарами.

У нас пока не сформировалось японское восприятие мира через еду, и я не уверен, что сформируется: у нас принципиально иначе устроены мозги. Свою глубоко философскую версию желудочно-эстетической активности японцев мне поведал Итиро Кавабата – дипломат, тонкий знаток русского языка и русского юмора. Как-то разговорившись с ним о японских пенсионерах, я спросил у него:

– Кавабата-сан, вы так стремитесь на пенсию. У вас, видимо, большие планы на это время?

– Да, жизнь пенсионера – моя мечта!

– А чем предпочитают заниматься японские пенсионеры?

– По-моему, больше всего они любят путешествовать.

– Вы еще забыли «табэмоно» – они любят поесть, особенно пробовать блюда разных кухонь в этих путешествиях.

– Это да, «табэмоно» – это очень важно, но чем старше, тем меньше они кушают – желудок с возрастом хуже воспринимает иностранную пищу, так что... Они хотят получать новые стимулы к жизни, к интеллектуальной жизни. Они не хотят стареть, поэтому стараются как можно больше посмотреть.

– А как тогда объяснить то, что по возвращении из путешествий японцы рассказывают в основном о своих кулинарных впечатлениях?

– Это особенности менталитета. Понимаете, ведь все остальное уже известно, и ощущения от знакомства с памятниками истории и культуры не являются такими личностными. Человек едет куда-то, чтобы увидеть то, что он видел на иллюстрациях учебника по истории, по телевидению, в кино и так далее. Но этот памятник отрешен от него, он принадлежит всем. А вкус – это очень личное, он остается на языке, он принадлежит каждому в отдельности. Допустим, если мы в Риме смотрим Форум или Колизей, мы заранее знаем, что увидим своими глазами. Да, мы испытаем восхищение, но... на этом все. Редко бывает сильное потрясение. А вкус – это другое дело. Он остается.

У меня часто складывается впечатление, что на этих благословенных островах нет понятия плохих и хороших стран: с точки зрения народно-государственного имиджмейкинга есть страны вкусные и невкусные. Не всегда теплые отношения японцев с китайцами скрашиваются уткой по-пекински и креветками в кисло-сладком соусе. Корейцев (особенно северных) японцы побаиваются, но охотно едят жареное мясо и острые овощи кимчи, а лучший показатель трудностей Северной Кореи –

репортажи о пищевом однообразии корейцев, переходящем в голод. Даже в Москве мало кому известный ресторан северокорейской кухни, в котором подают почти исключительно кимчи и который до одури воняет квашеной капустой, – одно из любимых мест ужина местных японцев, что они, по понятным причинам, стараются не афишировать.

Линию пищевых ассоциаций можно продолжать бесконечно. Преуспевающий и пышущий дурной энергией гамбургер для японца – символ мясистых, высококалорийных Соединенных Штатов. Южную Америку наши соседи представляют с трудом, потому что плохо знают, что там едят. Хотя однажды мне довелось посмотреть потрясающе интересную передачу о Бразилии, которая окончилась сюжетом о рационе анаконды. Олицетворение всей Европы – Франция с ее сыром и винами и Германия с пивом и сосисками. А вот Россия не пользуется популярностью в Японии. Конечно, это надо просчитывать с точки зрения бизнеса, но можно долго и упорно предпринимать шаги по улучшению образа нашей страны, а можно искать пути по «раскрутке» русских ресторанов. Сейчас их в Токио более десятка. Это мало, очень мало. Когда я уезжал из России, точек японского общепита (японских ресторанов, суси-баров и мест, где японская кухня входит национальной составляющей в общее меню) в Москве было 164. Если я хотел объяснить японцам, насколько популярна их страна у нас, то просто называл эту цифру. «Хо-о! (Ничего себе!)» – отвечали они и просили у меня рецепт пирожков. Их логика понятна: мы любим их кухню, значит, мы любим Японию. И наоборот, лучший показатель хорошего или плохого образа России в Японии – количество ресторанов русской кухни. Неинтересные (в японском понимании) страны не могут быть вкусными, и это не такое уж большое преувеличение, как может показаться на первый взгляд.

Тяга к шоу, еде и телевидению органично сочетается еще с одной манией. Известно, что японцы обожают фотографировать и путешествовать. Почему они не фотографируют еду, я, честно говоря, не знаю. А вот почему они путешествуют меньше, чем могли бы, мне известно. Большинство японцев денег на посещение разных стран накапливает к пенсии, а это поздно: желудок уже не тот.

Внутренний туризм развит здесь чрезвычайно сильно. Лапша рамэн с севера Хонсю, суси из района Осаки, мясные «Чингисхан» с Хоккайдо и сябу-сябу из Кобэ, что еще нужно японцу, чтобы со вкусом встретить старость? Рассказы о путешествиях часто выглядят так: «Сначала мы поехали на Тохоку и ели там лапшу. Потом мы побывали в Тиба, где была вкусная жареная рыба. Потом мы поехали пробовать...» Мне как-то

довелось самому отправиться с обычной японской туристической группой в небольшую турпоездку. План поездки был расписан именно так: «Завтрак там, обед там, ужин там. Меню состоит из...»

Конечно, очень и очень многие дедушки и бабушки отваживаются на путешествия за границу, но, что поразительно, и там – в Париже, Нью-Йорке, Барселоне и Москве – они с трепетным волнением ищут рестораны японской кухни – они просто не могут без нее жить. Мой знакомый японец, которому едва за сорок, выезжая каждый год в Европу, обязательно берет с собой супчик мисо быстрого приготовления и большую упаковку сушеных водорослей нори: вдруг захочется вспомнить родину?

Отвлекаясь от темы, скажу, что наши люди родину тоже вспоминают – по-своему.

Однажды мне с моим другом довелось общаться в Токио с двумя русскими каратистами из Челябинска. «Где здесь можно дешево поесть?» – спросил меня один из них. «В “Ёсиное”, – назвал я сеть самых дешевых в Японии закусочных. «А это... водку там подают?» – поинтересовался спортсмен. «Нет», – удивился я. «Что ж мы, как нелюди, только жрать будем?» – в свою очередь изумился он.

Японцы крайне любопытны и неутомимы по своей природе. Изучая мир, они способны забраться в его самые потаенные уголки. Особенно если там кормят. Желательно – кормят вкусно. Любимые передачи – в жанре гастрономического туризма: о приключениях, перемежающихся экзотическими застольями. Этаким «смачный» «Клуб путешественников», но только вместо Сенкевича и Макаревича у них свои лысые и кудрявые звезды. Апофеозом моего удивления японским способностям из всего делать конфетки стал эпизод в начале войны в Ираке. Известная японская военная журналистка вела репортаж из района боевых действий: «Я каждый день ем здесь американскую говядину из солдатского пайка. Оисий!» – и запыленной вилкой, на фоне поднимающих тучи песка танков, она, закованная в бронежилет и увенчанная американским шлемом, выудила из банки кусок тушенки и отправила в рот, пропихнув поглубже не влезающий кусок большим пальцем свободной от вилки руки.

Что к этому можно добавить? Мясо в Мадриде, булочки в Париже, спагетти в Неаполе, шаурма в Стамбуле и, наконец, Китай с его пекинской, нанкинской, кантонской и шанхайской кухнями – вот он: Великий японский желудочно-кишечный тракт! Не менее важный для них и не менее прибыльный для нас, чем Транссиб, если бы только мы сумели изогнуть его дугу к северу, и миллионы японцев своими глазами убедились бы, что пельмени не делают с начинкой из селедки, борщ не едят

палочками, а варенье не накладывают прямо в чай! Именно в таких вариантах многие японцы воображают себе русские блюда, потому что именно такими их подают в известных японских ресторанах.

Еще один штрих к представлениям о японском общепите. Ресторан – место культурного отдыха, он должен быть везде – в музее, картинной галерее, где угодно. Идя на культурное мероприятие, рядовой японец обязательно планирует посещение ресторана по месту проведения свободного времени. Случай, когда человек, придя на художественную выставку, просиживает часы в ресторанчике, – норма. И не только на выставке.

В моей японской квартире не было Интернета. Отправлять статьи в Россию я приезжал в ближайшее к дому интернет-кафе, которое правильнее было бы назвать интернет-рестораном. Помимо компьютеров здесь предоставляется неизбежная японская услуга – питание. Сидя в кабинке перед экраном монитора, я слышал, как со всех сторон раздаются скрежет вилок о тарелки, стук палочек, смачное хлюпанье, сочное, извините, рыгание и оглушительное чавканье – мои японские соседи с помощью Всемирной паутины путешествовали по свету. Умай!

А нам слабо?

Конечно, в нашем представлении японская кухня тесно связана с японской продолжительностью жизни, которая вроде бы считалась самой большой в мире. Во всяком случае, так было до скандала 2010 года, когда выяснилось, что несколько тысяч японских «долгожителей» давным-давно скончались, а пенсии за них получали не докучающие японскому собесу родственники. Вот и у меня часто спрашивают, что из японской кухни лучше есть, чтобы жить долго, как японцы. Я ответил, что есть можно все. Главное – делать это в Японии.

Между тем истерия по поводу полезных свойств японского питания нарастает. «Кушай сашими, чайком запивай – будешь жить долго, как самурай!» – призывает рекламный плакат восточного ресторана, и в этом и скрывается подноготная моды на «японскую диету» – лучшим стимулом массовых продаж является забота населения о собственном здоровье. Тут очень вовремя под руку подворачиваются данные демографических исследований, по которым Япония уверенно удерживает пальму первенства по продолжительности жизни. «Хотите жить так же долго? – спрашивают нас маркетологи-геронтологи и подсовывают циферки поближе. – Вот он,

рецепт долголетия: сырая рыба и зеленый чай».

Цифры – штука упрямая, и спорить с ними так же бесполезно, как и с маркетологами. Но мы посмотрим шире. Итак, в прошлом году японцы жили едва ли не дольше всех в мире: женщины – 85,5 (вне конкуренции), мужчины – 78,5 лет (старше только исландцы и швейцарцы, очень близко к японцам подобралась французы и итальянцы, андоррцы и сингапурцы). Впечатляет и прирост долгожителей: в 1960 году в Японии числились 164 человека старше 100 лет, в 2000-м – уже 12 256 (это, опять же, до скандала).

Действительно, японцы живут долго, и у них очень низкий уровень заболеваний сердца и сосудов, чему активно способствует «нежирная» морская пища и зеленый чай. Но известно, что с середины прошлого века рацион их питания сильно изменился: в него вошли молоко, мясо, хлеб. Изменились и сами японцы: выросли в среднем на 11–13 см и потолстели более чем на 10 кг. Среднестатистический житель Японии завтракает сегодня точно так же, как мы: кофе, тосты, яичница. В 2009 году впервые за всю историю мясо стало превалировать в рационе японцев над рыбой. Это было заметно и без статистики: японцы, трижды в день лакомящиеся сырой рыбкой, – миф. Сегодня на обед суетливые и вечно спешащие клерки обычно всасывают тарелку лапши (нередко – быстрого приготовления), запивая ее холодным чаем из автомата, а на ужин наедаются до отвала рисом, рыбой, шашлычками, мяском, нещадно топя все это изобилие... в море пива – по объемам его потребления Страна восходящего солнца занимает 6-е место в мире – сразу за Россией! И происходит все это в густом дыму: Китай, Япония и Россия составляют «большую тройку» самых курящих стран мира.

Но вот парадокс: до того как Японию накрыло волной западных благ, местные жители, питавшиеся исключительно по «японской диете» (рис, рыба да зеленый чай – больше просто ничего не было), вовсе не считались долгожителями. В 1950 году (как и в 1913!) мужчины жили 50 лет, женщины – 54 года при среднеевропейском уровне в 67 лет. Вывод напрашивается сам собой: секрет вовсе не в «волшебных пузырьках» зеленого чая, а чем-то другом. В чем же? Мне кажется, что причин тому несколько.

- Япония – одна из самых развитых стран мира, жить в которой непросто, но удобно. И прежде всего, Япония – страна очень чистого воздуха и очень чистой воды. Воздух в центре Токио, у Императорского дворца почище будет, чем на нашей Рублевке, а в токийской речушке Тамагаве водится форель – что уж говорить о японской провинции?

- Япония – страна высочайшего уровня lifestyles, где пенсионеры ждут

старости, чтобы после 40 лет беспросветного «вкальвания» еще 20–30 лет влать попутешествовать, поесть, потратить – пенсия это позволяет. К тому же японцы обожают лечиться, и система медицинского обеспечения благоволит им. Есть даже такой анекдот. Три японки каждое утро встречались в холле поликлиники, чтобы пройти по врачам. Однажды одна из них не пришла. Подружки долго ждали ее и забеспокоились: «Что-то Танаки-сан все нет и нет. Уж не заболела ли?» В таких условиях питание – только дополнительное условие долгой жизни, а не главное. Иначе говоря, японцы живут хорошо, и в таких условиях им некуда спешить, им приятно жить долго.

- Японцы, извините, это не русские. Их организм устроен иначе и приспособлен именно к той еде, которая у них есть. Например, не усваивает крепкие алкогольные напитки, зато хорошо переваривает рис – кишечник длиннее, чем у нас (отсюда и общенациональная болезнь – геморрой).

- Никто не отрицает пользы японской кухни для здоровья. Только мало кто знает, что современная японская кухня – это в первую очередь разнообразие, а не «сашими с зеленым чаем». Кулинария этой страны великолепна именно в своей интернациональности: китайская лапша рамэн и французские котлеты тонкацу, португальские овощи и креветки в кляре тэмпура, индийский соус карэ, даже рис с яйцом омурайсу – все это и очень многое другое и есть обычная японская кухня, почти совершенно незнакомая москвичам. При этом она гораздо привычнее нашим желудкам, больше подходит по климатическим условиям и значительно дешевле блюд из морепродуктов. Но... она не гламурна. Ее нам не навязывают, как «суши», готовят мало и не очень умело. Шансов на то, что скоро научатся, примерно столько же, как и на то, что мы вот-вот достигнем японского уровня жизни, чистоты воздуха и воды, социального и медицинского обеспечения, то есть... никаких.

Получается, что хотя бы частично выполнить завет маркетологов «питаться японской кухней, чтобы жить долго» мы можем только в одном случае – если уедем в Японию навсегда. Да и то – кишечник ведь не вырастет. Но разве может такая малость остановить истинных фанатов всего японского?

Бешеные дятлы и все-все-все...

Я – японофил и япономан. Я люблю эту страну и с уважением

отношусь к ее традициям, даже если кому-то кажется, что я излишне ерничаю и слишком цинично комментирую ее современные реалии. Возможно, это отпечаток профессии: как журналист я знаю многие не замечаемые нормальными людьми стороны японской жизни, имею широкий круг знакомых, от бандитов-якудза до творческой и политической элиты. Для кого-то это – обратная сторона Японии. Для меня – мой дом.

По мере сил я изучал принципы и практические аспекты моделирования и формирования имиджа Японии в России и могу со всей ответственностью заявить, что при всем мастерстве японских имиджмейкеров они имели дело с очень хорошим продуктом – с самой Японией. Конечно, мне известно далеко не все, но даже то, что я знаю, позволяет сказать: даже если бы Япония не занималась самопиаром, она все равно имела бы иной образ, иной качественный уровень, чем Китай и Корея. Но если бы Япония не занималась самопиаром, она не была бы Японией.

У меня часто спрашивают: чем отличается Япония от своих ближайших соседей? Я обычно отвечаю: тем, что в Японии живут японцы. Географические, климатические и исторические условия сформировали народ, который коренным образом отличается даже от самых близких своих соседей. Что это за условия, почему и чем конкретно отличаются японцы от всех остальных – вопрос отдельный и уже достаточно широко освещенный другими авторами. Могу, например, порекомендовать книгу японского писателя и дипломата (то есть пиарщика) Таити Сакаия с простым и многообещающим названием «Что такое Япония?», а сам пока поговорю о том, кто такие люди, занимающиеся Японией у нас – в России, потому что именно от них в значительной степени зависит то, какой видят Японию все остальные.

В своей первой книге «Тайва. Разговоры о Японии. Разговоры о России» я уже рассказывал о некоторых, хотя и не обо всех, категориях, на которые можно условно разделить людей, занимающихся или интересующихся Японией, а потому постараюсь повторяться как можно меньше. Намеренно повторяюсь только в одном: это мое сугубо личное мнение, и я вполне допускаю, что кроме меня его никто не разделяет, хотя и не верю в это.

Начну, пожалуй, с коллег-журналистов. Здесь все просто. Подавляющая часть журналистов в японских, порой достаточно сложных вопросах вроде «северных территорий» не разбирается абсолютно или разбирается крайне плохо. Им это и не надо – современная журналистика редко признает этнографическую специализацию. В самом деле, если все

журналисты будут специалистами по какой-то отдельной стране, то кто будет писать обо всем том, о чем пишут взахлеб наши газеты и журналы и за что, собственно, им и платят?

Могу сказать, и пусть «обличители наймитов японского милитаризма» поверят мне на слово, что даже такая мощная экономическая держава, как Япония, наших журналистов не кормит – за исключением примерно пятнадцати человек в двух изданиях, которые известны поименно. Но, кроме этих полутора десятков спецов, квалифицированно о Японии в Москве пишут еще человек пять. Многим из спецов в среднем лет по 70. Японию они уже либо плохо помнят, либо помнят ту Японию, которой уже не существует. Что же читать? Увы, замкнутый круг – популярные издания пишут о Японии, а чаще переводят некачественно, плохо. Те, кто знают предмет, пишут в узкопрофессиональные и, соответственно, непопулярные издания, потому что «Московскому комсомольцу» и его читателям это неинтересно. Газеты, журналы, телевидение заинтересованы в рекламе. Рекламу дают изданиям с наиболее широкой аудиторией, следовательно, с относительно низким интеллектуальным порогом восприятия. Такую аудиторию собрать легче и проще ее удовлетворять, чем воспитывать. При этом книг и журналов о Японии издается все больше, и это количество очень медленно, постепенно переходит в качество.

Хочется верить, что аудитория меняется тоже. Хочется думать, что в лучшую сторону. По крайней мере, сама аудитория думает именно так. В созданном после моей стажировки онлайн-издании «Японский журнал – Japop. ru» мы давали возможность всем желающим оставлять отзывы на опубликованные у нас статьи – это был отличный шанс для установления обратной связи с читателем. Так вот, один из отзывов на статью, посвященную образу Японии в России, был возмущенным: «Вы слишком плохо о нас думаете! У нас нет представления о Японии как только о «стране гейш и самураев». По-моему, это похвала. Но главное, автор этого отзыва не просто любит Японию – он пытается узнать о ней что-то новое, а у таких людей всегда есть шанс сделать шаг вперед. Но, увы, все же наиболее активны в деле написания отзывов и на интернет-форумах совсем иные персонажи.

В «Тайве» я назвал три категории людей, занимающихся Японией: японофилы, японофобы и сумасшедшие. Число японофилов в нашей стране, судя по всему, постепенно растет, число японофобов медленно тает. Оба процесса довольно легко обратимы с помощью специальных методов воздействия, тесно связанных с политическими механизмами. Если государство решит, что Япония по каким-либо причинам снова нам враг,

процесс пойдет в другую сторону: мы будем дружно японцев ненавидеть, а от былой любви к японской кухне останутся только сломанные палочки, воткнутые в переваренный рис. Перспектива печальная и придуманная автором как эскиз фантастического триллера, которому никогда не суждено быть поставленным в реальности. Но есть и категория людей, которых политические дразги волнуют мало. Число их со временем тоже то растет, то уменьшается, но в прямой связи с совсем иными причинами. Это сумасшедшие, а точнее, «бешеные дятлы».

Дело в том, что назвать их сумасшедшими в прямом смысле этого слова нельзя – диагноз может поставить только врач, но и нас никто пока не лишил права самостоятельно определять свое личное отношение к этим странным людям, которые заслужили свое прозвище потрясающей активностью, жизнеспособностью и непрерывной работой над каким-то одним им ведомым вопросом.

Леонид Каганов писал: «Количество “бешеных дятлов” в любой популяции достигает 77 процентов». Это в точку, это про них! Количество «бешеных дятлов» в японской теме никак не меньше. Но кто они и можно ли их определить по внешнему виду?

Да, «бешеные дятлы» существуют в природе, и окраской, то есть, простите, внешним видом, часто отличаются от обычных людей. «Бешеные дятлы» в японской теме – это те, кто не выдержал столкновения с Японией, чья психика пошатнулась от рассказов о японском менеджменте, гейшах и самураях, великих мастерах боевых искусств (особенно опасны для неокрепшего после советского дефицита информации головного мозга легенды о ниндзя) и тому подобных «японских чудес».

Существует прямая закономерность: чем отдаленней, чем недостижимей объект интереса, провоцирующий эту болезнь, тем больше шансов на ее возникновение и меньше – на излечение от нее. Я не случайно упомянул о ниндзюцу. Благодаря тому, что мало кто толком знает, что это такое и существует ли это вообще, «бешеными дятлами» на почве ниндзюцу становятся гораздо больше молодых людей, чем, скажем, из-за вполне доступных карате или дзюдо. Человек может сколько угодно слушать легенды об айкидо, но как только у него появляется возможность, он идет в спортивный зал – додзе – и на своей шкуре пытается понять, правда ли то, что он до сих пор читал об этом в книжках. Набив должное количество синяков и шишек, бывший «дятел» либо отказывается от дальнейших занятий и уходит от Японии, либо постепенно выздоравливает и становится мирным японофилом или немирным японофобом. Разумеется, бывают исключения, и их немало. Я знаю отечественных сэнсэев, совсем

потерявших рассудок на почве боевых искусств и любви к Японии, куда они, видимо, предчувствуя нехорошее, стараются не ездить. Адепты ниндзюцу, кстати, в это время точат метательные звезды – сюрикэны, шьют темные балахоны и пытаются ходить по потолку, чем огорчают своих близких.

Боевые искусства – яркий, но лишь отдельный пример того, как стать «дятлом». Очень многие заболевают на почве любви к другим проявлениям японской культуры. И здесь то же самое: школ икебаны у нас такое количество, что свихнувшиеся на этой теме уже почти перестали встречаться в природе, а вот с интерьером и живописью пока проблемы. Один мой знакомый построил дома сад камней размером во всю комнату. Учитывая, что квартира однокомнатная, с женой, отказавшейся ходить дома по камням и спать на гравии, пришлось развестись. От таких японофилов особенно страдают магазины японского интерьера, куда «дятлы» залетают стайками и с озабоченными лицами (отличительная черта – постоянно слегка приоткрытый рот) рассматривают укиез с изображением древних красавиц и борцов сумо. Есть те, кто не выдерживает огня любви к татуировкам-ирэдзуми, к якудза, к... да к чему угодно!

Открою маленькую тайну: я тоже когда-то был «бешеным дятлом». Возможно, мне повезло – я был «повернут» на Японии вообще, в целом, что меня и спасло. Начав знакомиться с этой страной, я все лучше понимал, что же, собственно, я столь горячо люблю, и постепенно излечивался от «бешенства». Немало этому способствовала и работа в редакции «Япония сегодня» – уйдя оттуда в журнал «Дипломат», я даже оказался вынужден немного побороться с привитым в «alma mater» духом легкого профессионального цинизма, который я принес с собой.

До этого моя любовь к этой стране и ее народу не знала границ и пределов. Я довел себя до того, что однажды расчувствовался едва ли не до слез, увидев очередной репортаж о японской вежливости. Боже, какие они внимательные друг к другу, какие предупредительные, а эти масочки на лицах, чтобы не заразить друг друга, – ну, просто счастье какое-то! Чтобы понять, что японцы тоже люди – со своими сильными и слабыми сторонами, что масочку они носят не для того, чтобы других не заразить, а чтобы самому не заразиться – и это правильно, ушли годы и понадобились тома литературы и километры видеопленки.

Году примерно в 1995-м мне удалось занять второе место на конкурсе «знатоков» Японии, проводившемся посольством этой страны и газетой «Вечерняя Москва». Поздравлявший победителей посол К. Ватанабэ просил задавать ему вопросы, и я спросил, где в Москве можно найти

литературу о его стране. Посол пригласил всех желающих пользоваться библиотекой информационного отдела посольства, тем самым выписав мне рецепт. Любовь к Японии трансформировалась у меня в желание изучать ее, и я излечился.

Кстати, именно там – в информотделе – «бешеные дятлы» концентрируются постоянно и нередко – группами. К сожалению, не всем им удается найти себя, но информацию, подпитывающую их жизненную силу, они находят. Определить их на расстоянии возможно не только по рассредоточенному взору, но и по другим внешним признакам. Как правило, они несколько странно одеваются.

Например, со мной на курсах японского языка училась девушка, носившая летом зимние сапоги на меху, и юноша, ходивший зимой в одной футболке. Люди постарше частенько предпочитают официальный стиль: помню, как на лекцию тогдашнего министра посольства Акио Кавато на факультете журналистики МГУ пришел пожилой господин в поношенном черном костюме с брюками, не достающими до ботинок сантиметров пятнадцать, и в белых нитяных рабочих перчатках. После лекции он настойчиво пытался вручить господину Кавато букет бордовых роз и поцеловать ему руку, но дипломат мужественно уклонялся от птичьих знаков внимания. На той же лекции, когда Кавато на несколько минут встал со своего стула, что-то объясняя у доски, его место тут же заняла юркнувшая из дверей бойкая старушенция с нарисованными химическим карандашом бровями, так что дочитывать материал лектору пришлось стоя.

Те, кто по каким-то причинам не могут добраться до посольства лично, пишут письма. Вот одно из них (орфография сохранена):

«Здравствуйте Уважаемые дамы и господа!

Я проживаю в г. Санкт-Петербурге и уже 30 лет изучаю восточную философию. Волею Неба я стал обладателем Камы – на принадлежащий мне участок земли попал Синтай Камы. Если я правильно понял его намерения, то только Синтоистская форма богочитания нужна ему. Я уже построил подобие Синтоистского храма по адресу Санкт-Петербург ... тел. +7-911-...

Теперь мне необходима консультация опытного Каннусси для правильного совершения Мацуру. Можете ли Вы мне посоветовать кого-либо в Санкт-Петербурге, достаточно опытного в традиционном синтоистском богослужении».

Как тут не вспомнить великого психиатра Б. Ганнушкина с его классическим определением дураков: «К конституционально-глупым надо отнести также и тех своеобразных субъектов, которые отличаются большим

самоуверенностью и которые с высокопарным торжественным видом изрекают общие места или не имеющие никакого смысла витиеватые фразы, представляющие набор пышных слов без содержания (хороший образец – правда, в шаржированном, карикатурном виде – изречения Козьмы Прутков). Может быть, здесь же надо упомянуть и о некоторых резонерах, стремление которых иметь обо всем свое суждение ведет к грубейшим ошибкам, к высказыванию в качестве истин нелепых сентенций, имеющих в основе игнорирование элементарных логических требований».

Особый шик у «бешеных дятлов» – неряшливость в одежде и тяжелая небритость, которую наиболее усердные поклонники боевых искусств сочетают со столь же тяжелым запахом пота. Вероятно, им кажется, что так они становятся ближе к постижению истинного Пути. Характерно, что вне зависимости от проводимого мероприятия болезненное внимание «дятлов» к докладчикам с течением времени не ослабевает, и наиболее активны они становятся в период задавания вопросов. Сами вопросы не особенно разнообразны: «Есть ли в Японии евреи? Является ли лектор настоящим самураем или он только придуривается? Что вы думаете о японском сексе?» и так далее. Спорить с ними опасно. Еще одна цитата: «Дураки сильны тем, что не сомневаются и не рефлексируют. Им не приходит в голову, что они могут ошибаться, чего-то не понимать и не знать. Они упиваются ревизионерством, не владея основными инструментами анализа. Их рассуждения настолько нелепы, что трудно сообразить, с какого конца подойти к этому сгустку бредней. Такое ощущение, что в черепной коробке дурака обитает свернувшийся клубком броненосец».

По содержанию задаваемых БД вопросов видно, что большинство вопрошающих специалистами по Японии не являются (к счастью), но, как ни странно, есть «бешеные дятлы» и среди японоведов. Их отличие от других обремененных учеными званиями товарищей по цеху заключается в общей для всех «дятлов» экстравагантной манере одеваться, дерганных движениях, а также стремлении не только съесть больше всех на приемах, но и обязательно утащить что-нибудь с собой. Один известный ученый муж, доктор наук, например, на моих глазах упаковывал в салфеточки (тоже, кстати, «стибренные») суси и сасими, стянутые им со стола в резиденции посла Японии. Позже он переложил их в карманы своего яркого пиджака, а оттуда – в потрепанный портфель. Я все ждал, не достанет ли он из-за пазухи грелку для сакэ, но тщетно – не достал.

Уезжая в Японию, я думал, что оставляю всех этих персонажей на родине, но очень скоро понял, что мир един для всех. «Бешеные дятлы» есть и среди японских русофилов, только называются они по-японски –

«эбанутта кицуцуки» (записывается катаканой), и их мало – там вообще русофилов раз, два и обчелся...

Место достижения удовольствия

Сливай воду!

Помимо культа еды состояние шока у иностранцев, прибывающих в Японию впервые, неизменно вызывали и вызывают места общего пользования. Сегодня, как правило, знакомство с японской сантехникой начинается с туалета в гостиничных номерах^[1], и если отель оказался достаточно высокого класса, то такие мелочи, как подогрев сиденья, встроенное биде, автоматически включаемая при начале известно какого процесса музыка и телефон в комплекте с унитазом, производят на новичков неизгладимое впечатление. Иногда, правда, японцы явно перебарщивают с электроникой: несчастный коллега позвонил мне однажды из туалета гостиничного номера, не обнаружив никаких намеков на кнопку спуска воды. Оказалось, что ее заменяет электронный датчик на стене, и для начала слива достаточно просто отойти на несколько сантиметров от унитаза. А известный наш ученый, во время командировки в японский МИД, забыв в кабинете очки, решил, что кнопка слива – та, что самая крупная. Прибывшие по тревоге полицейские разблокировали его кабинку и объяснили, что после событий 11 сентября 2001 года в Америке самой большой кнопкой оповещают о нападении террористов...

Неудивительно, что при столкновении с такого рода новшествами нередко встают в тупик и сами японцы. И это при том, что архитектурный облик подобных творений прост и мало чем отличается от привычных нам европейских туалетных комнат. Кафель, зеркало, картина, телефон, специальные туалетные тапочки. Ну, разве что торчащий пульт с парой десятков кнопок управления привлечет ваше внимание или стилизация сливного бачка под космическую станцию «Мир», что, впрочем, скорее редкость, чем правило. Гораздо чаще иностранцы замечают странную конфигурацию труб, по которым течет вода в самых обычных японских сантехнических системах. Дело в том, что у экономных японцев в моде конструкция, при которой в бачок заливается уже использованная вода из раковины, – какой смысл гонять ее по водопроводу, если она и здесь еще может послужить? Совсем уж повсеместно встречается система «открытой подачи» воды, когда вода льется из краника в бачок сверху. Действительно, под этим краником удобно мыть руки (полотенце висит рядом), но японцы почему-то делают это без мыла. Именно такой туалет был у меня дома, и

первый месяц я добросовестно пытался себя приучить мыть руки не над раковиной, а над бачком. Честно говоря, не смог, менталитет, видно, не тот.

В богатых же частных домах приходилось видеть устройства посложнее: с того же пульта дистанционного управления можно контролировать подогрев не только сиденья, но и воды, регулировать силу ее потока для смыва результатов малой или большой нужды, разобраться с многочисленными настройками направления и плотности струи, ее насыщенности кислородом (зачем?!) и даже получить возможность проведения экспресс-анализа мочи и измерения артериального давления.

В последние годы начали подключать туалетные комнаты к Интернету – инвалидам, старикам, больным людям так удобнее сразу отправлять анализы в медицинский центр. Верный привычке все проецировать на российскую действительность, сопоставив уровень распространения Интернета в наших медицинских учреждениях и вообще в России, я пришел к выводу, что такая технология вполне имеет шансы на успех и у нас: новые русские могут обмениваться результатами анализов друг с другом.

Пользоваться таким туалетным аппаратом с непривычки ничуть не легче, чем сдавать экзамены в ГАИ, и мне порой кажется, что туалетный монстр живет в японском доме своей, особенной жизнью. Самих японцев «навороченность» их клозетов ничуть не удивляет. Туалеты развиваются здесь вместе со всей остальной, необходимой человеку инфраструктурой. Кроме того, они, сортиры, – для японцев лишь естественная часть интерьера, не только ничуть не стыдная часть, а наоборот, «место достижения удовольствия». Причины такого отношения кроются в глубокой старине, и я позволю себе обратиться здесь к японской классике и трудам русского японоведа А. Н. Мещерякова.

Первые сведения о японских туалетах относятся к VII веку. В тогдашней столице страны – Фудзиваре – уже существовало некое подобие канализации, где все отходы смывались по каналам естественным течением отведенной из реки воды. Грязь и вонь сильно беспокоили горожан, и особенно чувствительные носы придворных. По этому поводу даже издавался императорский указ об осуществлении надлежащего контроля за чистотой на улицах города. Впрочем, вряд ли тот указ был действенным. И по сей день в горных деревушках и маленьких городках Японии в сезон дождей – цую – то и дело текут совсем не молочные реки: не выдерживают схода селевых потоков старые системы канализации. Но... японцы, кажется, даже рады этому. Дело в том, что страна, практически не знавшая скотоводства, в своем земледелии всегда сильно зависела от количества и

полноты собираемых удобрений. Для японцев фекалии служили залогом и символом плодородия земель, а не чем-то грязным и неестественным. Профессор Мещеряков рассказывает о любопытной традиции мытья древних клозетов беременными женщинами. Согласно поверью, ребенок от этого должен был родиться более красивым, как и земля от обилия удобрений становилась более плодородной. Новорожденного же несли прежде всего во двор: к колодцу и туалету. Почти как в старой советской песне: без уборной и воды «и ни туды и ни сюды». И, как и вода, фекалии учитывались, распределялись и продавались «компетентными органами» на рынке.

Кстати, какими они были, старые японские туалеты? Да какими были, такими в общем-то и остались! Пять таких строений, сохранившихся с древних времен, даже занесены в Японии в разряд «важных культурных достояний», но их архитектура мало чем отличается от того, что можно увидеть на улицах маленьких японских городков сегодня. Дело в том, что до сих пор в большинстве частных домов, в реканах (гостиницах в традиционном японском стиле), во многих других местах, даже в скоростных поездах-синкансэнгах вам на выбор предложат два варианта уборных: европейский, о котором вы читали выше, и японский. То есть прямоугольную дырку в полу, очень похожую на то, что у нас в просторечии именуется «очком». Правда, у японцев оно часто располагается параллельно двери, так что сидеть приходится лицом к боковой стене (на ней может висеть картина или находиться окно), а для удобства сохранения равновесия (иностранцам особенно трудно привыкнуть к «позе орла») существует стойка-держак для рук. Внизу – дырка или ящик, который можно на треть заполнять золой или каким-то более сложным дезинфицирующим веществом и по мере наполнения фекалиями орошать его содержимым поля. В деревенских домах, не оснащенных канализацией, отдельный домик, до боли в груди напоминающий наши «удобства во дворе», располагается в благоухающей тени, среди густой листвы и, лучше всего, на берегу ручья – его мелодичное журчание помогает думать о высоком, занимаясь низким. С главным строением «домик неизвестного японского архитектора» иногда соединяется крытой галереей, но чаще напоминает нам привычные дачные «скворечники» в стиле «сортир».

Внутренний дизайн уборной прост и выдержан в традиционном ключе: аскетичные прямоугольные деревянные панели (обычно светлого дерева и чаще всего камфарного, оно хорошо пахнет и обладает дезинфицирующими свойствами), небольшое окно, минимализм, простота

и невыразимая чистота. Обязательное условие – полумрак, тень. Внизу в полу устроены раздвижные ставни, «форточки» для выметания через них мусора. Именно о такой конструкции писал знаменитый японский писатель Дзюньитиро Танидзаки: «Я думаю, что поэты старого и нового времени именно здесь почерпнули бесчисленное множество своих тем. Это позволяет мне утверждать, что из всех построек японского типа уборная наиболее удовлетворяет поэтическому вкусу... И если уж говорить о недостатках японской уборной, то можно лишь указать на удаленность ее от главной части дома, делающую неудобной сообщение с ней среди ночи и создающую возможность простудных заболеваний в зимнее время». Тот же Танидзаки заметил: «Комнаты для чайной церемонии тоже имеют свои хорошие стороны, но японские уборные поистине устроены так, чтобы в них можно было отдыхать душой». Вот так вот, не больше и не меньше. А мы все ходим на чайные церемонии в Ботанический сад... В другое место надо ходить. И ходили бы, будь они у нас если и не в японском стиле, то хотя бы в японских чистоте и порядке!

Если туалет в японском стиле устроен в здании, оснащенном канализацией, это нередко свидетельствует о приверженности хозяина традиционным вкусам и должно насторожить посетителя-иностранца: его могут ждать еще какие-нибудь сюрпризы. Например, в Киото мне довелось видеть, как хозяин дома, комнаты в котором за небольшую плату сдаются иностранным туристам, решил проблему языкового барьера. Дело в том, что во всем доме не было ни единого запора ни на дверях, ни на шкафах, ни на чем-либо еще. Включая и дверь в туалет. Во избежание же стрессовой ситуации находчивый японец прикрепил к стене туалета на уровне глаз сидящего небольшое металлическое кольцо. Его назначение познается посетителями на собственном опыте: когда тот, кто занимает поэтическое место, слышит звук открываемой двери в малюсенький коридор, ведущий к уборной, он сначала подает сигнал «занято» голосом, но так как соседи могут оказаться людьми без знания какого-либо языка кроме родного и по инерции продолжают приближаться к лишенной запоров двери, то выход остается один: выбить тревожную дробь по стене тем самым металлическим колечком. Действует со стопроцентной надежностью!

Отсутствие запоров на туалетных дверях – дело тем более естественное для Японии, что и сами двери есть далеко не на всех общественных уборных. Эта деталь, как и возможность совмещения женских и мужских туалетов, особенно потрясает иностранных женщин. Есть места общего пользования, где дама должна пройти к единственному унитазу мимо стоящих лицом к стене, точнее, к писсуарам, мужчин, и

чтобы привыкнуть к этому, нужно время (да и мужчинам научиться легко и непринужденно справлять нужду, стоя практически на улице, тоже не так-то просто). Чаще же всего общественный туалет выглядит как маленький коридорчик, открытый с обоих концов. Это удобно: обеспечивается естественная вентиляция (я не помню в японских общественных туалетах привычного нам режущего глаз запаха, хотя говорят, что лет 30 назад это было большой проблемой), и можно в процессе получения удовольствия любоваться природой. Что интересно, такие туалеты часто встречаются в местах исторических, где выглядят частичкой далекого прошлого и воспринимаются с легкой долей юмора и без излишнего этического напряжения. Открыта, например, южным и северным ветрам уборная у павильона Сандзюсангэндо в Киото (весь город в своей планировке тоже сориентирован с юга на север), а фотографируя знаменитую пятиярусную пагоду храма Кофукудзи в Наре, я вдруг заметил в видоискатель фотоаппарата человека, входящего в неприметное строение у подножия пагоды. Теперь у меня есть и фотография пагоды, и снимок замечательного японского туалета без дверей в действии.

У традиционных и современных японских сортиров немало общего. В первую очередь это стремление к чистоте, наиболее ярко выражающееся в наличии сменных тапочек: невыразимо неприлично заходить в это место в той же обуви, в которой вы передвигаетесь по жилой части дома. Очень часто японцы идут по пути совмещения полезного и приятного, устраивая традиционный деревянный антураж с решетками, панелями, запахом дерева в современных туалетных комнатах с электронными унитазами. Это действительно очень красиво и выглядит благородно. Неслучайно именно такой туалет построил у себя дома классик японской литературы Танидзаки, не преминув описать это все в «Похвале тени».

В городских общественных уборных в последние несколько лет тоже стало модным такое смешение стилей, которое, в общем, и есть единый стиль японского туалета. Специальная организация, созданная для контроля и руководства развитием уборных в стране, – Японская туалетная ассоциация – обращение к истокам поощряет. Как, впрочем, и по-прежнему сильную в больших городах тенденцию к созданию ультрасовременных металлопластиковых уборных-капсул с появляющимся неведь откуда стульчаком и огромным набором индивидуальных удовольствий, сопровождаемых инструкцией по пользованию – без нее в японском туалете наслаждение удовольствием может затянуться надолго.

Добро пожаловать!

В Японии я подрабатывал гидом, сопровождая по стране русских туристов. Случилось так, что однажды вечером я расстался со своими клиентами на перекрестке Омотэ-сандо и Мэйдзи-дори с особенно большим облегчением: меня обуревали два желания. Причем оба были вполне животного свойства, а потому исполнить их я надеялся в одиночестве.

Попросту говоря, меня утомили ужины в дорогих ресторанах европейской кухни, приверженцами которой оказались мои ангажированные «кексы»^[2], которые бог весть зачем приехали в Токио, и ужасно хотелось «пролетарской еды». Найти ее я надеялся в какой-нибудь дешевой, сугубо японской «обжираловке» – в тесноте, с местными старичками, тыкающими в меня пальцем, девушками, таращащими глаза, строительными рабочими в широченных штанищах и с полотенцами на голове, на крайний случай – с хлюпающими и чавкающими сарариманами. В общем, очень хотелось, чтобы все было очень по-японски, без модных в Токио интернациональных «понтов».

Второе желание было еще более простым. Я знал, что найду в таком месте туалет, а меня туда сильно тянуло. Впрочем, я был согласен на любой сортир – скажем, какой-нибудь уличный, в парке, без дверей. Или даже в каком-нибудь «комбини» – выбрать мне уже не хотелось. Совсем.

Вот в поисках сразу двух мест наслаждений я и отправился вниз, куда-то в сторону Догэн-дзака.

В райончик я попал совсем незнакомый, но очень красивый. То и дело заходил в магазинчики, любовался гуляющими японцами, почти окончательно потерял направление и даже почти забыл, зачем, собственно, я свернул в эти улочки. И вдруг... откуда-то пахнуло густым запахом еды...

Втянув носом воздух, я свернул в маленькую боковую улочку и очутился перед входом в рамэнную. Судя по потрепанной вывеске и тому, что располагалась она в подвале, это было как раз то, о чем я мечтал. Спустившись по ступеням и на мгновение задумавшись, прежде чем прикоснуться к ручке, я вошел.

Внутри не оказалось даже столов. Только шесть высоких табуретов у деревянной некрашеной стойки и ни одного посетителя. По ту сторону стойки молодой парень в бандане и какая-то тусклая девчонка варили рамэн. Оба по очереди пропели мне «Ирассямасэээ» – «Добро пожаловать!», а парень так даже улыбнулся. Успокоенный, я присел прямо

перед ним, заказал лапшу с луком и пива и огляделся.

Интерьер мини-рамэнной был исполнен в стиле «саби» – даже оклеенные обоями стены производили впечатление неоклеенных, а уж неструганые, но до блеска отполированные локтями доски стойки были так хороши, что могли бы претендовать на внесение в реестр ЮНЕСКО в качестве памятника истории.

Взгляд мой уперся в темную от старости дверь с деревянной ручкой справа от стойки. Сообразив, куда она ведет, я сразу вспомнил о втором неутоленном желании. Если бы до двери было больше двух шагов, я бы, наверное, успел представить себе картину традиционного японского туалета, который и должен скрываться в таком месте: приятный полумрак, сиденье в стиле «старик Танидзаки», удобные, отполированные тысячами крепких рабочих ладоней ручки держака... Но девушка уже поставила передо мной кружку ледяного пива, и, взглянув на капельки, скатывающиеся по стеклянному запотевшему боку с надписью «Кирин», я ничего такого представлять не стал, а вскочил и, рванув на себя ручку, оказался внутри.

Там действительно царил полумрак. Но едва дверь, с тыльной стороны оказавшаяся покрытая белым, вполне современным, пластиком, мягко закрылась, света стало больше – очевидно, сработали сенсоры на закрывание. Прямо передо мной вместо ожидаемой дырки в полу оказался Уошлет – стандартный японский унитаз с пультом управления. Впрочем, не совсем стандартный.

Едва я шагнул к нему, как тут же замер: стульчак озарился мягким голубым светом, перебежавшим от пола к бачку и обратно, крышка сноровисто открылась сама собой, и едва она замерла в вертикальном положении, как унитаз мягким барионом произнес сакраментальное «Ирассяимасэ!».

Наверное, если бы нужда приперла меня чуть меньше, я бы надолго остался в сиятельной латрине – общаться с моим новым другом «Уосирэтом-сама». Но... жизнь есть жизнь. Я крикнул в ответ унитазу «и тебе не хворать» и, удовлетворив свое желание, уже не удивляясь чудесному парфюму, которым благоухала раковина, вернулся за стойку.

Рамэн был хорош, да и пиво тоже. Втягивая со свистом последние макаронины, я с радостью увидел нового посетителя – древнего старика совершенно отвратительного вида, как раз такого клиента, о соседстве с которым я мечтал всего полчаса назад. Уже спустившись и кивнув навстречу молодежному приветствию хозяев, он сощурил подслеповатые глазки, разглядел гайдзина за стойкой, буркнул что-то вроде: «Нигде от вас

житься нет» и, кряхтя, побрел по лестнице обратно вверх. А зря – мог бы пообщаться с голубым говорящим унитазом – своим, родным, японским...

Доев рамэн и допив пиво, я поблагодарил улыбчивого парня и совсем уже завядшую девушку, еще раз взглянул на странную дверь и пошел себе дальше, на Сибую, искать – чему бы такому еще удивиться в этой Японии. До сих пор жалею, что не сфотографировал – не дототумкал, не допер, не до того было...

Страшная смерть

Популярный писатель Борис Акунин, в миру переводчик-японист Григорий Чхартишвили, в уста своего любимого героя Эраста Фандорина вложил размышления о страшной смерти. По мнению детектива-япономана, одним из вариантов такой ужасающей кончины могла бы быть смерть в уборной – некрасиво, неэстетично, стыдно, не по-самурайски как-то. В изложении франта Фандорина это звучало обоснованно, красиво и вполне интернационально – кому понравится такая смерть, будь ты хоть русский, хоть африканец? Каково же было мое удивление, когда я услышал, что с помощью туалета можно проиллюстрировать различия в менталитете как минимум двух народов: русских и японцев.

Один японский журналист, потомок самураев и камикадзе, решил поразмышлять о том, кто смелее: мы или они, и вот что он мне рассказал. «Вы, русские, очень смелые люди, – говорит японский коллега, – даже по вашим туалетам видно, что вы привыкли встречать опасность лицом. В туалете человек абсолютно незащищен – даже больше, чем в бане. Он не просто гол, он занят делом, требующим полного сосредоточения. В туалете человек не может схватиться за оружие – самураю было не присесть по-человечески – мечи мешают! А попытавшись дать отпор, он может оказаться в совсем неприглядном виде перед сбежавшимся окружающими. Он не может передвигаться со спущенными штанами, путаясь в хакама, не может позвать на помощь. Человек в уборной уязвим абсолютно!

Что в такой ситуации делаем мы – японцы? Мы строим туалеты, в которых, сидя в “позе орла”, отворачиваемся лицом от двери, через которую приходит опасность, и подставляем врагу спину. Что бы ни случилось, мы не хотим этого видеть, мы хотим умереть в туалете спокойно. Пусть уткнувшись лицом в грязный пол, но не сопротивляясь. Такова привычка, и она затвержена в веках, в характере, в архитектуре.

Как поступаете вы – русские? Ваши сортиры отличаются не только от

японских, но и от европейских. В русской уборной человек не может чувствовать себя в безопасности никогда – даже если нет войны и нет врагов. Там все время нужно быть настороже! Но вы, русские, очень смелые люди. Вы не только не боитесь ходить в свои туалеты, но и не боитесь встретить там смерть. Вы забираетесь высоко на корточки и сидите не боком ко входу, подставив спину, как это делаем мы, японцы, а лицом – с гордо поднятой головой встречая опасность! В этом и состоит принципиальное отличие между нами – японцами – и вами – русскими. Знаете, я однажды был в туалете, когда в него вошел президент компании. И... я описался. Это было так почетно...»

Часть 2. Лето

«Русские жены» японских мужей

Глазами узкими в глаза мне посмотри

Наташи, Тани, Кати, так помогавшие мне во время футбола, быстро стали моими подругами, открывая для меня другой японский мир – одну из граней той самой «обратной стороны» Японии, о которой я пытаюсь рассказать. Я искренне любил и люблю и Японию, и этих девчонок, а они, отвечая мне взаимностью, раскрывают передо мной свой взгляд на эту страну, на ее людей. Раскрывают многие скрытые прежде стороны своей жизни, которые с их согласия я решился однажды обнародовать.

Все началось с одного письма, которое я получил от редактора популярного женского веб-ресурса Woman.ru Ирины Казакбаевой. До возвращения из Японии еще оставалась пара месяцев, и Ирина предложила мне сделать серию переводов с японского. Статьи должны были быть объединены общей темой, лежащей в русле интересов Woman.ru: женщины и мужчины, любовь, брак и т. п. Переводчик из меня, откровенно сказать, очень плохой, и я подумал, не попробовать ли мне самому написать что-то на эту тему. Особенно же меня вдохновила возможность впервые высказать в печати свое мнение и поделиться своими наблюдениями о межрасовых браках. Для тех, кто не знает: основная часть ныне живущих в Японии русских – молодые женщины, вышедшие замуж за японцев. В русской диаспоре их так и зовут – «японские жены», имея в виду, что мужья у них японцы, а в России, чтобы не возникало путаницы, мне пришлось называть их «русскими женами».

Статью со скандальным названием «Глазами узкими в глаза мне посмотри» я написал, а вслед отправил еще 14 статей и репортажей, так или иначе связанных с женско-японской темой. Получился блок «Япония глазами русского мужчины», из которого полгода спустя и под влиянием новых обстоятельств родилось интернет-издание «Японский журнал – Japop.ru», а сейчас вы держите в руках книгу, составленную в том числе из материалов, опубликованных в этом журнале.

Публикация о «японских женах» (впредь буду именовать их так – «по-японски») оказалась для меня самой дорогой во всех смыслах. Ни один материал ни до, ни после не принес мне столько критики и оскорблений, короче говоря, обычных в нашей работе шишек и синяков. Ее ругали почти все: мои друзья и мои враги, мужчины и женщины, русские и японцы.

Журнал «Работница» опубликовал статью под другим названием, сократив примерно на треть, но я очень благодарен «Работнице», потому что никто, кроме нее, не решился на это. Перечитывая ее сегодня, я и сам понимаю, что некоторые формулировки надо смягчить, но ни на шаг не отступлю от своей позиции, пока не увижу убедительных доказательств своей неправоты.

Еще раз подтверждаю: все, рассказанное мною, чистая правда, диалоги и монологи подлинные. Я лишь изменил некоторые нюансы биографий девочек, я всех знаю лично и не называю их имен. Впрочем, они себя узнали – все. Для тех, кому эти истории покажутся слишком жесткими, скажу, что я предварительно выкинул из них упоминания об изнасилованиях и прочих совсем уж неприятных событиях. Что же касается узких глаз, то мне пока никто не смог толком объяснить, почему мы должны считать, что у японцев – представителей монголоидной расы – они какие-то другие. На самом-то деле глаза у японцев бывают очень разные, но аниме они явно не с себя рисовали. Так что извините, но тут я никакого оскорбления не усматриваю. Что же касается остального, то многочисленные упреки в мой адрес после этой статьи напоминали мне диалог из программы «33 квадратных метра»: «Мама, у вас головка не болит? – Дед, дед! Он меня психованной старухой обозвал!» Прочитав начало статьи, мало кто смог осилить ее до конца, не сделав заранее свой вывод. Мало кто сделал такой вывод, опираясь на анализ и изложенные факты, а не на эмоции, извлеченные из собственного опыта. Самыми же оскорбленными в результате оказались... «японские жены», защитить образ которых я пытался в статье. Оказалось, что они прекрасно умеют защищаться сами. Правда, бьют при этом не по мячу, а по игроку, но по-другому многие из них просто не умеют. Никто из тех, кому статья не понравилась, не смог мне объяснить – почему не понравилась. Я понимаю: тем из них, кто оказался несчастлив в Японии, обидно и не хочется в этом признаваться. Понимаю, что тем, кто приехал туда совсем за другим, тоже неприятно, когда об этом говорят вслух. Знаю, что есть относительно счастливые и что все меняется, но не понимаю, почему обо всем этом нельзя говорить. Итак...

«Собираюсь написать статью о японской любви», – обмолвился я своей подруге – русской девушке, пять лет бывшей замужем за японцем. «Как можно писать о том, чего нет?» – удивилась она. Думаю, моя знакомая не права – она полагалась лишь на собственный опыт. Любовь в Японии, конечно, есть – во всех ее проявлениях. В том числе в тех, о которых мы с вами мало что знаем, и совершенно напрасно, ибо каждый год на

протяжении вот уже примерно десяти лет около 300 наших соотечественниц выходят замуж за японцев. Что влечет их туда? Ответить на этот вопрос нетрудно, поскольку возможны лишь три варианта решения (по степени распространенности):

- деньги;
- любовь;
- так сложилась жизнь.

О том, как она складывается дальше и как она будет складываться в будущем, поговорим чуть позже, а пока несколько слов о некоторых японских мужчинах.

Японцы не любят корейцев. Особенно северокорейцев. А среди всех северокорейцев самый нелюбимый японцами, конечно, Ким Чен Ир. Можете себе представить гнев тех японских мужчин, которые, как все, ненавидят Ким Чен Ира и, как многие, млеют от европейских красоток, когда в 2002 году неизвестные хакеры взломали порночат «Обожаю блондинок» и вывесили на главной странице огромное фото пхеньянского лидера. Когда я узнал об этом скандале, то понял, что не симпатизирую тем японцам, которые посещали виртуальную Сеть, вождедея голубых глаз и светлых волос. Я не верю в то, что они любят русских женщин. Они просто любят модные штучки.

Когда после распада СССР наши девушки хлынули в Японию на заработки, здесь очень быстро возникла мода на белых невест. Надо сказать, что для японских мужчин на протяжении нескольких последних десятилетий наиболее притягателен следующий ряд «сексуальных приманок»: связанные женщины, школьницы и вообще девушки в униформе, белые женщины (желательно, с белыми, как здесь говорят, волосами). С помощью наших девчонок третий пункт программы наконец-то был выполнен. Саксонские красавицы традиционно относились к японцам с оттенком пренебрежения и расового превосходства, да и экономические стимулы для переезда в Японию американкам и европейкам найти сложновато. Теперь же японцы бросились покупать русских невест, как дорогие автомобили или картины известных художников. Часть этих японских мужей в своих новых жен влюбилась. Я такие пары знаю и искренне рад за обе стороны. А вот другие...

Мы сидим в ресторане с пятью японцами. Встретились для обсуждения совершенно иной проблемы, но за пивом неожиданно выяснилось, что они все (!) любят русских девушек и либо женаты на них, либо собираются сделать это в ближайшем будущем. Совершенно ошарашенный, я сидел и слушал внезапные откровения, которые сыпались

одно за другим: «Сравнивать русских и японских женщин жестоко по отношению к японкам!», «Русские – настоящие красавицы, но только до двадцати пяти лет!», «Когда мне пятьдесят, у меня уже все есть и хочется молодой, красивой жены с белой кожей и белыми волосами! Но ненадолго – через год-два она мне надоеет, и я куплю другую».

Надо отметить, что самому младшему из собеседников как раз слегка за пятьдесят – критический японский возраст. Обремененные тяжким трудом на фирме и накоплением денег на жилье, японцы до пятидесяти лет мало обращают внимания на свою личную жизнь. Но потом... Едва ли не самая сексуально озабоченная категория населения Японии – сотрудники фирм, вступающие в предпенсионный возраст. Это они лихорадочно листают в электричках порнокомиксы, это они составляют значительную часть покупателей в секс-шопах, это они едут за невестами в холодную Россию. При этом многие из них оказываются несостоятельны как мужчины, и белые жены нужны им лишь в качестве показателя преуспевания вместе с часами «Ролекс» и бумажником «Луи Виттон». Когда жена получена, оплачена и вписана в интерьер, начинается обычная японская жизнь: мужья работают днем и напиваются вечером; они делают то, что делали всю свою сознательную жизнь, потому что для них это нормально – по-другому они себя вести просто не умеют. Русские же девушки, привыкшие к самому разному обращению, но не приученные к его полному отсутствию, пополняют нашу колонию в Японии, ходят в Русский клуб, скучают и развлекают себя сами. Объяснять японцам, что лучшая невеста для пятидесятилетнего мужчины – не вчерашняя студентка, а женщина, более близкая ему по возрасту, так же бесполезно, как просить камень самостоятельно откатиться с дороги.

История первая – странная. Она – профессорская дочка из Москвы, ей – 24. Он приехал за русской невестой, когда ему стукнуло 52. Ей после развода было все равно – куда и с кем, лишь бы подальше. Пять лет они прожили вместе, ни разу не занимаясь сексом. Иногда по вечерам он с ней разговаривал, иногда нет. Раз в две недели он водил ее в ресторан, раз в три месяца вывозил на экскурсию по Японии, раз в полгода – за границу. Давал немного денег на еду и помогал ее семье в России. Она провела эти годы в тоске и скуке. Когда она спрашивала: «Зачем я вам?», так и не привыкнув за пять лет называть его по имени, он отвечал: «Потому что красивая». В конце концов она вернулась обратно – в Россию, вышла замуж по любви и предпочитает не вспоминать о прошлом. С написанным здесь согласна полностью.

Почти каждый день русские девушки приходят в консульство России в

Японии за получением «Справки об отсутствии препятствий к заключению брака». Немалая их часть приехала в Японию на заработки. Замужество для них – источник доходов. Бывает (и нередко), что такие невесты, приходя для оформления документов в российское консульство, не в состоянии вспомнить, как зовут их «избранников». Многие из этих «русских жен» подрабатывают в хостесс-клубах и в браке ведут себя в соответствии с жесткой психологией хостесс, неумолимыми насосами выкачивая из мужей деньги. Склонные к мазохизму японцы довольны. Довольны и девушки. Япония – великая страна, здесь уютно и комфортно жить, если кроме денег и спокойствия ничего не надо. Этим девушкам повезло – они нашли для себя земной рай.

История вторая – драматическая. Она из Новосибирска. Он – владелец небольшого рестораника. Разница в возрасте – лет 15. Он работал целыми днями. Она целыми днями скучала. Однажды у нее появился бойфренд – иранец по имени Али. Каждый вечер он стал приходить вместе с ней в ресторан ее мужа, они прилюдно флиртовали. Муж все видел, понимал, сходил с ума, но молчал – он действительно любил ее. Она хотела уехать из Японии с любовником. Тот отказался и вместо этого начал приходить к ней домой, не смущаясь присутствия мужа, следил за ней, приставал. Она пожаловалась мужу, и любовник исчез. Мир в семье восстановлен. Она из Японии уезжать пока не собирается. Статью прочитала и рассказала знакомым, что про нее на родине написана книга.

Глупо и несправедливо было бы думать, что помимо денег брак с японцем не может принести и других радостей. Может! Важно соблюдать некоторые условия. Кроме того, что у жениха и невесты не должно быть разницы в годах в два-три раза, хорошо, если японец не очень уж походит на японца по своему менталитету. Или наоборот – девушка должна быть не совсем русской по своему мировосприятию. Тогда у супругов появляется реальный шанс найти общий язык. Речь не идет о языковом барьере – практически все русские жены говорят по-японски. Но дело в том, что многие местные мужья со своими женами почти не разговаривают. И я не знаю – плохо ли это. Скорее всего, тоже нормально – таков их менталитет. Еще одна моя знакомая, специалист по японской культуре, вполне счастлива в браке с мужем-японцем (есть общий ребенок). У них небольшая разница в возрасте (пять лет), а его молчаливость ее, влюбленную в японскую культуру, завораживает: «Он так меня любит! Это же сразу видно: он все время молчит. Кажется, вообще меня не замечает. Только глаза как щелки и толстые губы сжаты: сразу видно – любит».

Возможно, так и есть. Классик японской литературы Юкио Мисима писал: «Идеал любви – тайная любовь. Высказанная любовь теряет свои достоинства». Боюсь только, что большинство современных японцев Мисиму не читали, так же как и их новоиспеченные жены. От последних чаще приходится слышать о другом показателе молчаливой влюбленности: «Ради меня готов на все: дает денег на каждую распродажу. Над ним даже на работе смеются, а он терпит. Приходит домой, денег даст и молчит, молчит... Прямо Ромео!» Грустнее, когда все происходит с точностью до наоборот.

История третья – печальная. Она с Сахалина, окончила театральный институт. Приехала в Японию подработать. В клубе познакомилась с японцем – владельцем небольшого бара. Вышла замуж. Он увез ее домой – в провинцию. Она стала работать официанткой в его баре. Он заводил себе русских любовниц одну за другой, приводя их всех в бар, знакомя с женой и заставляя ту обслуживать их. Вечерами приходил домой пьяный, дрался. Когда он начал возвращаться не один, она сбежала. До России добиралась нелегально. Где она сейчас, я не знаю.

За последний десяток лет численность русской колонии в этой стране возросла примерно с 1000 до 15 000 человек. Примерно потому никакого учета соотечественников наше посольство не ведет, и никто в этом большом белом здании «на Роппонгах» не знает толком, сколько же в Японии русских. Примерно и потому, что значительная часть все тех же соотечественников живет здесь с просроченными визами, то есть фактически нелегально, а потому не поддается японскому учету. Примерно еще и потому, что к русским сами японцы часто относят всех жителей бывшего СССР, включая сюда не только многочисленных украинских хостесс, но и эстонок и даже румынок. Для упрощения взгляда на мир некоторые японские организации придумали даже несуществующую страну «экс-СССР» и учитывают нас как ее жителей – у меня есть научный сборник с моей статьей, где я указан как гражданин «бывшего СССР».

Вместе с учеными и стажерами из этого фантастического государства японские жены составляют сейчас основу нашей общины на этой далекой земле и формируют ее будущее. Сегодня мы уже можем говорить о второй (после 1917–1922 годов) волне эмиграции в Японию. В связи с этим возникает вопрос: каким видится будущее русской колонии?

У многих из «японских жен» есть русские дети. Как правило, это та категория женщин, которые попали в Японию случайно. Типичный пример вы уже видели: женщина после тяжелого развода пытается забыться, сменить обстановку, место жительства... Под руку попадает объявление:

«Ищу невесту», или встречается подруга из бюро знакомств. Ребенка за руку – и на самолет... Их дети еще помнят Россию, русских бабушек и дедушек, говорят по-русски, но я не знаю – хорошо ли это? Нужно ли? Но даже большинство из родивших в смешанном браке детей здесь – в Японии – пока не подозревает о проблемах, которые ждут их впереди. Я разговаривал с людьми, прожившими в этой стране десятилетия. Они – русские. А вот кто их дети, они не знают. Русская женщина, родившая ребенка от японца, должна быть готова к тому, что этот ребенок будет все больше походить на японца. Не только внешне, хотя, как правило, это именно так. Проблема в другом. Япония – мононациональное государство. Иностранцев здесь мало (всего около 2% населения), и они постоянно чувствуют на себе мощное давление большинства. Особенно дети. Мать может разговаривать с ребенком дома по-русски. В детском саду это станет причиной насмешек и издевательств. Мать может учить ребенка русской литературе. В школе его заставят выбросить из головы эти «фанаберии». Мать может учить ребенка русским песням. В школе он будет осваивать разные виды поклонов и привыкать прикрывать ладошкой рот во время смеха. Быть полукровкой – «хафу» – здесь тяжело, и даже если самому отказаться от своего происхождения, другие будут помнить о нем. Хафу популярны в качестве моделей в рекламном бизнесе, но каждый ли хочет всю жизнь быть моделью? Да и то – как правило, такие подработки заканчиваются к подростковому возрасту. Если женщина планирует жить в Японии и рожать здесь детей, она должна понимать, что со временем ее ребенок станет японцем – для нее и никогда не станет им – для всех остальных. Отчуждение неизбежно. Говорят, сейчас японское общество меняется, становится более глобализированным, интернациональным, космополитичным. Говорят, у этих детей-хафу большое будущее, они поведут за собой новую Японию. Счастлив, если окажется, что я ошибался!

Одна моя знакомая, вышедшая замуж за латиноамериканца японского происхождения, рассказывала, как ее маленькая дочь, вернувшись из садика, заявила:

- Мама, я нарисовала твой портрет!
- А почему волосы черные? У меня же белые.
- Я не хочу, чтобы у тебя были белые волосы! У всех мам черные, у тебя – белые. Не хочу! Плохо, когда не как у всех.

Волосы пришлось перекрасить. И не на портрете, а на голове. И это – только начало.

***История четвертая – еще более драматическая.** Она с Дальнего Востока. Он приехал специально, чтобы жениться на русской. Ухаживал*

красиво – «как в кино»: дарил цветы (дикая для японцев вещь), возил на такси, на которое у нее отродясь не было денег, целовал руку. Она вышла за него замуж. Он привез ее к себе домой – в деревню у подножия Фудзи. В доме жили его родители и старший брат – психически больной человек. Перед домом рисовое поле; на нем она провела почти год. Кормили ее выращенным ею же рисом и овощами. На улицу не выпускали, денег не давали. Она воровала у него из кошелька мелочь, чтобы добраться до города. Бежала. Пряталась в Токио у старой знакомой – русской жены. Подруга помогла с работой – она пошла в хостесс-клуб. Там встретила молодого алжирца – Ричи, влюбилась. С юности врачи ставили ей диагноз: бесплодие. Через несколько месяцев после встречи с Ричи она забеременела. Ребенка решила оставить. Виза к тому времени кончилась. У Ричи тоже. Года через три родился второй ребенок. Полиция все-таки нашла их и выслала из Японии. Его – в Алжир, ее – в Россию, закрыв им на будущее возможность получения японской визы. Оба ребенка остались в японском приюте.

Каждый месяц в офисе крупнейшей японской авиакомпании, продающей билеты на рейсы «Аэрофлота», раздается как минимум один звонок от русской девушки, пытающейся убежать от «любимого» мужа. Многие делают это менее авантюрно. Но их все равно значительно меньше, чем невест, почти каждый день заключающих брак с японцем. В Токио «новобранцев» легко узнать. Японский пенсионер ведет за руку девушку на голову выше его. У нее идеальная фигура и белые волосы. Он на ломаном английском языке рассказывает ей что-то про храмы. Она рассеянно кивает, смотрит в сторону и отворачивается, когда видит меня, – соотечественники идентифицируют здесь друг друга безошибочно. Я знаю, чем кончится ее брак. Кажется, она это знает тоже.

История пятая – счастливая. Она из Хабаровска. Он – из японской провинции, потомок воинственного клана самураев, ставший инженером. Он – общителен, щедр, ревнив, благороден, непосредственен (может дать в ухо таксисту, если считает, что его везут неправильно, или накрыть прямо на улице стол для бомжа – по зову души). Она – красива, умна, весела. Разница в возрасте – около 10 лет. Они встретились случайно и вместе уже пять лет. Они очень сильно любят друг друга – это видно даже со стороны. Они часто ссорятся, но мирятся всегда на один раз больше. Он учит русский язык и называет жену «Люблючка». У них много проблем. Но они счастливы. Недавно она родила красивого зеленоглазого мальчишку – Игоря, как две капли воды похожего на ее мужа, но белобрысого. Он уже снимается в рекламе, и я очень надеюсь, что они

будут счастливы всегда.

Один молоденький японский ученый настойчиво просил меня познакомиться его с русской девушкой. И однажды я сдался.

– Хорошо, – сказал я, – у тебя есть какие-то конкретные пожелания?

– Конечно! – ответил он. – Я все продумал!

– ?

– Ну да! Во-первых, она должна быть блондинкой – это красиво.

– Понятно.

– Во-вторых, она должна быть старше меня. Лучше, если ей будет хорошо за 30.

– Это почему?

– Ты же знаешь, я ученый!

– И?

– Мне нужна жена, которая будет заботиться обо мне как о сыне! Пусть убирается в доме, готовит, создает обстановку, чтобы я мог спокойно работать – мне это очень важно!

– Может, тебе лучше горничную нанять?

– А как же любовь?

– А какие у тебя требования по части любви, интересно знать?

– Она должна быть выше меня и родом из Петербурга!

– Почему???

– Мы иногда будем приезжать в Петербург и ездить на метро. На эскалаторе я буду вставать ниже и смотреть на ее грудь!

– Угу... А из Москвы не подойдет? У нас там тоже метро есть. И груди...

– Нет! В Петербурге очень длинные эскалаторы! Мы будем долго ехать, я буду смотреть на ее грудь, а потом мы будем целоваться!

Что сказать после этого? Счастья вам, женщины!

Национальное сокровище на экспорт: из интервью с Екатериной Имаи об имидже «японских жен»

Более двух лет в Интернете, на форумах «Японского журнала – Japop.ru», активно обсуждалась эта статья и вообще тема «японских жен». Естественно, наиболее активными были сами жены. Суть их упреков сводилась к следующему.

1. Все мужики – козлы, а русские при этом еще и бедные .

2. Все «японские жены» в Японии счастливы, и никто не имеет права

трогать их счастье своими грязными лапами.

3. Если бы статью писала женщина, она написала бы иначе» (я читал подобные вещи, мне не понравилось – только личный пример и никаких попыток анализа).

4. Русские мужики просто завидуют девушкам, сбежавшим от них в Японию, потому что все мужики – козлы...

Что касается писем от мужчин, то они были не менее примитивны и наводили на мысль о том, что в чем-то наши девушки, безусловно, правы... Однако со временем количество опусов стало перерастать в их качество. Самый активный участник онлайн-тусовки японских жен Катя Имаи, непрерывно ругавшаяся со мной месяцами, однажды предложила ответить мне на ее вопросы официально. Я согласился, и в результате появилось первое интервью, которое японская жена взяла у русского журналиста на тему имиджа русско-японских браков.

Екатерина Имаи: Александр, наш сегодняшний разговор посвящен теме российско-японских браков в Японии и роли российских СМИ в формировании имиджа международного брака, в частности российско-японского. В связи с этим у меня к вам следующий вопрос: почему общественное мнение в России до сих пор проявляет нетерпимость и бестактность по отношению к тем, кто выходит замуж за иностранца? Почему обычный российский брак редко становится предметом дискуссий, в то время как межнациональный приковывает к себе взгляд многомиллионной толпы?

Александр Куланов: Во-первых, я сразу могу сказать, что никакой особой роли СМИ в формировании какого бы то ни было имиджа международных браков я не вижу. Особенно это касается браков русско-японских. Если о браках россиянок с европейцами или американцами еще хотя бы иногда пишут или показывают, то о русско-японских я не видел в средствах массовой информации почти ничего. Либо мало кого из журналистов эта тема интересует, либо нет информационного спроса. Скорее всего, и то и другое. К сожалению, у меня нет сравнительной статистики по международным бракам, но, вероятно, количество наших соотечественниц, выходящих замуж за европейцев, значительно больше, чем тех, кто уезжает на Восток, раз интерес к первым явно выше.

Во-вторых, имидж международных браков, тот, который худо-бедно существует, однозначно плох. Причин этого несколько. Если мы сейчас говорим только о роли СМИ в этом процессе, не трогая приватный уровень формирования образа, то объяснений у меня несколько.

Прежде всего проблема в том, что любое «генеральное» издание,

специализирующееся на новостях, ищет те из них, которые с наименьшими затратами привлекают наибольшее количество аудитории. Такие новости делятся на две категории: гламурные рассказы о жизни звезд (таких в данной теме я знаю немного, например маму Миллы Йовович, а в Японии это могла бы стать, но не стала, история происхождения екодзуны Тайхо Коки) и новости о войнах, преступлениях, смертях и прочая чернуха. Вот тут, во второй категории, вести из мира международных браков встречаются гораздо чаще: кто-то попал в сексуальное рабство, кто-то не может встретиться с детьми и так далее.

Вспомните фильм, до сих пор в значительной степени определяющей отношение к международным бракам у наших соотечественников, – «Интердевочку», получившую, кстати, престижную кинопремию Японии. Это чернуха. Талантливая, но чернуха. Петр Тодоровский, вероятно, не планируя этого, но легко и ненавязчиво, с помощью своего таланта, вбил в голову изможденным дефицитом и очередями советским людям, что девушка, уезжающая за границу, чтобы выйти замуж за иностранца, – не важно, по любви или чтобы просто забыть про все эти очереди, – непременно проститутка. Возможно, режиссер этого и не хотел, возможно, он только отображал действительность, но этот миф жив и действенен до сих пор, в том числе и потому, что фильм видели многие, а со счастливыми международными семьями общались единицы.

В-третьих, вступление в брак с иностранцем – это эмиграция, хотя многим невестам почему-то в голову это не приходит, и эмигрантками они себя не ощущают. По крайней мере в первое время. А вот окружающие, а лучше сказать остающиеся, это понимают сразу. А теперь подумайте, какое отношение к эмиграции формировалось в нашей стране на протяжении многих десятилетий. Кто такие эмигранты? Это же враги! Это образ классового врага, врага народа, и просто так он из сознания уже не уйдет. А девушка-эмигрантка, которая, помимо того что враг, еще и потенциальная «интердевочка», – гремучая смесь. Применительно к нашей теме разговора «японская жена» – это «интердевочка», работающая на японский империализм. При всей дикости этой формулировки для поколения россиян старше 50 – это абсолютно нормально. Для молодежи – нет, уже неактуально, но у нас не одна молодежь в стране живет.

В-четвертых, и это касается только «японского направления», происходит постоянная путаница. Хостесс у нас широко, с размахом, путают с проститутками, японских жен – с хостесс, хотя это далеко не всегда пересекающиеся аудитории, и сами понимаете, что в результате получается. Настоящих журналистов, которые знают разницу, сейчас в

Японии мало, писать им и без того есть о чем, а учитывая, что для остальных потенциальных имиджмейкеров (наших дипломатов в Японии и многих японоведов) хостесс ничем не отличается от проституток, то легко понять, какой складывается имидж у «японских жен».

Я не согласен только с тем, что к российско-японским бракам, да и вообще к бракам международным, приковано внимание толпы. Тем более – многомиллионной. Посмотрите форумы на нашем журнале: там эта тема мусолится сугубо внутрияпонской тусовкой. В России никакого ажиотажного интереса к этим бракам нет – это, за исключением некоторых конкретных случаев, «толпе» малоинтересно, и обсуждение «транснациональных» проблем каждой девушки не выходит за рамки отдельно взятого двора.

Е. И.: Но почему все-таки некоторые русские девушки стремятся выйти замуж за иностранцев, в частности за японцев?

А. К.: Тут я ничего нового не скажу. Я об этом уже писал три года назад и с тех пор о новых мотивациях не слышал. А старые такие: любовь, расчет, безысходность. Бывает, что со временем причины у одной и той же женщины могут меняться, переплетаться и так далее.

Стоит только заметить, что рьяное стремление уехать к мужу за границу сопровождается у многих девушек последующим нежеланием возвращаться, то есть утрачивается обратная связь. Девушка уехала, но о том, как она там живет и насколько счастлива, знают только ее родственники. Да и то до тех пор, пока не случилось что-то плохое.

Важно, что имидж бессознательно формируется и самими женами. Один мой знакомый работал в консульском отделе нашего посольства в Токио, выдавал справки об отсутствии препятствий к заключению брака. К нему приходили самые разные девушки, вышедшие замуж по всем трем причинам.

Простая вещь: та девчонка, которая влюблена в своего жениха, ведет себя скромно, тихо, знает, что делать (жених рядом либо проинструктировал, или же она просто хорошо воспитана), и в результате не запоминается.

А вот случай из жизни, который я приводил в статье: приходят две девушки, мой знакомый у них спрашивает, как фамилии мужей, а они не помнят и тупо, извините, ржут, коверкая японские имена! Пришлось им звонить этим самым «женихам» и спрашивать. Конечно, дипломаты это видят и запоминают именно этих девиц, которые, как вы догадываетесь, замуж выходят явно не по любви.

Добавляет это положительных черт образу «японских жен»? Сильно

сомневаюсь. Так что виноваты в созданном имидже представители обеих сторон, а раз он плох, можно догадаться, что «не по любви» в Японию приезжает немалая часть «имиджмейкеров».

Е. И.: Как вы считаете, сегодняшней бум в России на все японское повлиял каким-то образом на то, что желающих выйти замуж за японцев становится все больше и больше?

А. К.: Нет, думаю, что не повлиял. Насколько мне известно, мода на Японию наиболее сильна в европейских регионах России, а основные поставщики русских жен сегодня – дальневосточные районы страны. Не говоря уж о том, что для японцев «русские» девушки – это и украинки, и чешки, и румынки, и даже узбечки. Я знаю конкретные примеры, когда девушки переносят любовь к Японии на ее конкретных представителей, но думаю, что это все-таки единичные случаи.

Е. И.: Могли бы вы в краткой форме нарисовать социально-психологический портрет «японской жены»?

А. К.: Это неблагоприятное занятие. Такого архетипа быть не должно. Кроме того, как я уже говорил, основных причин, по которым девушки выходят замуж за японцев, три, а значит, нужны три портрета – целый триптих. Исходя из целей и причин замужества, уверен, вы легко нарисуете его сами.

Я же, пожалуй, поностальгирую по Японии и просто опишу среднестатистическую жену. Это двадцатипятилетняя блондинка, не очень красивая, с хорошей фигурой, с образованием, с малым опытом практической работы по специальности. Взгляд слегка рассеян, при появлении в поле зрения молодых соотечественников становится заинтересованным – в Японии, в России – презрительным. На шее мобильник со смешными брелочками, на пальцах бриллиантовые кольца и бриллиантовые же серьги в ушах. Неплохой разговорный японский язык. Пожалуй, все, но это настолько приблизительно, что скорее в шутку, чем всерьез. Повторяю: таких архетипов существовать не должно.

Е. И.: Можете ли вы сказать, что международные браки играют определенную роль в международных отношениях? В частности, какова их роль в укреплении дружеских связей между Россией и Японией?

А. К.: Подмывает сказать: «да», но... «нет». Вопрос провоцирует на положительный ответ по той простой причине, что все мы хотим, чтобы Россия и Япония были как можно ближе друг другу, но, увы... Заметной роли в этом смешанные браки не играют. Их мало, а счастливых еще меньше. Тем не менее такая надежда, пусть и слабая, есть. Кто знает, может быть, чей-то сын от русско-японского брака станет депутатом парламента,

чье мнение будет интересно будущему премьеру? В большей степени это романтика, конечно. Тем более что в российской политике есть дитя такого брака – Ирина Хакамада, но никакой роли в российско-японских отношениях она не играет. Поэтому мой ответ: «нет», такой роли они не играют, или она крайне незначительна.

Е. И.: Многие русские жены имеют определенную систему ценностей, основывающуюся на советских еще идеалах. Выйдя замуж за японца, попадая в Японию, они испытывают не только культурный шок, но и шок от страны не в смысле чужой, непонятной нам культуры, а страны с другой системой ценностей. Хотелось бы услышать ваше мнение на этот счет.

А. К.: Сколько угодно знаю примеров, когда наши девушки легко адаптируются в Японии, выйдя замуж, но не обращают при этом никакого внимания на своих мужей. Они их не любят, они им не интересны, основной побудительный мотив замужества таких девушек – деньги, а их «общественная активность» в Японии, к сожалению, очень высока, и свою лепту в формирование имиджа русских жен они тоже вносят. А жаль. Хорошие примеры менее заметны.

Самое же главное вот что. Имидж не моделируется и не формируется просто так, на пустом месте. Чтобы он улучшился, нужно работать не только непосредственно над ним, но и над содержанием самого объекта представлений, над его окружением, над сознанием людей, которые этот образ воспринимают.

Имидж «русских жен» улучшится тогда, когда улучшится не только образ России, что обязательно, но и когда сама жизнь в нашей стране станет лучше, цивилизованнее. Когда одни люди научатся понимать, что другие могут быть хорошими или плохими вне зависимости от своего социального положения или места жительства. Когда наши дипломаты перестанут смотреть на соотечественников-недипломатов свысока, а те перестанут сплевывать шелуху от семечек на паркетный пол. Когда... В общем, вы и сами знаете. Возможно ли это? Если честно, не знаю. Весь мир – театр, и не мы с вами в нем режиссеры...

Миллион роз Нины Хедо

Мы пока может лишь предполагать, как сложится судьба детей из смешанных российско-японских семей. Их, этих детей, уже много, но история их жизни в Японии слишком коротка, чтобы прогнозировать их будущее. В советское же время случаи смешанных браков были большой

редкостью, а отследить судьбы их детей мы могли только в очень редких случаях, когда эти дети становились известны и приковывали к себе внимание. Один из таких случаев – история Нины Хедо.

Началась она четверть века назад, когда Советский Союз восторженно рукоплескал «Миллиону алых роз» – песне, с которой уже весьма популярная к тому времени Алла Пугачева стала суперзвездой советской эстрады. С тех пор «Миллион роз...» в России хитом быть перестал, и единственное место, где эта песня до сих пор ассоциируется с советско-российской культурой, – Япония.

Японская эпопея «Алых роз» началась почти одновременно с падением их популярности в СССР. Тогда эту песню несколько раз прокрутили по токийскому радио, а затем в передаче «Русский язык» на телеканале NHK – русская культура в те годы была здесь довольно популярна. Песню услышала молодая девушка с редким для этой страны именем – Нина Хедо. Столь странное сочетание русского имени и японской фамилии объясняется просто: Нина – дочь японца, работавшего когда-то на КВЖД, и русской женщины, жившей в Харбине. Выйдя замуж, мама Нины круто поменяла свою судьбу, уехав сначала в Японию, а потом и в Австралию. Дочери от нее достались красивый глубокий голос, знание русского языка и совершенно нетипичные для японки кудри.

Услышав «Миллион алых роз», Нина поняла, что это «ее песня». Увлекающаяся игрой на гитаре и сочиняющая стихи девушка попыталась перевести песню на японский язык, что, как вы, наверное, догадываетесь, было совсем не просто. После нескольких неудачных попыток Нине удалось сохранить смысл, стихотворную форму и передать то неуловимое очарование песни, которое и делало ее шлягером. О переводе Нины Хедо вскоре узнали на NHK, и в одно мгновение молодая исполнительница стала популярной. «Розы» тут же попали во все хит-парады, и, пожалуй, впервые в истории японцы запели советскую песню как свою.

Несмотря на то что прошло уже два десятка лет, Нина до сих пор вспоминает эту историю так, как будто она произошла вчера. В ту пору молодая гитаристка дружила с известной певицей и ресторатором Токико Като и ее семьей, а отец хозяйки сети русских ресторанов «Сунгари» очень любил слушать «Розы» в исполнении Нины-сан. Именно ему принадлежала идея пригласить в Японию саму Аллу Пугачеву. Обладавший серьезными связями в мире шоу-бизнеса, Като-сан обратился к помощи крупнейшей в Японии кинокомпании «Тохо», и вскоре советская суперзвезда в сопровождении тогдашнего мужа – Евгения Болдина и композитора Игоря Николаева прибыла в Токио.

Концерт, на котором Токико Като пела русские песни в присутствии Пугачевой, произвел фурор. Алла Борисовна тоже исполнила несколько песен, а под конец они вместе с Токико спели «Миллион алых роз» на русском языке. Это было очень по-японски: красиво и так умирительно, что не случайно многие, кто был тогда на этом концерте, до сих пор вспоминают об этом эпизоде со слезами на глазах – японцы сентиментальны. Автор же перевода ничего этого не видела: Нина пригласила Пугачеву после концерта в свой клуб «Бумеранг», располагавшийся в престижном токийском районе Гиндза, и всю готовилась к приему гостей. Сейчас говорит, что очень волновалась, думала, что никто не придет. Но ровно в девять вечера в дверях появились русские, и началось гулянье. Нина играла на гитаре. Играл и Игорь Николаев, хорошо и много пел. Кажется, Алла тоже пела. Почему кажется? «Мы тогда за вечер выпили на четверых пять больших бутылок “Арарата”, – говорит Нина-сан, – закусывали чем-то японским и мало, а коньяк был армянский и много». После клуба вся компания отправилась гулять по Токио, а в 10 утра Нина была уже в номере Пугачевой, где Алла Борисовна подарила ей тексты нескольких песен, разрешив перевести их на японский язык и исполнять.

После этого Нина Хедо встречалась с советской примой еще дважды, но уже в Москве. Сначала прилетала одна, а потом с мужем и друзьями. О том, как их принимала Пугачева, Нина вспоминает восторженно: «У нее была прекрасная квартира на улице Горького, молодой парень с длинными волосами, кажется, Володя, тоже певец, замечательно готовил котлеты. Сама Алла – милейшая женщина, в общении совсем не звезда. Кто она такая для русских, я поняла, только когда мы однажды вечером вышли из ресторана и одна бабушка, случайно увидев Пугачеву, заплакала от счастья! А в том ресторане муж Аллы заказал для меня все меню – полностью, чтобы я могла попробовать все блюда!» Из Москвы Нина-сан привезла портрет Пугачевой с простым, но емким автографом «Нине от Аллы» и нарисованным шариковой ручкой сердечком. Конечно, еще несколько новых песен: «Три счастливых дня», «Песенка про меня», «Старинные часы». Нина поет их и сейчас. Продолжает переводить на японский язык и исполнять уже новые и непривычные для Японии вещи – «Я милого узнаю по походке», например. Иногда поет вместе со своей русской подругой – Катей Коробовой. Поют на русском, и на японском: «Ландыши», «Синий платочек», «Рябину» – любимую песню Бориса Ельцина. Услышать в Токио их можно в самых разных местах – музыкальных клубах, ресторанах, концертных залах. А после визита Пугачевой Нина-сан открыла на Гиндзе

новый клуб «Моя роза». Сейчас закрылся и он – финансовые проблемы сказались, да и общее падение интереса к России. Поэтому мы и слушали Нину-сан у нее дома, а потом рассказывали нашим знакомым, среди которых всегда было особенно много японских жен – тех, чьи дети, возможно, переведут на японский язык новые русские песни.

Русские люди

Персонажи токийского театра

Почему-то Токио часто ассоциируется у меня с театром. Со временем мне все чаще кажется, что я стал участником огромного спектакля, длиною в год, с участием нескольких сотен артистов. Я и сам оказался там и артистом, и зрителем одновременно. Ставил спектакль невидимый режиссер, даривший нам – актерам – большую свободу творчества и возможность практически безграничной импровизации. Я импровизировал. Импровизировал, как мог, понимая, что мне никогда не догнать в этом мастерстве моих новых токийских знакомых и друзей.

Актеры в этом театре оказались преинтересные и ужас какие талантливые. Среди моих знакомых было несколько докторов и кандидатов наук, но... далеко не все они – ученые в принятом у нас смысле слова. Более того, они были уже и не совсем русские. Наверное, такой тип человека и называется «гражданин мира». Широко образованные и вполне обеспеченные, говорят на трех языках, имеют американские дипломы, русские паспорта и японских жен, пьют пиво, закусывают суси и не принадлежат никому. Граждане мира российского происхождения с токийской пропиской и затрудненной национальной самоидентификацией. Я таким уже не стану. Было ли мне жаль, глядя на них? Не знаю. Наверное, нет. Просто я осознавал факт: таким уже не стану. Лет на десять опоздал.

Почти каждый вечер я приходил в гости к своему другу Василию Молодякову в его большую и гостеприимную квартиру на седьмом этаже высотного здания в токийском районе Таканава. Василий готовил ужин и, нарезая баклажаны, рассказывал о поэзии Серебряного века, о своем любимом Брюсове, о Зорге, о паназиатском национализме и нюансах геополитики XX века.

Под стук палочек, подхватывающих суси, мы беседовали о японском пиаре, государственном имиджмейкинге и отсутствии представления о реалиях современной Японии в России. Покончив с ужином, брали по банке пива (а потом еще по банке, а потом еще...) и выходили на балкон. Глядя с высоты седьмого этажа на могилы знаменитых сорока семи бродячих самураев, мы придумывали новый журнал о Японии – каким он должен быть, кто, как и о чем должен в нем писать.

Иногда я в одиночестве медленно и печально гулял по вечерним

токийским улицам, но это далеко не всегда оказывалось приятным времяпрепровождением: улицы центра Токио битком набиты народом даже в середине ночи. Гулять там не очень получалось. А вот на узких улочках моего тихого района Оомори действительно можно было не торопиться. Вечером, когда там становилось мало народа, я получал мучительное наслаждение от ходьбы по правой стороне. Велосипедисты могли и объехать – пешеходов в это время немного. Сориентированные на левостороннее движение японцы и на тротуаре держались левой стороны, а спускающийся справа по эскалатору гайдзин с рюкзаком где-нибудь в половине девятого утра в центральном Токио мог, сам того не зная, остановить тысячу-другую бегущих на работу японцев. Никогда не думал, что столь простая вещь, как ходьба справа, может быть так приятна и одновременно сладко тосклива. Такие же чувства вызывало ранним солнечным утром мягкое зеленоватое сияние татами, а глубокой ночью, когда я ложился спать, расплывчатый белый свет то ли луны, то ли уличных фонарей, то ли люстры в окне напротив, проникающий через мои седзи. И хотя я знал, что, скорее всего, это свет от фонаря, почему-то очень хотелось называть его лунным. Наверное, из-за странной нефонарной белизны. Я долго пытался вспомнить, где я совсем недавно видел такое же мистическое свечение, и наконец вспомнил. Таким же потусторонним мне показался однажды красный глаз светофора сквозь намертво замерзшее стекло троллейбуса где-то у Пречистенских ворот. Казалось, что это было вчера и тут, недалеко – за углом. Вот сейчас выйду на Икэгами-дори, поверну в сторону Синагавы, и будет зима, Москва, троллейбус. Не будет. А и к лучшему – у меня в японской квартире не было обогревателя. Утром в Токио все кажется оптимистичней, чем на самом деле. Начинается день, начинаются заботы, дела, встречи. Но день пролетает быстро, а вечером думаешь: все отдал бы за то, чтобы хоть на день вернуться домой, в Москву. Или хотя бы за то, чтобы кто-нибудь, ну хоть кто-нибудь, позвонил – просто так, поговорить. Странно – здесь есть все для жизни, но иногда кажется, что жизнь здесь совершенно невозможна.

Оставшись один, включаешь телевизор и смотришь одни и те же новости о Северной Корее или еще о чем-нибудь, что в итоге тоже оказывается связанным с Северной Кореей. Поначалу забавляли шоу. Оказывается, Китано здесь не культовый режиссер, а клоун, ведущий комическое шоу. Однажды увидел интересный номер. Нет, на самом-то деле ничего интересного – доморощенные жонглеры работали с кеглями, но вот выступали они под «Танец с саблями» Хачатуряна, исполняемый... на сямисэнах. Какой это панк! В жизни такого не слышал. Истинно говорю

вам: в прошлой жизни Хачатурян был японцем. Даже не вопрос. Как и Таривердиев. И многие другие армяне.

Все-таки русские, долго живущие в этой стране, – в большинстве своем люди с отклонениями, другие этого настроения просто не вынесли бы. Но не подумайте обо мне плохо. Я вовсе не считаю их сумасшедшими – сдвиг в психике вовсе не равнозначен «сдвигу по фазе», нет. Просто они немножко не такие, как мы – те, кто так и не смог или не захотел прижиться здесь. Никто из нас не лучше и не хуже других, мы лишь отличаемся друг от друга. Больше всего то, что я назвал «отклонениями в психике», напоминает, а иногда и совпадает с такими же отклонениями у выдающихся, порой гениальных ученых. Рассеянность, отрешенность от быта, способность ассимилироваться в чуждой среде, сосредоточившись лишь на объекте изучения, – вот что я имел в виду под неблагозвучным термином «отклонения». Япония особенно подходит для них потому, что не заставляет отвлекаться на многие бытовые мелочи и неурядицы, неизбежные у нас, – Япония удобна, комфортна, и, пользуясь этим удобством, люди могут наконец-то сконцентрироваться на любимом деле.

Как-то раз в Токио мне удалось познакомиться с потрясающими людьми, старыми русскими эмигрантами – доктором Евгением Аксеновым и Любовью Швец. О каждом из них можно было бы и стоило бы, непременно стоило бы написать отдельную книгу, но я вспомню лишь один эпизод. На следующий день после нашего знакомства в университете Васэда Любовь Семеновна Швец позвонила мне и пригласила в гости, в свой дом на Адзабу. Я несколько удивился такому приглашению (вчера она просто сказала, что как-нибудь свяжется со мной и расскажет об истории своей семьи), но понял, что случился какой-то «информационный повод», и отправился в гости. Через час я очень жалел, что не надел галстук. У Любви Швец был юбилей, если я не ошибаюсь, ей исполнилось тогда 70 лет. Бодрая и очаровательная виновница торжества усадила меня в холле вместе с другими гостями, большинство из которых были «старые харбинцы» – эмигранты и потомки эмигрантов из Советской России, составлявшие когда-то обширную русскую колонию в китайском Харбине и счастливо избежавшие близкого знакомства с НКВД. Особый, непередаваемый колорит и шарм этих людей погрузили меня в другую, смутно знакомую по кино об эмигрантах жизнь. Я сидел и слушал их рассказы о старом, довоенном Харбине, воспоминания, которые казались совершенно нереальными: «Люба, Люба, а помнишь, как ты выбрасывала мусор под дверь атамана Семенова?» – и понимал, что вижу живую историю. Их акцент напоминал мне передачи о старых русских в Париже, а

о том, что дело происходит в Токио, не позволяли забывать дочери и внуки хозяйки дома. Сама она говорила исключительно по-русски, дочери в основном по-английски, внуки – по-японски, но внутри семьи все языки перемешивались, и получалось что-то невообразимо трогательное: «Мамми, телефон да е!»

Потом пришел доктор Аксенов, рассказывавший мне о своей службе у генерала Макарура в первые послевоенные годы и об участии в Корейской войне. Появился священник токийского подворья Русской православной церкви отец Николай, и импровизированный хор затянул «многая лета». Многая лета продолжается история русской диаспоры в Японии, и, наверное, стоит все-таки рассказать о ней поподробнее и, может быть, даже подвести некоторые итоги.

Русские в Японии: жертвы самураев и двигатели прогресса

О русской эмиграции в Японии знают мало и у нас, и у них. Эта страна настолько экзотична, что нам трудно себе представить, как там среди гейш и самураев могут жить наши люди. Японцы, знающие, что ни гейш, ни самураев почти не осталось, удивляются тоже: что эти белые русские могут делать здесь, среди нас – нормальных людей? Тем не менее это факт: россияне обосновались в Японии давно, чувствуют себя здесь неплохо, и их становится все больше.

Первые страницы русского проникновения на Японские острова были написаны в пору, когда между нашими странами еще не существовало ни дипломатических, ни торговых отношений. Собственно, для установления последних сюда и прибыла в 1855 году делегация во главе с адмиралом Е.В. Путятиным. Фрегат «Диана», на котором наши моряки пробились в порт Симода, пострадал от цунами и вскоре затонул, но прежде успел спасти нескольких тамошних рыбаков. В благодарность японские власти разрешили россиянам разместиться на берегу на время ведения переговоров и постройки нового судна.

Деревушка Хэда у подножия Фудзи стала первым местом пятимесячного компактного проживания русской диаспоры численностью около 500 человек. По слухам, которые в мононациональной Японии никто не решится подтвердить, среди потомков жителей Хэды нет-нет да рождаются дети со светлыми волосами.

Увы, следующий эпизод оказался трагичным. Нашим соотечественникам суждено было стать основателями самого большого в

Японии кладбища для иностранцев – Гайдзин-боти в Йокогаме. В 1859 году, сразу после открытия этого порта, трое русских моряков с клипера «Аскольд» сошли на берег за провизией, и двое из них были тут же зарублены ронинами – так называют самураев, оставшихся без хозяина. Третий успел убежать. Россия потребовала разыскать убийц, уволить местного губернатора и с почестями похоронить погибших. Два последних требования были выполнены немедленно, и русские могилы положили начало огромному Иностранному кладбищу.

После установления официальных отношений между Петербургом и Токио наши торговые и военные корабли стали частыми гостями в портах Японии, особенно в Нагасаки, где появилась даже «русская деревня» Инаса. Ее население составляли портовые служащие, таможенники, купцы и конкубины – контрактные жены. Наши корабли простаивали в гавани месяцами, ожидая приказа и пополняя припасы. Офицеры проводили это время на берегу, а изящные «мадам Баттерфляй» скрашивали их одиночество, одновременно увеличивая приток инвалюты в японскую казну.

Занятие это не считалось зазорным, а уровень контрацепции в конце XIX века приводил к тому, что последствиями «контрактных браков» нередко становились дети. Среди «временных мужей» были представители известнейших российских фамилий, включая августейшую. Особенно известна японская история мичмана Владимира Дмитриевича Менделеева, сына великого химика. Менделеев-младший провел в Инасе меньше месяца, но успел вступить в брак с женщиной по имени Така Хидэсима, родившей в 1893 году девочку по имени Офудзи – первую внучку создателя периодической системы элементов.

Судьба девочки характерна для многих потомков нагасакской диаспоры: отец, судя по всему, не проявлял к японской семье большого интереса, хотя мать уверяла его, что он и девочка «похожи, как две половинки разрезанной тыквы». Тогда настойчивая Така вступила в переписку со знаменитым тестем, вложив в письмо фотографию, на которой она запечатлена с дочкой. Неизвестно, какие последствия имело это обращение, но история, ставшая достоянием гласности, вдохновила советского писателя Валентина Пикуля на книгу о русско-японской любви: «Три возраста Окини-сан».

Конечно, потомство «временных браков» не могло сформировать сколько-нибудь заметную русскую колонию и практически не повлияло на развитие японо-российских отношений, хотя сын приятеля Владимира Менделеева, дипломата А. Яхновича и его контрактной подруги стал

известным писателем и переводчиком.

Наибольшей за всю историю численности – около 100 тысяч человек – русская диаспора в Японии достигла в 1905 году. Все эти люди, за исключением троих, были военнопленными. В 29 городах для них оборудовали лагеря, в которые, начиная с первых дней войны, когда были интернированы экипажи «Варяга» и «Корейца», пребывали пленные. Благодаря корректному обращению большинство наших соотечественников смогли благополучно пережить плен и вернуться домой.

Конечно, лагеря не были санаториями, хотя, как свидетельствуют историки, пленные совершали экскурсии по окрестностям, носили японскую одежду, холодное оружие и даже пили пиво. Тем не менее свыше 400 наших солдат и моряков, в основном тяжело раненных в боях, не смогли вернуться на родину. Их прах остался на японской земле, и уже в то время японцы предприняли все усилия, чтобы сохранить русские могилы в порядке, не допустить забвения павших. И так было во все времена вне зависимости от отношений между нашими странами.

Особую роль, сначала в помощи пленным, а потом в сохранении могил павших, сыграл человек, о котором стоит сказать отдельно. Одним из троих и самых известных из всех русским, остававшихся в Японии на свободе во время войны, был епископ Николай (в миру И.Д. Касаткин, 1836–1912). Авторитет православного священника среди местных властей был настолько высок, что ему разрешалось свободное перемещение по Японии и оказание любой посильной помощи военнопленным.

Чтобы заслужить это право, отцу Николаю – будущему архиепископу Токийскому и всея Японии, уже в наши дни прославленному под именем Равноапостольного Святителя Николая Японского, – пришлось более 40 лет отдать служению церкви в самых неблагоприятных условиях. Все-таки Япония была страной, где совсем недавно любого христианина ждала казнь. То и дело оказываясь на краю гибели, но не падая духом, он с нуля овладел языком и перевел на японский Священное Писание. Ему удалось открыть православную семинарию, построить в Токио огромный кафедральный собор, ныне известный как «Собор Николая» – Николай-до, и десятки церквей. Этому подвижнику удалось довести число православных в Японии до 33 тысяч человек, которые были объединены в 266 церковных общин.

И хотя автокефальная православная церковь в Японии за последнее столетие потеряла многих своих приверженцев, она остается еще одной диаспорой, тесно связанной с Россией, с русскими. Тогда же, в годы войны, епископ Николай выступал с проповедями перед военнопленными, в

которых излагал ясные и четкие мысли, помогавшие соотечественникам лучше понять происходящее, перетерпеть неволю, сохранить силы для возвращения на родину и, что немаловажно, не участвовать в событиях русской революции 1905 года.

Еще одни жертвы войны – осиротевшие русские подростки – были приняты им «на казенный кошт» для обучения в православной семинарии. Двое из них, осиротевшие во время восстания ихэтуаней в Китае, оставались вместе с владыкой в 1904–1905 годах – единственные русские в военной Японии. Возрождавшаяся после войны русская диаспора пополнилась молодыми семинаристами, за обучением и воспитанием которых отец Николай следил лично. Блестящее образование, полученное ими в Токио, помогло как минимум одному из них стать известным японистом, а другому навсегда войти в историю мирового спорта.

В семинарии в качестве уроков физического воспитания преподавалась борьба дзюдо. Несколько подростков были отправлены на учебу в институт дзюдо – Кодокан, а один из них – Василий Ощепков – показал столь большие успехи, что в 1914 году стал первым русским и третьим европейцем, получившим мастерскую степень и черный пояс. В 1917-м он организовал во Владивостоке первые в истории международные состязания по дзюдо между российской и японской командами, но это тема уже другой моей книги.

После революции и развала царской империи имевший духовное образование Вася Ощепков занялся тем, ради чего, как оказалось, его забросила в Токио русская военная разведка. Одному из последних царских разведчиков и первому советскому резиденту ГРУ в Японии В. С. Ощепкову довелось работать среди представителей первой эмигрантской волны – тех, кто составил костяк новой российской диаспоры.

«На берег выброшен грозою» – эту строку Пушкина часто вспоминают, когда речь заходит о русских эмигрантах в Японии, вынужденных спасаться от революции и гражданской войны. Основная часть их предполагала отправиться далее, в США или Австралию, а многие лишь на время заезжали сюда по торговым делам из Китая. «В Японии русские отчего-то чувствовали себя не так комфортно, как в Китае», – изящно выразился по этому поводу последний посол царской России в Японии Дмитрий Абрикосов. Так или иначе, в первые послереволюционные годы русская колония в Японии росла столь бурно, что японская полиция не всегда могла разобраться, где и сколько проживает русских, не понимая, выделять ли из нее евреев и татар. Естественно, что среди той эмигрантской волны было немало военных. Большинство из них

задержалось здесь ненадолго, собирая деньги для борьбы с большевиками, как атаман Григорий Семенов или адмирал Александр Колчак. Последний в 1905 году провел здесь четыре месяца как военнопленный, а в 1918-м жил на даче в курортном городке Никко со своей возлюбленной Анной Тимиревой, ожидая помощи от японцев.

Многие россияне, осевшие в Стране восходящего солнца, внесли столь значительный вклад в ее развитие, что, если бы сегодня обе стороны почаще об этом вспоминали, немалых проблем во взаимоотношениях наших стран удалось бы избежать. Вот несколько примеров.

Гурманы от рождения, японцы высоко ценили мастерство кондитеров Охотского, Грузерова и Окруженова, познакомивших их с русской выпечкой. Сегодня пирожки – «пиросики» – являются здесь одним из символов русской кухни наравне с борщом. В сегменте шоколада премиум-класса лидирующие позиции занимает марка «Космополитен», основанная В. Ф. Морозовым. Многочисленные рестораны русской кухни во многом обязаны первым заведениям старовера Е. А. Власова, Марии Мотохаси и Л. С. Швец – той самой Любви Швец, на юбилее которой я неожиданно оказался в Токио.

К началу производства и продажи косметики в Японии приложила руку Н. В. Старухина, а В. К. Старухин стал первым в истории бейсболистом, одержавшим 300 побед в японской лиге, и первым иностранцем, избранным в Зал Славы японского бейсбола, который здесь спорт номер один. Приятно было узнать, что его именем назван стадион. Другой потомок эмигрантов – сын казачки и японца Коки Тайхо – обладатель титула Ёкодзуна – Великого чемпиона сумо. А Синъити Хасимото, сын русского морского офицера и японки, стал известным регбистом.

Естественно, нельзя не отметить заслуг представителей великой русской культуры. Основателем японской фортепианной школы считается Лео Сирота, приехавший сюда в 1929 году на гастроли и задержавшийся на 17 лет. Его дочь Беата позже работала в штабе американских оккупационных войск и приняла участие в создании проекта Конституции Японии, действующей до сих пор. Игру на скрипке преподавали А. Я. Могилевский, С. Пальчиков, Анна Бубнова. Последняя, выйдя замуж за студента-зоолога Сунъити Оно, прожила в Японии более 40 лет. Ее младшая сестра Варвара стала одним из крупнейших иностранных специалистов по японской гравюре, выдающимся художником, переводчиком и преподавателем. Племянница Анны – Йоко Оно, вдова легендарного Джона Леннона, до сих пор хранит память о русских

родственников и не так давно специально приезжала в Россию, чтобы побывать на их родине.

В становлении уникального театра «Такарадзука», где все исполнители – женщины, значительную роль сыграла балетмейстер Оссовская. А ее муж Э. Меттер, дирижер и музыкальный педагог, вырастил целую плеяду японских музыкантов. Понятию «большой балет», который у современных японцев прочно ассоциируется с балетом русским, они обязаны гастролям Анны Павловой и преподавательской деятельности Е. Павловой и А. Славиной. А дочь Славиной Китти стояла у истоков японского кинематографа.

Широко известно, что в Японии более года читала лекции по русской литературе дочь великого Толстого, необычайно популярного среди местной интеллигенции, Александра Львовна. В то время были заложены основы преподавания русского языка в Токийском институте иностранных языков, по сей день являющегося «кузницей кадров» японских русистов.

Несколько русских работали в Императорском кадетском корпусе, военных училищах и военных академиях японской армии. А Сергей Елисеев, сын владельца знаменитых Елисеевских магазинов в Москве и Петербурге, стал первым иностранным выпускником самого престижного учебного заведения Японии – Токийского императорского университета. Будучи японоведом с мировым именем, он фактически спас древнюю японскую столицу. Во время Второй мировой войны Елисеев стал автором обстоятельного доклада для командующего союзными войсками на Тихом океане генерала Дугласа Макартура, объяснив ему, что бомбить Киото, мировое культурное достояние, нельзя. И на город-музей за все время войны не упала ни одна бомба. Увы, я знаю лишь несколько человек – русских и японцев, которые слышали об этом.

Новая волна эмиграции в Японию началась сразу после распада СССР. Она отличается от предыдущих тем, что ее маршрут – не воля случая, а сознательный выбор страны пребывания. Значительную часть этой генерации эмигрантов составили уже хорошо знакомые японские жены и хостессы. Часть этих молодых женщин уже вернулась в Россию, а многие остались, став постоянными членами русской диаспоры. Некоторые из японских жен стали посетителями не только ежемесячных заседаний «русских клубов», но даже приходят на заседания общества «Восточной ветви русского зарубежья», а короче – «Росиадзин кэнкюкай» – «Общества русских». Там собираются японские русисты и просто люди, интересующиеся историей русской общины, делятся результатами своих изысканий, обсуждают новости.

Уже много лет старейшинами «Росиадзин кэнкюкай» являются Любовь Семеновна Швец и тот легендарный доктор Евгений Николаевич Аксенов, что рассказывал мне о своей службе в американской армии. Родился он в 1925 году в Харбине, в семье колчаковского офицера, бежавшего от Красной армии. «Я, когда проходил мимо советского посольства в Токио, мне кричали: “Вот беляк идет”, – с горечью вспоминал Евгений Николаевич. – А какой я беляк? Я родился через год после смерти Ленина. Я – русский!» В 1943-м Евгений Аксенов бежал в Японию от призыва в армию Маньчжоу-го. Здоровый русский парень, свободно говорящий на нескольких языках и выросший в Китае, должен был стать диверсантом, действующим на советской территории, но не захотел. Знакомые японцы помогли перебраться в Токио, где Аксенов окончил медицинский институт, а с началом американской оккупации стал врачом в армии союзников. Уволившись из армии союзников после Корейской войны, он уже более 50 лет возглавляет «Международную клинику» в Роппонги, которая расположена прямо напротив российского посольства. Один из самых авторитетных медиков Японии, лауреат множества профессиональных премий, Аксенов лечил Майкла Джексона и – открою секрет – Владимира Вольфовича Жириновского, был также главным врачом саммита G-8 на Окинаве в 2000 году.

Из более чем 10 000 россиян, постоянно проживающих в этой стране, немалое количество составляют гордость не только отечественной, но и японской науки, причем в самых разных ее областях. Лауреат премии Японского фонда, писатель и переводчик с мировым именем профессор А. А. Долин преподает мировую литературу. Доктор политических наук профессор В.Э. Молодяков стал первым русским, удостоенным престижной премии «Майнити» за выдающиеся изыскания в области японской истории. Профессор П. Э. Подалко специализируется на изучении судеб русской диаспоры в Японии, а доцент Э. Б. Саблина – на истории православия в этой стране. Но, конечно, особенно много в стране победившей технократии наших физиков, химиков, математиков.

Один из них, мой добрый знакомый Саша Муравич, рассказал мне, что уже много лет по заказу одной из японских корпораций занимается решением уравнений с огромным количеством неизвестных. Он точно знает, что решит эти свои уравнения, но не знает, останется ли здесь по окончании этой работы или отправится дальше. Когда я слушал его, невольно подумалось, что сегодня жизнь наших в этой стране – такое же трудно решаемое уравнение. Мало кто из российских ученых планирует остаться в Японии навсегда, а те, кто хотел бы, не всегда могут

рассчитывать на гостеприимство хозяев, хотя ни одна из крупных корпораций не обходится без идей русских «двигателей прогресса». Даже ветеран диаспоры, уже упоминавшийся Аксенов, так и не получил японского гражданства. При этом, что вовсе несуразно, у самой диаспоры нередко плохие отношения с «государевыми людьми» – сотрудниками дипломатических и торговых представительств РФ. Другая проблема – трудности коммуникаций. Русских мало, а народ мы своеобразный. Лев Толстой говорил, что «никакая истина не представляется двум людям одинаково», а опыт существования в маленьких, закрытых обществах дает массу примеров того, что у всякого русского человека может быть сразу пара истин, нередко противоречащих друг другу, и, уж во всяком случае, у двоих русских всегда найдутся сразу три мнения. Тем не менее жить и общаться надо, и такая жизнь частенько сводит разных людей в самых неожиданных местах.

Жарким летним выходным, взяв после целого дня карабканий по камакурским горам десяток шашлычков-якитори и банку «Асахи», я устроился за столиком у выхода из храма Цуругаока Хатимангу. Рядом присели две девицы – одна с голубыми глазами, другая в темных очках, но со светлыми косичками а-ля Пеппи Длинный Чулок. Какое-то время мы молча ели по соседству, исподлобья косясь друг на друга. Кто они – для меня не загадка: якитори были заказаны с отчетливым малороссийским акцентом. Профессия тоже понятна: «Вероятно, что-нибудь интеллектуальное», как сказал бы Остап Бендер. Обычные хостесс, счастливые, что нашли по-настоящему хорошую, высокооплачиваемую работу подальше от самостийной родины.

Та, которая в очках, повернувшись ко мне почти спиной, спрашивает у голубоглазой – не зная языка, я никогда бы не подумал, что разговор вообще обо мне:

– Как думаешь, на каком языке он разговаривает?

Та растерянно пожимает плечами, и тогда я отвечаю сам:

– На русском.

Они переглядываются. Обладательница очков переспрашивает у подруги:

– Француз, шо ли?

– Шо ли, русский, – снова отвечаю за подругу. – Девчонки, совсем обалдели, русский язык забыли?!

– Тю-у, – ошарашенно протягивает «Пеппи», а вторая толкает ее ногой. – Дура, «на каком языке он разговаривает»! Та я ж сразу поняла, шо он не американец!

Девчонки явно рады встрече, рассказывают о своей жизни: в Японии второй раз по контракту. Работой довольны – непыльная, все «в рамках», хорошие условия: зарплата вовремя, квартира двухкомнатная на двоих. «В прошлый раз в трешке жили аж двенадцать человек. Жуть!» Мы дружно допиваем пиво, поднимаемся до самого храма по лестнице и, пожелав друг другу удачи, прощаемся. Мне на Камакуру северную – в сторону Синагавы, им на южную – в сторону Канагавы. Или... на западную?

Урок географии

Север

«Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут...» Сойдут, еще как сойдут, если... дело происходит в Японии. С этой страной-планетой все не так. Не так, как у всех, особенно не так, как у нас. При этом чем больше начинаешь вникать в местные тонкости, чем больше пытаешься понять, что именно не так и почему, тем больше становится инаковости. Хорошо туристам: им хватает Фуджы-ямы. Гидам тоже не очень сложно: если нормальному туристу сказать, что на самом деле она не Фуджы-яма, а Фудзи-сан – иероглифы одни и те же, но читаются по-разному, он (турист) уже чувствует собственное проникновение в древнюю культуру и начинает собой гордиться. Дальше хороший гид обычно читает стихи. Начинать можно с классики: «Ползи, улитка, по склону Фудзи, вверх, до самых высот...», а продолжать лучше в постмодернистском духе, чтобы туристы не заскучили: «А нам еще по семьсот, но так, чтоб в каждой руке. Пока несут сакэ». А если плохо реагируют на Гребенщикова, «даешь шутку»:

*Фудзияма – не яма, гора
Над священной и быстрой рекой.
Ямамото – такой генерал.
Харакири – обычай такой.*

Я работал в Японии гидом. Только благодаря этому запомнил радостные для туристов, но «замыленные» для местных русских противоречия нашего языка с японским: яма – гора, цветы – хана, движение – левостороннее, женщина – всегда не права. Сам при этом до сих пор путаюсь со странами света. Японский архипелаг на карте выглядит сильно истерзанной краковской колбасой, вокруг которой в океане рассыпаны крошки хлеба и какие-то очушки. Своим выгибом колбаса, то есть Япония, обращена в сторону Тихого океана, а ее противоположные концы глядят соответственно на север и запад. Отсюда коренное расхождение в приоритетных географических координатах. Для России главная ось – Север – Юг, в результате чего отдыхать мы ездили на юг (без уточнений), а

ссылали на север (даже если на самом деле на восток). Бежали, правда, на запад, но это глобально – американцы в своей Америке тоже туда бежали, когда он был Диким. Вторая наша столица, самый западный город до появления Калининграда – Северная Пальмира.

У японцев все сложнее. Оси координат сориентированы с Запада на Восток. Цивилизация родилась на западе архипелага. В результате две тысячи лет они продвигались на восток. Со временем восток кончился, уперлись в Тихий океан, пошли на север, но все равно считалось, что на восток. Новая, официально переименованная по случаю наступившего капитализма (чувствовали они, что это повод для радости!) столица – Восточная. Тысячу лет назад восток для тогдашней Японии – Ямато – был краем диким, неосвоенным и опасным. Сейчас таким во многом остается север – Хоккайдо. По русской привычке с него и начнем.

Снова совпадение противоречий: север Японии так же не совсем внятен, как для нас Восток, расслаивающийся на Ближний, Средний и Дальний. С одной стороны, все просто – есть северный остров Хоккайдо, он же – одноименная префектура со столицей в Саппоро, есть холодный снежный климат, развитая перерабатывающая промышленность, рыболовство, всемирно известные Снежные фестивали в Саппоро, горные курорты и место действия харукимуракамаевской «Охоты на овец». С другой – мы кладем рядом две карты, нашу и японскую, и видим, что три относительно больших острова и малюсенький архипелаг на нашей карте – наш, на их карте – их. Это и есть проблема «северных территорий». Вероятно, одна из самых запутанных территориальных проблем в мире. То, что мы с японцами не находимся в состоянии дружбы вроде Палестины с Израилем, характеризует высокий уровень наших цивилизаций. В советское время Курильские острова были оплотом военной мощи. Сейчас это если не забытый Богом, то лишь время от времени – от визита к визиту наших небожителей – вспоминаемый им край. Военное присутствие с нашей стороны сведено до минимума, хотя и раньше оно приносило японцам только пользу: именно на Хоккайдо перегнал свой сверхсекретный «МиГ» летчик Беленко в 1970-е годы.

Японцы так быстро, как мы, перестраиваться не могут, а потому именно на Хоккайдо до сих пор дислоцируется мощнейшая группировка Сил самообороны этой лишенной армии страны. Совсем недавно в нее входила единственная в Японии 7-я танковая дивизия. На башнях танков была намалевана грозная эмблема – круторогий бык выпрыгивает с Хоккайдо на северо-запад. Японские танкисты говорят, что так придумал художник, а с художника какой спрос? Он не танкист, его каждый обидеть

может...

Для Хоккайдо, кстати, откровенная приязнь к России сегодня не очень типична. Мы здесь ближайшие соседи по коммуналке, с которыми японцы уже полвека делят набитый всякой полезной всячиной чулан – «северные территории». Русские моряки – частые гости практически во всех местных портах. Легко догадаться, что их поведение нередко бывает далеко от общепринятых дипломатических норм. За это нас не очень любят, отождествляя этих загорелых парней в тельняшках со всей Россией. Но и не принимать не могут: моряки приходят не просто так, они продают здесь рыбу и крабов. За счет разницы в расходах на рабочую силу это получается значительно дешевле, чем если бы японцы ловили сами. Учитывая, что значительная часть улова – браконьерская и контрабандная, и японцы об этом прекрасно осведомлены, цена падает еще ниже. К тому же Хоккайдо – единственное место в Японии, где я видел столь обширные стоянки подержанных автомобилей. Расходы на перевозку минимальны по сравнению с европейской частью России, поэтому несмотря на все усилия Москвы заставить дальневосточников ездить на «Жигулях» пока не удастся – через пролив продаются настоящие машины («Тойоту Превиа», например, только слепой не может идентифицировать как типично марсианскую повозку), и хотя стоят они нередко дороже, но «УАЗ» – это «УАЗ», а «Мицубиси» все-таки луноход. Японцы, говорят, свозят свои авто на крайний север не только с Хоккайдо. Процесс утилизации автотранспорта с помощью русских моряков – вещь настолько выгодная, что местным жителям давно пора занять свое антитольяттинское лобби в нашем правительстве, что они и пытаются сделать, но пока безуспешно.

Чем южнее на Хоккайдо, тем русских меньше. Подъезжая к Саппоро, задумываешься: огромный остров почти не заселен в центральной своей части – а говорят, что негде жить. Климат близок к подмосковному. Дороги прямые, как стрелы, машин мало. Где-то перед поворотом стоял знак ограничения скорости – «40». Знака снятия ограничения не было. Водитель два с лишним часа ехал по пустой дороге со скоростью 40 км/ч, пока не попался знак, отменяющий предыдущий, – дисциплина и порядок, аж с души воротит. И в пробках – нет, чтобы пошнырять, поперестраиваться из ряда в ряд, стоят и ждут все терпеливо! В Саппоро снег, но только на дорогах. Строго под тротуарами проложены трубы центрального отопления, идущие в здания (Хоккайдо – единственная префектура в Японии, где такое отопление есть). В результате в домах тепло, на тротуарах чисто. Для нас Хоккайдо почти рай. Для японцев – все еще диковатое место далеко на востоке. Или все-таки на севере?

Восток

Это сегодня Восток – процветающая Япония, Япония правительства, Япония Токио. Токио так и переводится на русский язык: «Восточная столица». В противовес столице западной, называющейся просто «Столичный город», – Киото. Между прочим расстояние между ними около 500 км – меньше, чем между Москвой и Петербургом, но сравнимо. Правда, из Москвы в Питер вы даже на «Сапсане» быстрее, чем за четыре часа, не доедете, а скоростной поезд «Синкансэн» из Токио в Киото медленнее двух с половиной часов не идет, но это уже местные тонкости. Как и то, что «Сапсан» ходит несколько раз в день, а «Синкансэн» – каждые 7–10 минут, почти как метро.

Восток – это прежде всего Большой Токио, 24 миллиона жителей. Тысяч семь-восемь из них русские. В результате наши соотечественники встречаются если не на каждом углу, то едва ли не в каждом крупном районе. С трудом нашли с одним японцем малюсенький ресторан под лестницей на втором этаже в центре Токио. Кроме нас – только повар. Через десять минут дверь открылась, всунулась лохматая голова и громко крикнула по-русски куда-то на улицу: «Не, народ, тут тоже все забито». В Токио японцы относятся к нам значительно приветливее – наша родина отсюда далека и выглядит абстрактно до положительности. «Скажите, где в Сибири Лебединое озеро?» – допытывался наш знакомый японский миллионер у «дрянной девчонки» Даши Асламовой.

Здесь начинаешь понимать, где проводились социологические опросы, согласно которым с симпатией к России относятся 5% населения Японии. Здесь нам хоть кто-то рад искренне – без крабов за нашей спиной. Непонятно только, почему аналогичное чувство к Америке, согласно данным все тех же опросов, испытывают только 75,8% японцев. Внешнее впечатление совершенно иное: порою кажется, инопланетная молодежь в центре города в полном составе снимается в каком-то фантастическом фильме, рассказывающем о будущем Земли. При этом за образец развития принята Америка в голливудском своем воплощении. Можно, конечно, удалиться в спальные малоэтажные районы, где это впечатление будет почти стерто, а можно выехать в центр города или, наоборот, в приокеанские пригороды – Иокогаму или Йокосуку. Обилие американских военных баз накладывает свой отпечаток на местных жителей: девушки всячески демонстрируют свою любовь к подтянутым морпехам. Те изредка благосклонны, но в целом довольно критически оглядывают барышень в

кривоватых джинсах, торчащих из-под платьев (фасон «из-под пятницы суббота»), и странные городские пейзажи: Токио крайне трудно отнести к шедеврам городской застройки, не зря «Город будущего» для «Соляриса» снимали тоже здесь.

Поразительный факт: в XIX веке министр иностранных дел России Нессельроде рекомендовал нашим дипломатам относиться к азиатским народам хотя и без излишней жестокости, но строго, памятуя о том, как на Востоке ценят силу. Рецепт воспользовались американцы, положившие глаз на Японию как на угольную базу для своего тихоокеанского флота. Потом была война, неатомная бомбардировка Перл-Харбора и атомные бомбардировки японских городов. Возможно, американцы считали это адекватным ответом на налет на Гавайи – это, наверное, можно было бы понять, хотя мне лично сложно. Совсем уж непонятно, почему многие японцы тоже так считают. В музее атомной бомбардировки в Нагасаки встречаю группу американцев: жуют жвачку, с интересом смотрят экспозицию. Взгляд на японцев – чуть свысока, как и положено победителям и представителям супердержавы. Спрашиваю у японской школьницы, кто сбросил атомную бомбу на Хиросиму, – надолго задумывается, отвечает ищущим вопросом: «Русские?»

Лежащий передо мной на столе свежий номер «Ёмиури» с рекламным модулем внизу страницы предлагает купить почти форменные бейсболки, намекающие на принадлежность их обладателя к ВВС Японии. Собственно, на кепках так и написано (по-английски почему-то): «Военно-воздушные силы самообороны Японии». А сверху эмблема. В первом случае – кобра, во втором – череп с красной звездой во лбу. Но в обоих – сверху крупными буквами вышито: «АГРЕССОР». Ху из этот «агрессор» – я так и не понял. Череп со звездой (кстати, кто это – кампучийские партизаны? китайцы? корейцы?)? Кобра? Или сами Силы самообороны? Видимо, «психологическая эволюция» еще продолжается. Не определились они пока, как и с Хиросимой. В начале войны с Ираком Япония оказалась одной из немногих стран, поддержавших действия США целиком и полностью. Тогда я впервые услышал от японца резанувшую слух фразу: «Мы – американские собаки». Потом слышал ее еще не раз – от других японцев. Радует то, что они это признают. Если и в самом деле так, то между внешним преклонением и завистью перед силой, развитостью, недоступным культом индивидуальности и внутренним отношением ко всему этому есть какая-то пропасть. Или хоть трещина. О ней никогда не говорят, как не говорят в Японии о многих вещах, которые чувствуют. Восток – дело тонкое. Восток Японии – особенно.

Запад

Запад Японии – колыбель ее цивилизации, равнины Ямато и Кумано, древние столицы Нара и Киото, торговые монстры Осака и Кобэ. Люди говорят здесь на особом диалекте, который легко понимают токийцы, но который так же легко выделяет его обладателей из толпы жителей восточных префектур. Киотосцы не расположены к токийцам так, как не могут быть расположены москвичи в третьем поколении, живущие на Большой Никитской, к жителям Южного Бутова (справедливо и в обратную сторону). Но и тут – никакой открытой вражды и конкретных высказываний. Это Япония – одна из самых благопристойных стран мира, где говорят, что если женщину ночью будит своим лаем чужая собака, она не пожалуется на соседку – ее владелице напрямую, а найдет общую знакомую, которую и попросит сделать замечание.

Запад Японии – ее национальное сокровище, которое стоит, возможно, значительно больше, чем ее восточный индустриально-финансовый супермегаполис. Дворцы и храмы Киото – это то, перед чем преклоняются и американцы. Особенно если им вовремя напомнит об этом русский ученый. Кстати, Елисеев спас Золотой павильон – Кинкакудзи в Киото, но тот все равно сгорел – его сжег не вполне вменяемый монах-буддист. Но он японец – не нам его судить, дело их – инопланетное. Мы можем только удивляться. Там, в Киото, сидя на ступенях Павильона воинской добродетели, я продолжил импровизированный опрос молодых японок на русскую тему. В павильоне проходил международный фестиваль боевых искусств, народу было много, и я не без труда нашел себе местечко между группой школьниц старшего возраста, работавших на нашем мероприятии волонтерами. После ритуальных поклонов и улыбок дело дошло до сакраментального вопроса о том, откуда я приехал. Слово «Россия» вызвало у девчушек неподдельное изумление, и я решил узнать почему. «Давайте сделаем так, – предложил я им. – Пусть каждая из вас назовет по одному факту, который известен ей о России. А я потом сложу это вместе и прочитаю, что получится. Вас 6 человек, будет 6 фактов – довольно для описания страны». Девушки согласились и после пары минут размышлений по очереди поделились своими ассоциациями со словом «Россия».

1. Страна кенгуру.
2. Находится на Камчатке.
3. Самый известный русский – Моцарт («Кажется, он музыкант», –

краснея, добавила респондентка).

4. Столица России – Лондон.

5. Это где-то в Европе? (Именно так – с вопросительной интонацией.)

6. Россия – родина футбола.

Предполагаю, что с новым российским образованием примерно таких же ответов можно ожидать и от наших суздальских школьниц, если их спросить о Японии.

Запад Японии – это еще и Осака. Величественный, один из самых красивых в мире замков и огромный город – центр электронной и другой промышленности. Город, в котором еще в XVII веке прошли первые в мировой истории фьючерсные торги на бирже. Город – родина театра кабуки, где все женские роли играют мужчины, и город, денежному и свободному от самурайских условностей населению которого обязаны своим рождением кварталы гейш в соседнем Киото, и там уже женщины играют все мужские роли.

Запад – это еще и Кобэ, центр кораблестроительной промышленности великой морской державы и штаб-квартира самой романтической и окутанной легендами мафии на планете – якудза. Когда сейчас заговаривают о Кобэ, то вспоминают разрушительное землетрясение 1995 года, унесшее тысячи жизней, причинившее огромный материальный ущерб. Порт Кобэ надолго остановил тогда свою работу (и не восстановил ее в полном объеме до сих пор!), а первыми, кто пришел на помощь пострадавшим от землетрясения жителям, оказались не полиция или «скорая помощь», а бандитские бригады. На протяжении десятилетий через Кобэ в Японию проникало иностранное влияние в виде купцов, промышленников, миссионеров. Это и сейчас город-космополит, город-красавец, которому постоянно не хватает места на земле, и он отвоевывает себе все новые и новые участки у океана.

Строго говоря, запад Японии – это еще и два самых маленьких из самых больших ее островов – Кюсю и Сикоку. Тяготеющие к югу, они уже отличаются по климату от центральных – западных и восточных районов, не говоря уже о северном Хоккайдо. Здесь субтропики и тропики, а потому по старой советской привычке отнесем их к Югу.

Юг

Это, конечно, не Хоккайдо, но по плотности населения Сикоку и Кюсю, а уж тем более тянущиеся вниз, на юг, мелкие острова не могут

соперничать с центральной Японией. Самый развитый из этих районов – Кюсю. Он и был таким на всем протяжении японской истории, прославившись тем, что постоянно генерировал кланы бунтарей, будораживших страну своими дерзкими идеями на протяжении сотен лет. Здесь бунтовали все и всегда: самураи и крестьяне, защитники военного правительства – сегуната и новообращенные христиане. Отсюда, с Кюсю, родом клан Хираока, давший Японии писателя Юкио Мисиму, описавшего сожжение Золотого павильона в Киото, и бунтаря Рехэя Утиду, помогавшего большевикам оружием и деньгами в борьбе с царским правительством. Впрочем, когда большевики победили, он стал помогать белым – самураи Кюсю всегда бунтовали против кого-нибудь. Его правнук уже не бунтарь, но Россию любит: пытался открыть русский ресторан, зарегистрировал Общество японо-русской дружбы, заживает в Русский клуб, женился на русской. Наверное, кто-то здесь бунтует и сейчас, но очень-очень тихо, чтобы не мешать местным жителям (кюсюнцам? кюсюанцам?) работать. Работы здесь много, а на соседнем островке, на карте похожем на хлебную крошку, даже есть космодром.

Но, конечно, настоящий юг Японии – это Окинава, архипелаг Рюкю. Около 120 островов, растянувшихся от Кюсю до Тайваня, жители которых и сегодня не вполне уверены в том, что они японцы, и называли свое боевое искусство «карате» – «китайская рука». Окинава ближе всего к азиатскому материку, а потому значительно меньше самой Японии была подвержена нашествиям. Долгое время находившиеся в китайской зависимости острова Рюкю потом были завоеваны японцами, а уже в наше время – американцами. Сражение за Окинаву вошло в ряд самых кровопролитных в истории Второй мировой войны, унеся жизни 200 тысяч человек только с японской стороны. Доставшееся такой ценой сокровище США удерживали до 1972 года. На островах и сейчас мощная сеть американских военных баз, позволяющих прокормиться местным жителям. Естественно, у всего есть две стороны, и Окинава – постоянная сцена для скандалов, разворачивающихся между США и Японией по поводу действий «джи-ай». Обычно причиной служат изнасилования американскими военными японских девушек – тропики, топики, пляжи и безделье изрядно тому способствуют. И еще Окинава – единственная префектура Японии, где нет сети общественного транспорта. Так что мы с вами туда не доедем. А жаль – Окинава для японцев курорт, и это один из немногих случаев, когда наши понятия о географии сходятся – они тоже ездят отдыхать «на юг», и не так давно Окинава была для них такой же «заграницей», какой стал для нас сейчас Крым. Так же, как за нашим

Крымом, за Окиной больше ничего, только море. Значит, пора возвращаться.

Дорогие гости

Особенности национального туризма

Получается, Япония – совсем не такая маленькая страна, как принято думать у нас. Она больше привычных Италии или Германии и уж во всяком случае, разнообразней. Ну, а то, что у нас ее считают маленькой, так это просто потому, что там все не так, оси координат смещены.

Но, раз уж мы заговорили о поездках на юг и путешествиях вообще, самое время вспомнить свой опыт работы гидом поподробнее. Однажды некий русский каратист, прибывший в Японию на соревнования из одного уральского города, сказал мне: «Я и не знал, что Япония такая». «Какая?» – поинтересовался я и получил исчерпывающий ответ: «Прикольная, как в кино. Живут хорошо – есть чему поучиться. И эти... ну, где они животы себе резали, места – все сохранились. Вообще все как будто специально для туристов». В России большинство людей не может себе позволить судить о Японии на основе личных впечатлений. Среднему классу (и даже «очень среднему») по карману Египет, Турция, Болгария, Крым. Можно съездить развлечься и просветиться в Европу – в Прагу, например. В Японию – вряд ли. Хотя почти у каждого найдется знакомый, который там был («он Японию как свои пять пальцев знает – три года уборщиком в посольстве проработал!»), или вот-вот обещали познакомить с девушкой, бывшей хостесс («Не знаете, что это такое? Ну что вы!»). Тем не менее большинство обычных людей может об этой стране лишь мечтать. Что особенно интересно – многие и мечтают! Но... на этом чаще всего все и заканчивается.

Вы обращали внимание на то, что популярные у нас Кипр, Мальта и еще несколько «баунти-стран» для нас не представляют собой ничего заметного и волнующего воображение, если лишить их туризма? На вопрос «Кто живет на Кипре?» я однажды получил ответ: «Официанты». Милые нам Египет и Турция являются довольно активными игроками на международной политической арене, и их отношения с Россией не всегда бывают гладкими и ровными в силу возникающих у нас порой серьезных разногласий по некоторым вопросам. Известно, например, что у России не раз появлялись проблемы, связанные с поддержкой Турцией чеченских боевиков, да и Египет, как мы знаем, далеко не самая безопасная страна мира.

Тем не менее их имидж в России очень хорош, ибо они – главные русские курорты последних десяти лет. Япония, отношения с которой тоже далеки от совершенства, но которая является сегодня модной у нас страной, вполне могла бы разделить их успех, так как ее туристический потенциал по крайней мере не уступает турецкому или египетскому – здесь есть и пляжи, и реликвии. Но... В советские времена большинство посещавших Японию русских туристов были членами различных делегаций – партийных, правительственных, профсоюзных, спортивных. Партийных и профсоюзных делегаций ныне не стало, но свято место пусто не бывает: его заняли депутатские, губернаторские и бизнес-группы. Смена государственного устройства почти никак не повлияла на въездной туризм в Японию: настоящих туристов почти не прибавилось. Последние 25 лет число приезжающих из России в Японию гостей колеблется на уровне 20–30 тысяч человек. Из них собственно туристов, то есть людей, купивших тур в Японию и едущих только для того, чтобы посмотреть страну, каждый год бывает от трех до пяти тысяч. Остальные – все те же делегации и новинка последнего десятилетия – девушки-хостессы.

По словам главы одной из турфирм, работающих в Японии с русскими туристами, изменился лишь подход к делу. Если раньше состав делегаций определялся задолго до поездки, долго утрясался, но зато потом ни в этот состав, ни в программу нельзя было внести практически никаких изменений, то сейчас работать стало гораздо тяжелее. Мало-мальски высокопоставленный чиновник брезгует напрямую обращаться к услугам туроператоров, и в посольство России в Японии летят телеграммы, телексы, факсы: «Рекомендуем оказать всемерное содействие...», «Окажите помощь и помогите в решении всех вопросов...»

Здесь не совсем шутят, когда говорят, что главный туроператор по Японии – это посольство Российской Федерации. Даже чемпионат мира по футболу не смог переломить этой привычки к халяве, как не сумел и кардинально увеличить поток русских туристов. При стоимости билетов на футбольные матчи около двух тысяч долларов цена пакета поездки в Японию на чемпионат мира начиналась от четырех тысяч долларов, что не так уж сильно превосходит стоимость обычного тура на срок в пять-шесть дней.

По японским законам для получения въездной визы необходим гарант из числа местных – японец или японская фирма, которые берут на себя всю ответственность за ваше пребывание в этой стране и которые могут быть сурово наказаны, если что-то будет «не так». Это очень серьезно, и ожидать заметного увеличения числа туристов в Японию не стоит и по этой

причине тоже. Русские не могут, не хотят, да, наверное, и не обязаны, если есть выбор, мириться с ситуацией, когда им приходится преодолевать серьезные бюрократические барьеры, чтобы поехать в отпуск, да еще без каких-либо гарантий, что виза вообще будет выдана. Японцев же такая ситуация вполне устраивает по причине устремленности на внутренний и выездной рынок, да и бюрократической «невообразительности» тоже.

Но главное все же – деньги. Япония действительно одна из самых дорогих стран мира. К тому же она расположена далеко от Москвы – это правда. Правда, Москва – это еще не вся Россия, более того, это даже не самый богатый ее регион. Самое же дешевое предложение, которое мне удалось найти в Москве – путешествие в Японию зимой на неделю в составе группы не менее четырех человек. С учетом перелета оно стоило всего 1600 долларов. Это очень хорошее предложение. К сожалению, тех, кто согласился бы лететь на таких условиях в Японию, немного – у них нет и этих денег, а те, у кого они есть, предпочитают уже более дорогие туры (от трех тысяч долларов), включающие в себя и пребывание в отелях побогаче, и завтрак, и экскурсии. Большинство таких туристов прилетают в Японию из Сибири (особенно из нефтяных регионов – Сургута, Тюмени, Нефтеюганска), Владивостока и Хабаровска.

За счет резкого снижения стоимости перелета по сравнению с рейсом Москва – Токио – Москва у них есть возможность получить большее за меньшие деньги. Конечно, летают в Японию и москвичи. Статистика неумолима – в подавляющем своем большинстве это тоже сотрудники нефтегазовых компаний и банков. Впрочем, мне доводилось встречать в Японии и директоров гастрономов с женами – главными бухгалтерами, и одного заведующего аптекой. Но такие просвещенные завмаги и денежные фармацевты пока исключение.

Что же они увидят в Японии? Справедливости ради надо отметить, что в хороших турфирмах способны удовлетворить любое желание клиента. Ему обязательно предоставят русскоговорящего гида – это не проблема. Не стоит удивляться, если ваш экскурсовод окажется кандидатом или доктором наук и расскажет о Японии такое, чего и многие японцы не знают. Но обычно турфирмы лишь отвечают на запросы клиента, рожденные в России, показывая ему то, о чем он предварительно был наслышан у себя на родине: смотровые площадки в Синдзюку, Акихабара, императорский дворец, Асакуса в Токио и Хаконэ, Камакура, Никко поблизости от него. Более дорогие туры включают в себя поездку в Киото, Нару, на гору Фудзи, иногда даже на Окинаву.

Если гости успели перед поездкой прочитать что-нибудь о Японии, то

и эти их возросшие требования будут удовлетворены – их сводят в кабуки или покажут гейш. Настоящих или ряженных – тоже зависит от желания и платежеспособности клиента и наличия совести у турфирмы. Бывают, правда, случаи, когда гид демонстрирует гостям обратную Японию сверх программы – как друзьям. Но это уже при возникновении личного расположения аборигена к приезжим.

А посмотреть после окончания экскурсии тут есть на что: на четко определенные места свиданий голубых в Синдзюку и школьниц со взрослыми мужчинами в Сибуре, на то, как и в каких количествах японцы пьют, как возвращаются с работы и как выглядят японские улицы в час ночи. Никто не поверит, пока не убедится в этом сам, что к полуночи Япония, возможно, самая пьяная страна мира, а классическая японская неагрессивность и чувство такта позволяют им не замечать писающих прямо на платформе девушек, потерявших от пива ориентацию в пространстве и не нашедших туалета, облеваннные тротуары, станционных служащих с длинными клещами в руках, идущих по платформе, – специально чтобы поднимать с путей оброненные сумки, зонты, шарфы. Много еще чего любопытного таит в себе ночной город. Самое же интересное, что к половине шестого утра кругом царит девственная чистота, будто это уже совсем другой Токио. И только утренний выхлоп от клерков-сарариманов, явственно отдающий вчерашней рыбой и пивом, недвусмысленно говорит о том, как им сейчас тяжело. Словом, нормальная человеческая жизнь.

Однако Япония во многом выглядит особенно привлекательной для нас как раз в силу своей недоступности. Русские туристы, возвращающиеся оттуда, являют собой все еще крайне малочисленный отряд людей, которых провезли по самым известным и несколько «затертым» местам этой страны. Хотя и в самом деле, в случае с Японией правильно было бы считать туристами и всех остальных (членов делегаций, спортсменов, бизнесменов) приезжих – японцы охотно им показывают свою страну и справедливо гордятся ее достопримечательностями. Иногда очень стараются, и получается смешно. Помню случай, когда для экскурсии по Киото группе русских журналистов была выделена японская переводчица, очень плохо говорящая по-русски.

Войдя в автобус, она сразу же потребовала, чтобы мы не спрашивали ее о возрасте, тут же уточнив, что ей далеко за тридцать, а знаменитый павильон Сандзюсангэндо, известный как «Павильон тридцати трех промежутков», пролетов, коридоров и тому подобных разделительных пустот, она назвала «храмом тридцати трех промежностей». Посмотрев на

«промежности», мы снова загрузились в автобус и отправились дальше: «Теперь мы едем с вами в квартал Нисидзин, где жили стукачи. Они стукали, стукали, а потом случается война, туда приходят самураи и давай всех изнашивать!» По этому «изнашивать» мы только и догадались, что речь идет о ткачихах.

Но мы по-японски тоже говорим с большой фантазией, а без знания языка и вовсе способны на подвиги, о которых можно написать отдельную книгу. Если кто-то из моих читателей соберется однажды в Японию, дам ему несколько советов – может быть, пригодятся.

Пицца на утюге

Один мой знакомый рассказывал, как, впервые попав в Японию в середине 1990-х, разогревал в гостиничном номере пиццу на утюге, чем здорово шокировал зашедшего в гости японца, и как сушил феном носки, прилепив их к фену скотчем. На этот раз в его номер вошла горничная (судьба японки, пережившей такое потрясение, неизвестна). Я же, первый раз приехав в Японию по коммерческим делам, носил пачку денег в заднем кармане брюк. Знайте: в конце июля в Токио около 35 градусов тепла и абсолютная влажность – настоящая баня на улице. За ночь хождений по городу пачка долларов размокла почти как туалетная бумага. Вернувшись в гостиницу, я разложил деньги на столике под кондиционером и утром встал с ангиной. Чтобы избежать подобных неприятностей, стоит кое о чем не забывать.

Самое главное – о том, что приезжать сюда хорошо с «пустыми» мозгами: когда ничего не ждешь, больше получаешь.

В этом смысле Япония – идеальное место для отдыха. Выкиньте на время мысли о работе и не сравнивайте эту страну с Испанией, США или Таиландом. Просто откройте глаза, уши и рот – внимайте! Если ваша голова пуста, карманы полны, мышцы расслаблены, а гид хорош, вы обязательно получите удовольствие от древних храмов, горячих источников, сверхскоростных поездов, кухни, безопасных злчных кварталов, опасных сафари-парков и навязчивого сервиса.

Если вы уже собрали чемодан, так все и оставьте. Если вы мужчина и не хотите в отеле изображать из себя самурая, делающего харакири с помощью местного одноразового лезвия, возьмите нормальную бритву. Если она у вас электрическая, обратите внимание на напряжение. В Японии оно повсеместно 100 вольт, вилки для розеток имеют совершенно иную,

отличную от европейской, форму.

Возьмите пару-тройку запасных носков. Лучше новых. Наверняка вы слышали о японском стиле. Если хотите попробовать, что это такое, начните за месяц до поездки делать зарядку, налегая на растягивающие упражнения для ног, – сидеть придется в позе креветки. Для девушек: следует выяснить, есть ли в программе посещение хорошей чайной церемонии. Мелочь, но... на это эстетское мероприятие не принято приходить в юбках выше колен. Не оскорбляйте нежных чувств хозяев. Тем более что вы должны понимать: ТАКИЕ коленки могут вызвать у женщин завистливый трепет рук и, как следствие, ожог чайным кипятком.

Что в Японии особенно приятно – здесь все ходят так, как им нравится. Всю жизнь мечтали сбросить офисный прикид и хоть разок одеться а-ля «городская сумасшедшая», да негде было? Наконец-то! Прикупите к поездке желтые носки в широкую розовую полосу и кеды (желательно грязные, стоптанные и на пару размеров больше). Наденьте драные джинсы, сверху плисовую юбку, а на голову не забудьте спортивную шапочку, вывернутую наизнанку. Все – теперь вы настоящая молодая японка из фильма «Васаби» – модная до жути! Разумеется, это в том случае, если вы ощущаете себя моложе тридцати лет. Если же вы более солидная дама, вам не возбраняется сочетать платье от Диора с резиновыми сапогами. Кстати, гладиться не обязательно – по местным понятиям, мятая одежда выглядит круче (если, конечно, это не официальный костюм). Это для женщин.

Для мужчин: поставьте дыбом чуб (это сразу перед лысиной), закрепите его лаком, обуйте советские кеды, напихайте в карманы половину содержимого вашего самого большого чемодана и приспустите штаны так, чтобы отчетливо была видна резинка трусов. Готовы? Вперед!

Как и везде, в Японии очень любят известных личностей, звезд. Если вдуматься, то большинство туристических достопримечательностей – храмов, дворцов, национальных святынь – потеряли бы и для японцев (прежде всего), и для нас немалую часть своей привлекательности, если бы каждому из объектов поклонения не сопутствовала бы пиаровская справка: основан ТЕМ САМЫМ... это храм ИЗВЕСТНОЙ СЕКТЫ... здесь покоится прах ЗНАМЕНИТЫХ... а вот это, обратите внимание, место, где произошло СОБЫТИЕ, о котором вы наверняка читали... Поэтому в Японии вам обязательно нужен гид. Иначе нет смысла сюда ехать.

Каждая приличная туристическая компания в Японии обладает запасом в 30–40 русских гидов, а зарплата их неплоха даже по японским

меркам. В большинстве своем это студенты, стажеры и бывшие дипломаты, оставшиеся на века в Японии. Они хорошо говорят по-японски, но нередко ленятся рассказывать вам о том, что лежит вне сферы их научных интересов или не написано в путеводителе. Не давайте этим людям говорить о чудесах физики высоких температур или об особенностях внешней политики Японии в Латинской Америке, если, конечно, вам это неинтересно.

Еще одна просьба. Не подумайте, что она относится к вам или к вашим друзьям, но... Не надо хамить японцам, почувствовав внезапный прилив великорусской гордости. Синдром высокого роста, большого живота и трудностей перевода частенько срабатывает именно так. Да, они... не очень похожи на нас, да, это, мягко говоря, не совсем обычная страна, но это государство, где почти абсолютно счастливы старики и дети! И построили это великое государство они – вот эти странные люди, шаркающие ботинками на два размера больше, бредущие по улицам безликой (только на наш взгляд!) толпой в одинаковых синих костюмах, со страшной силой хлюпающие лапшой в ресторанах (говорят, так вкуснее) и так же шумно втягивающие сопли (так принято).

Если вы девушка, чтобы избежать назойливых приставаний афрояпонцев (в том числе говорящих по-русски) в районах Сибуя (развлечения для молодежи) и Роппонги (развлечения для иностранцев), возьмите свою половину под руку. Не отпускайте его одного в кварталы Кабуки-те и Хякунин-те, что в Синдзюку. Ему, конечно, будет приятно, что он вызывает такой восторг у корейнок, китайнок, филиппинок, колумбиек и прочего интернационала, но по возвращении вы можете недосчитаться на его костюме пуговиц и убедиться в том, что именно ваш мужчина – воплощение мечты всех женщин мира. Зато можете легко отправить его в знаменитую Ёсивару – правило *only for japanese* действует там практически без исключений (это рядом с тем храмом, где в воротах висит большой красный фонарь и много-много сувенирных лавок).

Такси в Японии стоит довольно дорого, а после одиннадцати вечера вступает в силу еще и специальная наценка, но им стоит воспользоваться, возвращаясь в отель после бурно проведенного вечера. Так приятно вытянуть ноги в огромной «Тойоте», где двери открываются и закрываются автоматически, на сиденьях расстелены бабушкины белые кружева, а престарелый водитель облачен в строгую «тройку» и белые перчатки! Мне встречались таксисты, знакомые с особенностями русского туризма. Узнав, что вы из России, такой водитель радостно предложит вам мятную жевательную резинку, протрет разом запотевшие окна и скажет «спасибо»

по-русски. Во время поездки еще может и подглядывать за вами карим глазом в зеркало заднего вида – некоторые пожилые японцы такие проказники!

Помня об этом, забудьте привычку похлопывать себя по шее тыльной стороной ладони, приглашая приятелей «заложить за воротник». Вы не поверите, но здесь этот безобидный и даже вполне дружеский жест обозначает, что мужчина сменил сексуальную ориентацию. Дамам не следует отвечать на просьбу джентльменов дать еще денег на пиво демонстрацией, извините, кукиша. Если рядом находятся японцы, они безошибочно воспримут это как приглашение к немедленному занятию сексом и проявят тщательно скрываемый, но жгучий интерес. И еще специально для девушек: если у вас в наличии есть хотя бы что-то из того, чем вы привыкли гордиться на родине: шикарные волосы, большие глаза, осиная талия, идеальный бюст или волнующие ноги, но вы оторвались от группы и остались в одиночестве, не ездите в набитых битком вечерних японских электричках – можете случайно испортить впечатление от страны.

Не забудьте купить сувениры. Они в Японии не роскошны, но приятны – то, что называют милыми безделицами. Если вы заходите в храм и в тамошних лавочках вам что-то нравится, не откладывайте приобретение до посещения специальных сувенирных рядов, купите это сразу. Как правило, храмовые сувениры не повторяются и в магазинах не продаются. «Duty Free» в аэропорту Нарита не очень интересен, поэтому еще раз, если хотите совершить шопинг, а он в программу не включен, настаивайте на изменениях в этой программе. Не верьте тому, что на шикарной Гиндзе отовариваются только японские миллионеры. Наши – тоже. Уверен, вы найдете там что-нибудь для себя. Если нет, сходите в... «стойенку» (спросить у гида). Купите или нет, не знаю, но удивитесь почти наверняка.

Право, какими бы странными ни казались нам японцы, они достойны уважения за такую страну. Хотите убедиться? Нет ничего проще. Как только ваш гид с вами попрощается и на улице стемнеет, прихватите название и адрес вашего отеля, написанные по-японски, и отправляйтесь в злачные кварталы. На собственной нежной коже вы почувствуете, насколько это безопасно.

Сакура круглый год

Тяга русских в Японии неосознанно, повинуюсь тонкому внутреннему

чутью, выбирать для посещения те места, которые японцы по самым разным причинам стараются обходить стороной, общеизвестна. Вот и в этот раз членов нашей официальной делегации неизвестно чьим промыслом занесло в бар, где кроме нас и бармена были только представители другой делегации – человек пять «товарищей бандитов» из Кобэ.

«О, русские – это круто!» – их естественная реакция на наше посещение быстро трансформировалась из вербальной в наливальную. Для моих же коллег первой (для многих и единственной) фразой из японского языка, навсегда запавшей в память, стал боевой клич «Биру-о кудасай!» – «Пожалуйста, пива!». Им они отвечали на приветствия девушке на «фронте», им подзывали официанток, им благодарили, им здоровались. Что интересно – японцы, исходя из контекста, прекрасно понимали их. Вот в ту ночь перевод не обещал быть обязательным. Пиво, сакэ и виски быстро скрепили кросскультурные коммуникации между представителями японского и русского народов, и вскоре начался живой обмен впечатлениями.

«В Москве очень холодно? Нет?! Странно... А вы все живете на Камчатке?» – стандартные вопросы и реплики сыпались одни за другим, но, когда количество выпитого достигло критической отметки, бригадир проявил особую заботу о нашей культурной программе и отступил от шаблона.

«На цветение сакуры успели? Нет?! Да как же вы теперь будете, без сакуры-то? М-да, нехорошо это. Быть в Киото и не увидеть сакуру – нехорошо...» На наши робкие возражения, что в Японии и так красиво, бригадир и ухом не повел. Упершись кулаком в бедро, он ссутулился на стуле, вызывая в памяти картины, изображавшие Кутузова на совете в Филях. Впрочем, скоро стало ясно, что это и была наигранная картинность, потому что через секунду он распрямился, встал и энергичным гребком ладони сверху вниз подозвал рядового бойца.

«Хотите сакуру посмотреть? Цветущую?» – спросил бригадир. «Да кто ж не хочет?» – захотелось еще добавить «барин», но наши сдержались. «Смотрите!» – бригадир хлопнул парня по спине, бросив ему короткое лающее приказание. Младший бандит резким движением задрал до подбородка свою футболку, и... сакура расцвела.

Корни ее уходили парню куда-то в глубь штанов. Мощный коричневый ствол делил не обремененный тренировками, но плоский живот на две равные половины. А на широкой впалой груди, разбросав ветви от плеча до плеча и даже слегка щекоча листвою подмышки, розовела она – сакура.

Роскошная татуировка изображала любимое дерево самураев в пору цветения. Тщательно вытатуи рованные лепестки были пропитаны чернилами нежно-розового цвета, редкие светло-зеленые листочки не давали слиться им друг с другом, создавая картину сложного, причудливого плетения, фоном которой стала бледная серовато-желтая кожа молодого якудзы. Цветочки были разного размера и едва заметно различались оттенками розового.

Парень поежился от прохладного ветерка, и по коже побежали мурашки. Сакура зашевелилась, и показалось даже, что сорвавшийся лепесток слетел то ли на пол, то ли в штаны... «Блин, сейчас осыпаться начнет», – шепнул в тишине один из наших. Звук его голоса прервал установившуюся, как оказалось, тишину, и сразу все пропало. «Ёссь!» – хлопнул по спине парня бригадир. Тот опустил футболку, и все вернулись на свои места.

Тост звучал за тостом, пиво текло рекой, но шевелящаяся под прохладным ветром сакура еще долго стояла у нас в глазах. Все-таки успели...

Часть 3. Осень

Велосипед с правым рулем

Первые выезды, первые наезды

Каждому, кто провел в Японии более трех месяцев, бессознательно и патологически хочется почувствовать себя наставником только что прибывшей молодежи. Наставничают по-разному. Кто-то тащит молодое пополнение токийской тусовки в «стойенку», чтобы обеспечить подругу почти халявной посудой, кто-то – в «Ито Ёкадо» за короткими белыми носками, кто-то – на Сибую в лавочку недорогого парфюма напротив полицейской будки – кобана, кто-то на Канду, чтобы показать особенно интересный книжный магазинчик, – каждому свое. Я же, включаясь в движение «бывалых», не могу удержаться, чтобы не раскрыть один из своих псевдонимов. Вскоре после возвращения из Японии один уважаемый автомобильный журнал попросил меня написать статью о вождении автомобиля в Японии, но... с точки зрения женщины. Не могу сказать, что это было сложно: как раз в то время в Москву приехала наша подруга Наташа, в «Хонде» которой мы намотали по Токио, Кавасаки и Иокогаме многие километры. Уточнив у нее некоторые детали и проанализировав собственные впечатления от японских дорог, которых оказалось даже больше, чем нужно, статью я написал и теперь предлагаю всеобщему вниманию (для сохранения аутентичности – по-прежнему от женского лица).

Месяца через два после того, как я приехала в Японию на стажировку в аспирантуру одного из университетов, мой приятель Сережа спросил меня: «Ты машину водишь?» «Вообще в России водила, – ответила я, – а здесь у меня прав нет» Сергей, видимо, от удивления резко нажал на тормоз и под визг покрышек следовавших за нами машин спросил: «А зачем они тебе? Это же Япония!»

В Японии я была уже не впервые, но до сих пор мне удавалось приезжать лишь ненадолго, на несколько недель. Поэтому, наверное, вопрос о самостоятельном вождении автомобиля не возникал. Водительское удостоверение надо было получать японское, а мысль о том, что придется водить машину, сидя справа (хорошо, что не задом наперед), да еще общаться с японскими полицейскими на их языке, меня не просто пугала – она меня успокаивала: этого не может быть потому, что не может быть никогда.

Так говорила я себе до той поездки с Сергеем, когда на все мои доводы он приводил не менее убедительные свои, первый из которых звучал примерно так: «Ты можешь вообще не получать права, потому что ты блондинка, да еще русская. Японцы обожают белых женщин, а твое советское происхождение и опыт общения с ГАИ помогут тебе легко объясняться с полицией. Нет, не на языке жестов. Для этого достаточно на все их вопросы отвечать только по-русски. Не по-японски или по-английски, а по-русски! Если тебе все-таки хочется быть законопослушной иностранкой, то с твоим уровнем знания языка ты легко можешь получить местные права. Теория здесь несложная, а практику никто из знакомых девушек не пересдавал больше тринадцати раз». Вероятно, в душе я уже хотела, чтобы меня убедили, потому что задала вопрос: «А где взять машину?» «Во-первых, можно купить, – ответил Сережа, – во-вторых, арендовать: от одной до пяти тысяч иен в день. В-третьих, у меня четыре машины, а езжу я только на одной. Забирай “Хонду” и катайся на здоровье». Выбор был сделан. Я получила ключи от пятилетней «Хонды», которая в европейском варианте называется, кажется, «Сивик».

Признаюсь как на духу: ездить я начала без прав. Причем старалась делать это не в своем районе – выезжать рано утром, а возвращаться – до вечернего часа пик. Перекресток перед моим домом почему-то облюбовала парочка полицейских, устраивающих по вечерам засаду на выпивших водителей, но об этом чуть позже. Первым полигоном для отработки своих навыков я выбрала Кавасаки – пригород Токио. Там полиции оказалось значительно меньше, да и с подружкой Наташей, живущей там уже года четыре, я чувствовала себя значительно увереннее. Первая наша поездка была, естественно, в универмаг «Маруи». Уже на третьем этаже шестиэтажной парковки я почувствовала, как по затекающей от напряжения спине катится пот – мест, таких мест, чтобы я точно была уверена, что пристрою свою «хондочку», не было. Достаточный для меня плацдарм нашелся лишь на последнем, шестом этаже. Думаю, японцы поставили бы на это место минимум три машины, но я сказала себе, что моей темно-фиолетовой красавице должно быть просторно – да, пусть стоит наискосок, зато красиво.

Формальности для неформалов

Я решила всерьез взяться за учебу. Хотелось ездить по улицам без страха перед полицией, да и подучиться парковаться стоило. С теорией

оказалось проще: достала список вопросов и попыталась овладеть знаниями. Где-то на середине меня настигло разочарование. В самом деле, разве можно серьезно относиться к экзамену, на котором предлагают разрешить такую, например, проблему: «Если впереди загорелся красный сигнал светофора, вам лучше ехать или остановиться?»

Но если теории я не боялась, то сдавать тринадцать раз практический экзамен мне никак не хотелось. Наташа рассказала о садистских приспособлениях, придуманных японской полицией на погубель несчастным соискателям (боже, конечно, прежде всего нам – соискательницам) прав – вместо обычных палок, криво торчащих на наших тренировочных площадках, японцы вешают звенящие вешки – что-то вроде колокольчиков «поющих ветерок». Точность и плавность движения при общении автомобиля с таким приспособлением должны быть идеальными. На мой испуганный вопрос: «Как же быть?» Наташка задумчиво произнесла: «Нанять инструктора». Советую это всем, у кого нет достаточного опыта вождения: наймите инструктора. Один день езды с ним обойдется в три–пять тысяч иен (один доллар равен сейчас примерно 100 иенам), но нервы дороже. Мой Нисимура-сэнсэй целый день с каменным лицом терпел мои попытки удариться «Хондой» обо все, что попадалось на дороге, но поправлял необыкновенно вежливым тоном. Я вспоминаю о нем с любовью: экзамен я сдала с первого раза. Осталось пройти техосмотр, где каверзы невозможны – надо только заплатить около тридцати тысяч иен налога за пользование автодорогами и оплатить устранение неисправностей, если таковые найдутся, и... все, в путь. Банзай!

Дорога в 1000 ри

«Путь длиною в 1000 ри начинается с первого шага». Эта китайская поговорка хорошо известна в Японии. Для тех, кто не знает: 1000 ри – это примерно... ну, в общем, это очень много. А в условиях современной Японии вам надо помнить еще и о том, что 1000 ри будут стоить вам несколько тысяч иен и основные расходы вы понесете за стремление ехать с комфортом.

Япония опутана густейшей паутиной дорог, многие из которых платные. Цена передвижения по ним зависит от расстояния, но вряд ли вам удастся найти въезд на хайвей дешевле 350 иен. Обычный тариф – 700 иен, именно столько стоят токийские скоростные автодороги. Сорок

минут пути (километров восемьдесят) до моего любимого курорта Хаконэ обходились мне в 3500 иен. Примерно столько же стоит билет на скоростной поезд. Проще говоря, на дальние расстояния надо ездить с компанией – это не только весело, но и позволяет сэкономить на стоимости проезда. Есть в поездках с друзьями и еще один неоспоримый (по крайней мере, для меня) плюс. Я довольно прилично болтаю по-японски, но вот с иероглифами у меня проблема. В пределах Токио мне их хватает. Но стоит лишь отправиться в какую-нибудь глубинку, как сразу же сталкиваешься с тем, что необыкновенно красивое название нужного населенного пункта пишется совершенно неизвестными знаками.

Если рядом нет человека, способного прочитать затейливые письма, приходится прибегать к помощи местного населения. Я обычно выбирала таксистов помоложе (хотя в Японии это профессия для пенсионеров), приоткрывала окно и, приветливо улыбаясь, лепетала: «Извините, я плохо знаю иероглифы, а мне так надо проехать в деревню под названием “Голова белой лошади у красного моста”...» Иногда дорогу довольно подробно объясняли, иногда (и часто!) японские джентльмены садились в свои «Тойоты» и ехали передо мной, указывая путь. Если дороги никто не знал, останавливали другие машины и устраивали целое совещание на обочине – не помочь они просто не могли.

Японская вежливость – величайшее достижение автомобильной цивилизации. Скучая в токийских пробках, я приоткрывала окно и приветливо улыбалась. После этого все путешествие по широким, но забитым транспортом проспектам озвучивалось продолжительным словом «Доодзо!» – «Пожалуйста!». Именно японская предупредительность помогла справиться с самой пугающей поначалу перспективой – левосторонним движением. Даже пешеходу нелегко привыкнуть к тому, что, переходя улицу, надо сначала смотреть направо, а потом налево, что уж говорить обо мне! Но на практике все оказалось не так страшно. Я довольно быстро привыкла к потоку, постепенно привыкла перестраиваться в нужный мне ряд, а автоматическая коробка передач, которой оборудованы примерно 95% японских автомобилей, начисто избавила меня от головной боли по поводу переключения скоростей.

Вскоре мне начало казаться, что у японцев даже велосипеды и те с правым рулем. Мои первоначальные «тыркания» на перекрестках и в пробках вежливо поглощались окружающими водителями и спокойным стилем передвижения. В японских заторах не принято перестраиваться из ряда в ряд, выбирая, где лучше, и это сильно успокаивает. На больших

магистралях я всегда видела перед собой электронное табло, указывающее участок с затрудненным движением по моему маршруту и возможные пути его объезда.

На очень многих японских авто стоят навигаторы, но мне кажется, они больше нужны самим японцам, которые так привыкли к чудесам цивилизации, что даже стараются запомнить дорогу, по которой едут. Если же я терялась в Токио, где почти нет названий улиц и адрес определяется по алгоритму район – микрорайон – квартал – дом, то искала полицейских: показывать дорогу – их святая обязанность, и только у них всегда при себе подробнейшая карта окрестностей.

На бесчисленных узеньких улочках, пересекающихся под прямыми, а часто и под острыми углами, стоят огромные зеркала, показывающие невидимые мне из-за поворота машины. Сам перекресток обычно выделяется белым крестом и особыми блестками в составе асфальта, фосфоресцирующими в свете фар. Для передвижения по таким закуткам нужно особое внимание. На маленьких дорогах частенько выскакивают из ниоткуда велосипедисты – они, как и пешеходы, вне конкуренции. Водители обязаны их пропускать, что и делают – часто с поклоном, опираясь на баранку. Велосипедисты кланяются тоже, и первое время меня это здорово забавляло, особенно когда они одновременно разговаривали по мобильным телефонам: казалось, они одной рукой с энергичной улыбкой отжимаются от руля.

Именно для таких узеньких улочек сконструированы многие японские автомобили: узкие и высокие. Нет ничего удобнее этих странно смотрящихся на наших дорогах машин, оборудованных холодильниками, кондиционерами и аудиосистемами, так же как и нет ничего более странного, чем «Шевроле Тахо» на колесах «биг фут», принадлежащий моему соседу, который каждое утро тратил 20 минут на выезд из микроскопического двора, а вечером – ровно столько же на въезд.

Разнообразие японских авто поражает. Поверьте, даже на нашем Дальнем Востоке представлено не более 20% автомобильной гаммы Японии, что уж тут о Москве говорить! Япония – великая автомобильная держава. Она выпускает машины не просто на любой вкус и цвет, но и на любой каприз. У них бензиновая диета, электронные мозги, отличная физическая форма, а красивы они какой-то странной японской красотой, хотя кружева, которыми здесь принято застилать сиденья такси, сильно смахивают на вологодские...

Цена простоя

Одна из самых больших проблем японской столицы – парковки. Их много, но все равно не хватает. Они уходят на несколько этажей под землю и вздымаются ввысь, но и на них водители вынуждены парковать свои машины за несколько кварталов от нужного места в опасении, что ближе встать не удастся – все места заняты. Японцы паркуются не просто здорово, а прямо-таки ювелирно. Частенько расстояние между машинами или между автомобилем и стеной исчисляется едва ли не миллиметрами. Конечно, чем дальше от центра, тем места больше, да и цена понижее. Есть и совсем простые варианты: засыпанная гравием площадка, где стоянка стоит всего-навсего 100–200 иен в час. В центре города таких практически нет. Там стоимость стоянки может достигать до тысячи иен за полчаса, если место особенно тесное. Я же определила для себя среднюю норму – 300 иен за полчаса.

Отдельно стоит рассказать о парковках в магазинах. Подальше от Токио они могут быть совсем бесплатными, но в столице обычно действует следующее правило. Если вы купили в магазине товаров больше, чем на 2 тысячи иен, или на такую же сумму перекусили в ресторане (больших магазинов без ресторанов не бывает по определению), тослужащий делает вам в парковочном талоне специальную отметку и первые два часа стоянки для вас бесплатны. Потом – примерно 500–700 иен за каждые последующие полчаса. Сознаю: даже если я покупала товаров меньше, чем на две тысячи, отметку мне ставили все равно.

Если же вы припарковались в неположенном месте, трепещите: по вашему следу пойдет непреклонная женская дорожная полиция. Две дамочки в синей форме подъедут к автомобилю-нарушителю, намертво прилепят ему на стекло желтую карточку и проведут мелом черту у колеса – все, вы арестованы. Впрочем, сам арест (автомобиля, естественно) последует лишь через час. Тогда вам как потенциальному злодею, отказавшемуся платить за нарушение правил парковки, придется выкупать свою машину со штрафстоянки за 30 тысяч иен. Но это не единственный случай, когда вы можете иметь неприятности с японской полицией.

Преступление и наказание

Помните: пить за рулем нельзя! Даже если вы симпатичная девушка и

у вас был очень важный повод. Штраф за пребывание за рулем в нетрезвом состоянии (больше стакана пива) велик: 300 тысяч иен, то есть около 1000 долларов! Более того, на эту же сумму будут оштрафованы и ваши попутчики – за то, что не отговорили вас от попытки нарушить закон.

Откровенно говоря, японцы очень любят выпить. Именно поэтому около десяти часов вечера во многих районах Токио можно встретить элементарные засады: парочку полицейских с электронным спиртомером, определяющих степень вашей вины. И здесь мы подходим к тому, чему учил меня Сергей – мой крестный отец в деле вождения на японских дорогах. Все, что я рассказываю вам о штрафах, – информация из чужих уст.

За год вождения я ни разу не была наказана полицией, хотя поводы имелись. Но если я точно знала, что любые претензии ко мне беспочвенны, то радостно открывала окошко и начинала мило болтать со стражем порядка. К счастью, мне ни разу не попался русофоб: узнав, что я из России, полицейские вежливо улыбались и отказывались измерять степень моего алкогольного опьянения. Если же я чувствовала свою вину, то поступала примерно так, как моя подруга Наташа (предупреждаю: ответственности за результаты у желающих повторить мой опыт я не несу).

Однажды около часа ночи в городе Кавасаки нас остановил дорожный патруль. За рулем была Натали, и, честно сказать, мы были не вполне трезвы. Подойдя с решительным видом к автомобилю, полицейский достал спиртомер и нагнулся к окну. Наташа опустила тонированное стекло и распахнула свои огромные голубые глаза с ресницами, бьющими все рекорды длины и пышности. Полицейский отшатнулся и растерянно спросил по-японски:

- Вы сегодня пили сакэ?
- Да, – по-русски ответила моя подруга и, видимо, для вящей убедительности утвердительно мотнула головой.
- А пиво? – продолжил допрос полицейский.
- Да, – снова кивнула Наташа.
- Вы совсем не говорите по-японски?
- Совсем.
- А по-английски? – догадался об ответе «гаишник».
- И по-английски тоже, – гнула свою линию Натали.
- А на каком же языке вы сдавали на права? – совсем опешил страж порядка.
- На том, на котором с тобой говорю, на русском, – ответила

подруга и чарующе улыбнулась.

Парню оставалось только улыбнуться нам в ответ. Мы получили стандартное напутствие быть осторожными и продолжили свой путь.

Вообще же полиции на дорогах Японии немного. Я бы даже сказала, что ее практически не видно – с нашим вездесущим ДПС не сравнить. Уж тем более странно выглядели бы японцы, устраивающие засады на тех, кто превышает скорость. Во-первых, потому что они ее превышают крайне редко. Во-вторых, потому что превышать ее особенно негде. Может быть, лишь на иногда свободных хайвеях, но такое я видела от силы раза два.

Полиция снисходительно относится к тому, что на незагруженном участке вам удалось разогнаться до 120 км/ч – для таких машин это не скорость. Вас попросят ехать помедленнее, лишь если электронный датчик спидометра начнет показывать около 150 км/ч. Могут и оштрафовать – тысяч на тридцать иен. Но мне показалось, что даже на пустынном острове Хоккайдо японцы движутся не спеша. Хотя и тут бывают исключения. Как-то раз в городе Камакура недалеко от Токио я наблюдала, как группа молоденьких ребят на каком-то мини-вэне (самая популярная в Японии модификация автомобиля) неслась по дороге, не обращая внимания на светофоры и запрещающие знаки. Из открытого окна грохотала музыка и торчала палка наподобие бейсбольной биты, которая сшибала боковые зеркала у встречных машин. Вскоре в том же направлении пронесся полицейский автомобиль – думаю, эти ребята теперь долго не будут хулиганить на дорогах.

Бывают и другие, гораздо более мирные способы демонстрации собственной незаурядности. В Киото, например, я не раз наблюдала за ночным парадом аудиомобилей. Около одиннадцати часов вечера в гудящих, как ульи, центральных кварталах города, наполненных ресторанами, клубами, злачными заведениями и, что важно, почти нежилых, собираются караваны из четырех-пяти автомобилей, доведенных при помощи тюнинга до неузнаваемости. К стандартным мини-вэнам могут быть приделаны огромные носы или хвосты в форме чайки длиной до метра, сами машины разрисованы в необыкновенные цвета, а в салонах смонтированы мощнейшие аудиосистемы. Объединившись, эти чудо-авто медленно кружат по квадратному центру города, грохоча музыкой и заглушая рев множества байков, которые так любят молодые японцы и на которых с гордым, независимым видом в кожаных куртках и рогатых шлемах передвигаются по всей стране со скоростью... 30 км/ч. Может быть, поэтому на электронном табло у

здания Главного полицейского управления в Токио так часто светится цифра «0» – число жертв, в том числе в ДТП, за прошедший день?..

Трудности перевода

Что в имени тебе моем?

Осень в Японии хоть и не начало учебного года, но начало нового семестра. Вот и я, в дополнение к университетским занятиям, решил немного улучшить свой японский язык и отправился со своей будущей женой на курсы в языковую школу в Иокогаме. Там я с удивлением узнал о новом приеме, придуманном преподавателем, чтобы не мучиться с ужасно неазиатскими славянскими именами и фамилиями.

В моей университетской группе, как я уже писал, 43 учащихся были представителями 27 стран мира. Имена большинства из них совершенно невозможны для слогового японского языка, а потому на самом первом занятии преподаватель предложил выбрать нам самим для себя ники, то есть псевдонимы или, если угодно, клички. Мне было довольно просто – к счастью, моя фамилия легко трансформируется на японский лад – «Куранофу» и не несет в себе никакого отрицательного смысла, вроде грязного «Доронин» в акиноинской «Алмазной колеснице».

Тяжелей всего пришлось сэнсэю с китайцами и корейцами. В нашей группе оказались сразу несколько Пак, Цой, Чен и Ли. Их стали именовать в аристократических традициях Пак Первый, Цой Второй или Чен Третий.

В иокогамской школе пошли по иному пути. Русский сэнсэй Петр Семенович Тумаркин переложил греческие и латинские оригиналы имен на японские по смыслу, конечно, с небольшими допущениями и (особенно это касалось девушек) с учетом внешности. Так я – Александр – стал Мамору, что по-японски значит «защитник» и почти соответствует греческому оригиналу – «Защитник людей», а голубоглазая блондинка Наташа оказалась Нацуко – «Дитя лета».

В той же школе я снова услышал о распространенности разных японских фамилий и вспомнил, как лет десять назад японский посол в России Кодзи Ватанабэ спросил у победителей любительского конкурса на знание Японии, какая самая распространенная фамилия в его стране. Решив, что уловили намек, мы чуть не хором ответили: «Ватанабэ». «Нет, – сказал посол, – самая распространенная в Японии фамилия – Судзуки» – и... оказался неправ.

До конца эпохи Эдо, а точнее – до 1872 года, иметь фамилию в Японии могли только самураи. Во время проводившейся в том достопамятном году

посемейной регистрации каждый человек должен был быть записан под той или иной фамилией, а если ее не имел, как, например, у крестьян, разрешалось выбрать любую. Учитывая, что сословие самураев составляло в те времена в среднем менее 20% населения, около 90% современных японцев носят «выбранные» фамилии – их примерно 70 тысяч из 100 тысяч японских фамилий.

Знаменитое чувство коллективизма сыграло с крестьянами злую шутку. Не желая выделяться, многие выбирали одну и ту же фамилию. Иногда вся деревня регистрировалась одинаково. А творческая мысль если и просыпалась, то оказывалась несколько однонаправленной. Это до сих пор заметно при изучении географического распространения фамилий. В префектуре Нагано, где много дней в году ясное и безоблачное небо, популярной стала фамилия Сора, то есть «небо», а в северных районах Тохоку и Хоккайдо оказалось множество Сато (к этимологии этой фамилии мы еще вернемся). В префектуре Аомори почтальоны бьются над тем, как различить разных Кудо, а в префектуре Иватэ учителя в школах разводят по разным классам многочисленных Сасаки. Район Канто стал вотчиной Судзуки, в то время как Танака обосновались в регионе Кансай и на острове Кюсю. Это все сельскохозяйственные фамилии, имеющие отношение либо к молитвам за урожай, либо к месту жительства первых их владельцев, как и Накамура («в середине деревни»), например. Некоторые выбрали себе фамилию по роду деятельности, и их потомки, кем бы они ни работали, обречены всю жизнь быть ткачами (Хаттори) или кузнецами (Кадзи).

Но какая же все-таки самая распространенная японская фамилия? На этот счет есть достоверные, хотя уже и несколько устаревшие (1994), данные специального исследования страховой компании «Мэйдзи лайф». Исследование проводилось не в процентах, а в количестве человек, и вот какие получились данные, учитывая, что население Японии составляло тогда около 126 миллионов человек.

1. Сато – 1,93.
2. Судзуки – 1,87.
3. Такахаси – 1,40.
4. Танака – 1,34.
5. Ватанабэ – 1,18.
6. Ито – 1,14.
7. Накамура – 1,07.
8. Кобаяси – 1,04.
9. Ямамото – 1,01. 10. Като – 0,93.

О происхождении многих японских фамилий вы можете легко догадаться сами (или при помощи иероглифического словаря). А вот об этимологии «фамилии номер один» (Сато) я, как и обещал, расскажу подробнее.

Второй иероглиф в этой фамилии – «ТО», или «ФУДЗИ» (не будем забывать о китайском и японском чтении иероглифов), что в переводе значит «глициния» или «камелия». Он является первым в самой аристократической фамилии страны – Фудзивара («поле камелий»). Иметь бывшему крестьянину, горожанину или купцу в своей фамилии иероглиф самого уважаемого в Японии рода – что может быть лучше?

Так и возникли многочисленные Сато (СА – помощь, поддержка), Ито (И – щеголь) и Сайто (САЙ – равный). Чувствуете? Приятно, наверное, ощущать, чувствовать себя «равным Фудзивара», или «поддерживающим Фудзивара», или «щеголеватым, как Фудзивара»!

Кстати, примерно так же появились Фудзита, Фудзимори и Фудзияма. Только это не та Фудзияма, которая «не яма, гора». Гора, как вы помните, пишется совсем другими иероглифами и звучит как «Фудзи-сан», а Фудзиямой сейчас главную вершину Японии называют только безграмотные американцы, которым, в отличие от нас, на иероглифы плевать, хотя когда-то такое имя действительно было в ходу. Японцы на это смотрят со смирением, да и занимают их совсем иные проблемы. Ведь благодаря тому, что у русских есть отчества, даже самые распространенные наши фамилии и имена сочетаются в полных тезок лишь у двух процентов обладателей одной фамилии. А в Японии, где отчества не приняты, путаницы происходят постоянно (одних только Минору Судзуки в токийском телефонном справочнике значится 282 человека!). А потому, если вы окажетесь в школе где-нибудь на Хоккайдо, не удивляйтесь, если по вызову к доске Сато-кун встанет треть класса.

Можно, конечно, уловить и гораздо более сложные мотивы и тонкости в образовании новых фамилий, но это тема научных монографий, а я пока приглашаю вас в другую школу, где учат не японский, а русский язык.

Русский язык по-японски

У русского языка в Японии сложная судьба. Став в начале XX века довольно популярным, во многом благодаря стараниям учеников архиепископа Николая Японского, он пережил падения, как перед войной, и взлеты, как после полета Гагарина, когда весь мир хотел говорить на языке

первого космонавта. Многие старожилы в Японии помнят уроки русского языка по NHK. Не современный их вариант, когда подрабатывающие соотечественники упорно рассказывают об одном и том же: «за день я могу выпить две бутылки водки», а старый – когда курсы вели лучшие дикторы советского Центрального телевидения, о чем я рассказывал в книге «Тайва». Осталось в Японии еще несколько тысяч людей, которые помнят совсем особые «курсы». Выйдя однажды с женой на берег Тамагавы в районе Такацу, мы увидели там старого-престарого японского деда – лысый череп в коричневых старческих пятнах, огромные уши, неразгибающиеся пальцы с трудом перебирают кнопки на почти таком же древнем баяне:

*От кацуки сутурадари дзэка,
Рэбэра пучина морусукая,
Редзар упэреди Магадан –
Суторица корымсукого курая...*

Когда мы поняли, что оно поет, странная дрожь и смущение не позволили нам подойти к нему и спросить – откуда? Да и зачем? И так было все понятно...

К счастью, русский язык в Японии все еще учат, и иногда учат хорошо. Однажды осенью мне довелось побывать на празднике Токийского института русского языка – Росиа-го гакуин. «Имей в виду, институт очень скромный, и праздник тоже будет скромный», – предупредила меня моя хорошая знакомая, преподавательница этого вуза Эцуко Имамура. Прожившая в России пять лет и имевшая когда-то русского мужа, Эцуко говорит по-русски легко и интеллигентно, с едва заметным акцентом, быстро улавливая нюансы разговорной речи, что выгодно отличает ее от множества отягощенных академическими наградами японских профессоров-русистов, требующих для разговора с русскими переводчика. В надежде увидеть место, где готовят таких замечательных знатоков языка, я и отправился на станцию Кедо – в Росиа-го гакуин.

Снаружи этот институт и вправду выглядит более чем скромно – небольшое четырехэтажное здание, выделяющееся из ряда точно таких же токийских строений лишь табличкой на русском языке, свидетельствующей о том, что я попал по адресу. Впрочем, так, наверное, и должно выглядеть учебное заведение, где и студентов-то всего-навсего около 50 человек. Правда, говорят, что уровень знания русского языка у них значительно выше, чем у коллег, обучающихся еще в 45 престижных и не очень университетах Японии, где преподается язык столь любимого японцами Достоевского. Что ж, зайдем, посмотрим!

Вблизи – никаких признаков проводимого праздника. Избалованный

зрелищами бурных и ярких студенческих гуляний – гакусай – в университетах Васэда, Токийском, Хитоцубаси, я даже несколько растерялся, но... Стоило мне войти внутрь, как картина волшебным образом изменилась: в здании царила явно праздничная атмосфера. Всюду беготня, объявления на японском и русском о каких-то спектаклях, выступлениях, множество импровизированных и стационарных торговых точек, где вместе с естественными для такого места книгами и кассетами на русском языке продавались почему-то советская и российская военная форма, значки, неизбежные матрешки, гжельская посуда и множество других сувениров «а-ля рус». Конечно, японцы не были бы японцами, если бы не сделали основным мероприятием праздника поглощение всяческой еды. Несколько аудиторий были специально переоборудованы под кафе, украшенные вывесками с надписями по-русски: «Чайная Кролик», «Масадональд» и, наконец, только для преподавателей – особо престижное кафе «Россия». Стены института были расцвечены огромными стенгазетами с фотографиями студентов, носящих русские псевдонимы, и их преподавателей (без псевдонимов). Множество веселых стихов, шаржей, открыток и фотографий – все это придавало событию атмосферу особой легкости и непринужденности.

Окончательное потрясение меня ожидало, когда, зайдя в одно из этих импровизированных кафе, я не поверил своим глазам: из большой кастрюли совершенно советского вида, сосредоточенно нахмутив брови, наливал борщ «старший прапорщик» Государственной таможенной службы России! Из шокового состояния меня вывела Имамура-сэнсэй, увлекая за собой в зрительный зал, где ее ученики – студенты второго и третьего курсов – давали спектакль под интригующим названием «Воры». Не напрягайте свою память, пытаюсь вспомнить имя драматурга, – вы его не знаете. Пьесу написал, перевел на русский язык и поставил студент Росиаго гакуин. Сыграли в спектакле, не лишенном детективной заправки и насыщенном искрометным юмором, его коллеги – такие же студенты и студентки. Всего за час они умудрились насмешить и развлечь зал, порадовав зрителей очень неплохим уровнем владения языком и умением читать стихи: в сюжетную канву были умело вплетены хрестоматийные, но от того не менее милые произведения Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Есенина. Награда – овации хохочущего до слез (значит, все понимают!) зала и крики «Бис!» – не знаю, это по-русски было или по-японски?

Выходя из института после праздника, я думал о том, что главное даже в Японии – вовсе не академические степени и награды преподавателей и не обширность площади, занимаемой университетом. Главное в любом деле –

желание им заниматься, любовь к своей профессии, вера в себя и умение экспериментировать. К сожалению, для огромной армии японских студентов это не самые характерные качества.

Наше будущее

Забавы молодых

Когда читаешь статьи о японской молодежи в нашей прессе, особенно в сопоставлении с проблемами молодежи нашей, создается впечатление собственной неполноценности. В самом деле: эти урожденные анимешники всюду конструируют роботов, читают книги, занимаются дзюдо и кэндо, а после занятий мчатся домой подновить икебану. Мы – пьем в подъездах, колемся, любимся, вступаем в ряды скинхедов и занимаемся прочей пакостью. И даже гораздо более взвешенные и правдивые материалы американских и европейских журналистов, свободных от всяких проявлений японофилии, почему-то почти не просачиваются в наши СМИ, в отличие от их статей на другие темы («кот японского посла в Вашингтоне научился спускать за собой воду в туалете!»). Нет спроса? Не знаю. В то же время каждый, кто хоть ненадолго сокращает дистанцию в общении с японской молодежью, понимает, что об этом «прообразе человека третьего тысячелетия» у нас слишком мало знают. Тот, кто учится с ними, а уж тот, кто учит, – непременно значительно более сдержаны в оптимистичных оценках. Мне самому приходилось и приходится общаться с японской молодежью лишь время от времени, чему я, откровенно говоря, рад, а вот, например, профессор А.А. Долин, много лет преподающий в японском университете, на истории о перспективности тамошнего молодого поколения смотрит с стоицизмом дзэнского монаха: «Мне предложили провести тест по истории среди студентов второго-третьего курса. Уточнил: «Может быть, не стоит?» Надо. Ну, хорошо. Написал им вопросы с тремя вариантами ответов. Например: «Сколько лет продолжалась 100-летняя война?» Варианты ответов: «1 – около 100; 2 – 75; 3 – 50 лет». «Кто из этих людей был императором Франции: 1 – Наполеон Бонапарт; 2 – Александр Македонский; 3 – Юкио Хатояма?» И так далее. На все вопросы из сорока человек ответили трое. Уже неплохо».

Я не хочу выносить вердикт, хорошая японская молодежь или плохая – это решать японцам. Я придерживаюсь принципа, о котором говорил во вступлении: эта молодежь существует, и мы вправе о ней говорить. Если кто не в курсе: японцы далеки от условностей и политкорректности, когда обсуждают наши недостатки. Более того, они не особенно скрывают и свои, и в этом они умнее, развитее, практичнее нас! Хотя – как такое скроешь?

Но они в состоянии нас услышать и сделать выводы для себя. А уж что-что, а японская молодежь – вечный повод для обсуждений и тревог в этой стране.

В разговоре о подрастающем поколении японцы упирают на то, что нынешние молодые сменили систему ценностей. Столетиями жители Страны солнечного корня жили для того, чтобы работать. Результат – налицо. Посмотрев на него, современные юноши и девушки решили: хватит, работать надо для того, чтобы жить. А если есть возможность жить и не работать, то это просто здорово. Тут я должен сделать реверанс в сторону японского общества: оно может позволить заниматься ерундой своему подрастающему поколению – денег хватит.

Японцы обожают социологические опросы. Я не буду загружать читателей цифрами и процентами, на то есть научная литература, в частности, многочисленные подробные исследования этого вопроса профессором В. Э. Молодяковым. Скажу лишь, что из результатов этих опросов следует: у японской молодежи есть «плюсы» и «минусы». К первым респонденты относят умение пользоваться компьютерами, желание выразить свое собственное мнение и (о, ужас!) отсутствие гендерного неравноправия.

«Минусами» японцы посчитали: распространение сотовых телефонов (там это один из самых ярких атрибутов пацанов в буквальном смысле), диковатый, клоунский (в опросах сказано мягко – «неопрятный») внешний вид, странная для самих японцев (!) привычка сидеть на асфальте и – на последнем месте – недостаток сексуальной морали.

Дорогие россияне меня не поймут, если именно на этом – последнем – пункте я не остановлюсь особо. Самый распространенный ответ японцев на их отношение к сексу звучит примерно так: «Ну, это что-то вроде чистки зубов, только реже». Насколько реже – вопрос сложный, и ответу на него посвящена книга «Обнаженная Япония. Эротические традиции Страны солнечного корня». Говорят, среднестатистическое число сексуальных контактов здесь – 13 раз в год, но это слухи. Крупнейшая компания по производству презервативов «Контекс» приводит другую цифру: 37. Чтобы было понятно: среднестатистическое число сексуальных контактов в мире – около 100 раз в год. Рекордсмены – два центральноафриканских племени – записывают на свой счет около 400 раз. В любом случае, ученые бьют тревогу: японская молодежь становится равнодушной к сексу, что для страны с постоянно сокращающимся населением настоящая угроза национальной безопасности. Похоже, что секс для японцев неинтересен как таковой, так же как неинтересна для них просто жизнь: в этом есть

некоторые особенности японской психологии. Для молодежи все чаще это превращается в формулу «Либо в этом должно быть что-то экстремальное, либо с этого должны получаться деньги. Последнее – предпочтительней».

При этом позор (с точки зрения европейца) современной Японии – повсеместное распространение школьной проституции «эндзе косай». Смысл ее заключается в том, что вполне благополучные и обеспеченные девочки 14–18 лет встречаются за деньги с «друзьями» в возрасте 40–60 лет (возраст виктимности в Японии – 13 лет). Интересно, что далеко не все встречи заканчиваются половым актом – в сексуальном плане японцы по натуре своей скорее вуайеристы, чем деловые люди, а деньги тратятся прежде всего на украшения и аксессуары. Честно говоря, мне, в общем-то, безразлично, на что они тратят свои деньги. Мне кажется, беда японцев в том, что один из главных секс-символов эпохи, чей образ активно насаждается здесь всеми без исключения СМИ, – девочка в школьной форме. Это для них если и не нормально, то по крайней мере привычно и, учитывая специфику японской морали и криминальных особенностей, вполне безопасно. И все же – если кто-то скажет мне, что это лучше, чем пить водку в подъездах, я этого человека не пойму.

Если же с деньгами не получается, то нужен хотя бы экстрим! Вкупе с желанием во всем следовать американской моде такое отношение к жизни дает иногда любопытные результаты. Когда давно уже канувший в Лету российский дуэт «Тату» завоевал высокое место в западных хит-парадах, его диски мгновенно наводнили прилавки японских аудиомагазинов. Но это было только начало! Уже через несколько недель появилась японская лесби-парочка, воркующая под музыку о своих проблемах в обнимку и с нежными поцелуями, что наводило на мысли о том, что музыка у «Тату» – не главное. Входя в магазин рядом со своим домом, я упирался в фанерные фигуры «татушек», над головой у меня висели плакаты с целующимся японским аналогом, а несчастные японские школьницы стояли перед выбором: какую лесбийскую любовь предпочесть – свою или иностранную? А музыка? Ни при чем.

Конечно, японцы женятся и выходят замуж. К счастью, прежде всего для самой Японии, после этого большинство подростковых болезней остаются позади. Смотреть на японские женатые парочки, да еще с детьми-милашками, очень приятно. Особенно летом, когда неподготовленный русский взгляд не шокируют голые коленки детей, синеющие от холода. В детских садах и школах Японии дети обязаны ходить с голыми ногами. Это тот случай, когда мы не можем навязывать им свое мнение. Тем более что многие японские женщины ходят так всю жизнь. Местная мода

подстроилась под закаливание: шерстяная шапочка, шарф, меховая куртка, юбка, голые ноги и сапоги – это круто! Школьницы, впрочем, сапоги не носят – не положено. Роль голенищ выполняют приклеенные к ногам толстые белые гольфы. Клей не позволяет им сползать и держит форму «гармошкой». Это хотя бы безопасно.

Когда же я смотрю, как подростки красятся в электричках, подстригают ресницы и выщипывают брови, попутно болтая с подружками, мое сердце замирает от ужаса. Наверное, я не прав, но частенько встречающиеся на японских улицах девушки с повязкой на глазу из-за недостатка фантазии ассоциируются у меня именно с теми, кто во вздрагивающем вагоне хладнокровно тычет себя маникюрными ножницами в глаз.

Да, после окончания университетов у большинства бывших студентов увлечение молодежными забавами проходит. А университеты здесь оканчивает более половины населения. В некоторые из них поступить нетрудно. Сдать экзамены в школе, например, значительно сложнее. Некоторые, самые престижные: Токийский, Киотоский, Осакский, Васэда, Кэйо считаются «кузницами кадров» японской элиты, и попасть туда учиться, наоборот, совсем непросто. Само обучение в них тоже требует определенных усилий, тогда как по поводу учебы в других университетах японцы говорят, что это «отдых после школы и перед работой».

Именно в это время большинство молодых людей достигают пика «непроизводительной активности», полируя джинсовыми задками асфальт, тратя папины или «дяденькины» деньги в бесчисленных магазинчиках и шумно болтая в кафе. Они отдыхают. Скоро гигантская производственная машина по имени «Ниппон» востребует их в качестве винтиков для своего механизма, или, как писал уже известный у нас Рю Мураками, «рассортирует и классифицирует, чтобы сделать животными». Тогда от них потребуются все те качества, которые развивали у мальчиков и девочек в школе: беспрекословное подчинение, отсутствие способности к анализу, неумение ставить вопросы, полная невозможность работать в одиночку, невероятная работоспособность при деятельности в составе группы и многое, многое другое.

Если вы, уважаемые читатели, думаете, что я злословлю и не люблю японскую молодежь, послушайте, что сказал об обучении в японских школах и о последствиях такого образования известный писатель и крупный чиновник – специальный советник Кабинета министров Японии Таити Сакаия: «Усилия преподавателей были сосредоточены не на развитии у детей позитивных задатков, а на преодолении имеющихся у них

недостатков. Как следствие, многие дети (в первую очередь наиболее одаренные из них) превратились в стандартных людей, лишенных как достоинств, так и недостатков...

Япония построила оптимальное индустриальное общество. Живя в этом обществе, японцы выработали свойственные им морально-этические воззрения, чувство прекрасного, воспитали поколения людей, подавляющих собственную индивидуальность... Мы должны пересмотреть не только методы организации производства и административную политику... но и то, что лежит в их основе. А именно: свой менталитет и свою систему... Совсем в недалеком будущем в Японии все же начнется революция интеллектуальных ценностей. Значительная часть японцев осознает ее необходимость».

По уровню технологического развития Япония обогнала Россию примерно на 70 лет. Боюсь, что первое, в чем мы японцев нагоним, будет ЕГЭ и аниме.

За что я не люблю аниме

Да, я не люблю аниме. И не люблю примерно за то же самое, за что не любил пролетариат профессор Преображенский: за разруху в головах и удручающий примитивизм.

Вот уже несколько лет аниме является не просто важным, а наиважнейшим орудием сотворения имиджа Японии. Ответственными за использование этого оружия назначены японский МИД и прилегающие к нему фонды. Как несложно догадаться, все они – основные «кормильцы» большинства наших японоведов, давно брошенных на произвол судьбы отечественным бюджетом и вынужденных помалкивать, делая вид, что назначение японским правительством кота Дораэмона Послом доброй воли – давно ожидаемое и совершенно нормальное решение.

Да-да, анимешный кот действительно назначен на ответственную должность, и это стало очередным блестящим решением японских имиджмейкеров, вдохновленных политикой фаната аниме (отаку), тогдашнего премьер-министра Японии Таро Асо, который находит, по его собственному признанию, время просматривать около 10 томиков манги в день – вот уж точно: работа на галерах.

Здесь надо пояснить, что манга и аниме – ближайшие родственники, и, говоря об одном, в Японии часто подразумевают и другое – за компанию. Но аниме – продукт более современный, глобальный, а значит, более

важный и выгодный. Объем японского культурного экспорта, основу которого составляет аниме, на 2003 год представлял собой сумму в 12,5 миллиардов долларов с тенденцией к «агрессивному росту», невзирая ни на какие кризисы. Аниме экспортируется примерно в сотню стран мира, а вслед за ним там продается сопутствующая продукция: музыка, куклы, открытки, одежда... Во многих случаях иностранцы даже не знают, что смотрят именно японские мультики. Кто сообразит, например, что название «Инопланетные рейнджеры» придумано специально для того, чтобы зритель не догадался о восточноазиатском происхождении товара. Однако сама по себе культурная экспансия, приносящая стабильно высокий экономический доход, никак не может быть поводом для ее неприятия. Ничего личного – только бизнес! Проблема в качестве товара, и вот тут, как говорится, возникают вопросы.

Аниме – продукт японской цивилизации (манга), полученный в результате ее смешения с цивилизацией американской (мультфильмы Диснея). Аниме идеально подходит для восприятия японцами и в самой Японии. Незамысловатые сюжеты разгружают забитые головы японского офисного планктона, развлекают тупеющих от бесконечных предэкзаменационных тренингов школьников, создают нишу для целого пласта японцев, видящих в них зримое воплощение продолжения традиций цветных гравюр укиеэ. Непременным «хвостом» этой традиции является порнография, точно так же как значительная часть манга – хэнтай (буквально – извращения). В аниме-индустрии это столь же неотъемлемая часть бизнеса, как и верхняя – видимая, легальная и пропагандируемая надстройка. Защитники аниме заявляют, что «издержки» есть в любом искусстве и не надо на это обращать внимание. Отвечаю по пунктам: 1 – есть; 2 – надо.

Да, среди аниме присутствуют вполне замечательные высокохудожественные ленты, но, во-первых, их много меньше, чем в обычной анимации. Гуру аниме Хаяо Миядзаки называет своими учителями мультипликаторов «Союзмультфильма» и Уолта Диснея, с ходу перечисляя десятки фамилий и названий лент. Миядзаки понимает, что он в одном ряду с великими, так же как в один ряд с писателями планетарного масштаба Нобелевский комитет поставил Ясунари Кавабату или Кэндзабуро Оэ. Отдельный вопрос – уютно ли им там, но главное, что в ряду, а не выше его. Фанаты аниме – отаку – как будто не слышат слов своего кумира, полностью погружаясь в мир анимации, который для них из ряда вон выходящ, в своем погружении в него опускаются до уровня аниме-аутизма, когда реальная жизнь заменяется симулякром картинки на

экране.

Во-вторых, нигде больше порно не идет за художественным авангардом столь организованно и напористо. Более того, ни одно другое искусство не содержит даже в легальной своей части элементов «софт-порно», вполне естественных в силу их национальных традиций для японцев и сеющих разруху в головах представителей иных цивилизаций. Не так уж много найдется аниме-сериалов, в которых героиня не показывала бы с маньячным постоянством полоску трусиков или где не попадала бы в кадр ее бурно вздымающаяся грудь четвертого размера. Причем обычно такая героиня – девочка-подросток, школьница. Наконец, ни одно другое искусство не создает так исподволь, ненавязчиво, умело культя однополой любви: для девочек – юри, для мальчиков – яой. Только в аниме есть специальные разделы, посвященные этому.

Но пусть дело отнюдь не только в порно – в конце концов, оно действительно есть везде, и его можно хотя бы попытаться запретить.

Подавляющее большинство сериалов аниме примитивны. Я имею в виду их художественный уровень и интеллектуальную наполненность. Их статичные картинки, передвигаемые по вычерченному фону будто на ниточках, напоминают мне если не «живопись» на заборе, то хотя бы в пещере, а я не поклонник заборно-пещерного искусства. Злословлю? Увы, нет. Не верите мне, послушайте авторов. Сами японцы, официально избравшие аниме главным орудием своей пропаганды, не просто признают это, но и подтверждают, что именно это качество стало определяющим в их выборе. Тот же Хаяо Миядзаки, видящий результаты своего труда, недавно констатировал: «То, что мы делаем, может лишить детей их способностей», а заодно и покритиковал слишком рьяного в своей любви к аниме премьера Асо: «По-моему, это стыдно. Это то, что он должен делать, не выставляя напоказ».

Однако у японских политиков своя логика: «Аниме имеет низкий порог восприятия и, следовательно, широкое поле для развития на чужой почве. Упрощенная культура аниме не требует специальной подготовки и способна понравиться даже людям с неразвитым эстетическим вкусом и интеллектом. В дальнейшем имеется в виду привитие через аниме интереса к более сложным формам японской культуры». Вывод: для создания позитивного имиджа Японии в мире, достижения политических целей и экономической выгоды следует считать аниме «отправной точкой для понимания японской культуры», – говорят специалисты Совета по культурной дипломатии Японии. И принцип «не хочешь – не смотри» здесь не подходит: Токиокладет все силы, чтобы каждый из нас посмотрел

аниме, а вдруг затянет?

«Много лет назад основным стимулом в изучении японского языка для молодых иностранцев был бизнес. Но теперь люди учат японский потому, что хотят читать мангу, играть в японские игры и читать книги по играм раньше, чем их переведут», – сказал недавно Ицунори Онодэра, старший заместитель министра иностранных дел Японии, комментируя успехи японского государственного пиара. Речь высокопоставленного дипломата прозвучала в Нагое – крупном японском городе, где состоялся Всемирный фестиваль косплей (от англ. *costumer play*). Съехавшие со всей Японии фанаты аниме и манги, увлеченные своим хобби настолько, что сами изготавливают и носят костюмы любимых персонажей, познакомились на фестивале со своими единомышленниками из США, Бразилии и Франции, прибывшими на «слет косплееров» по приглашению и за счет японского внешнеполитического ведомства. Позируя вместе с броско одетыми косплеерами, облаченный в деловой костюм Онодэра еще раз подтвердил, что Япония рассматривает мангу и аниме в качестве средства агитации и склонения на свою сторону иностранцев, особенно молодежи. Любопытно, что одновременно чиновник признался в собственных недостатках: «Я не знаю, персонажей какой манги вы изображаете, но уверен, что мои дети и молодые сотрудники МИДа хотели бы сфотографироваться с вами», – и тем самым подтвердил, что главное в этом деле – массовость. А остальное – не так важно. Когда новость о фестивале прозвучала в эфире «Эхо Москвы», первый же вопрос, заданный на радио слушателем, звучал так: «А хэнтай будет?» Похоже, что японских дипломатов, даже не знающих, с кем именно они в данный момент фотографируются, это не смущает. Их вообще трудно смутить. Расхождения в понимании того, для кого предназначены аниме и манга, удивительно не совпадают с их официальным позиционированием. Один из университетов в Киото с 2010 года готовит магистров по манге, а с 2012 года собирается выращивать в своих стенах докторов наук по... манге. Какое воспаленное воображение нужно иметь, чтобы можно было представить в одном ряду доктора, например, по физике, химии или политологии с доктором по манге? Пусть японская докторантура – всего лишь наша аспирантура, но все равно... Так и хочется спросить: «Доктор Манга, кто вы? Что вы?»

Здесь можно было бы написать еще многое. Например, привести статистику роста самоубийств среди фанатов аниме или вспомнить скандалы с запрещением «Покемонов», разгоревшиеся после того, как у детей, посмотревших сериал, начинались психозы. Но лично мне достаточно и того, что я не хочу считать себя существом «с низким порогом

восприятия» – попросту говоря, дебилом, не способным понимать дзюдо, чайную церемонию или икебану, не способным видеть иную – настоящую, живую, любимую мной Японию. Я хочу воспринимать мир на высоком уровне и не желаю, чтобы мои дети, насмотревшись японских мультиков, вдруг начали затрудняться с определением собственного пола – хотя бы из уважения к Японии. Поверьте, эта страна – не только аниме.

Только мой Зорге

Лирика

Никогда не думал, что настанет момент, когда я напишу о Зорге. Но японская осень – не только идеальное время для прогулок, но и повод для того, чтобы вспомнить об этом человеке, казненном 7 ноября 1944 года в токийской тюрьме Сугамо. У меня свое, совсем личное отношение к нему, и я вовсе не претендую на «научную новизну», набирая эти строки. Я не «зорговед» и не «зорголог», коих в отечестве и за его пределами немало. История жизни всего одного человека стала уже целой наукой, которая кормит десятки исследователей по всему миру. Мне интересно другое. Он жил, читал, писал, ходил, ел, любил, занимался сексом, пьянствовал и разбивался на мотоцикле, а потом умер и, умерев, стал на много лет никому абсолютно не нужен и не интересен. Никому, кроме одного человека – маленькой японской официантки с красивым голосом.

Прошли десятилетия после его смерти и все, что делал Зорге, все, чем он занимался, стало вдруг ужасно важно знать профессиональным исследователям, которые препарировали его жизнь, заботливо растянув ее за лапки на своих письменных столах, и принялись изучать ее сквозь лупу. Я не против науки, просто слишком уж мелкими смотрятся некоторые такие исследователи рядом с объектом изучения. Особенно мерзко это почему-то (почему бы?) выглядело у нас в стране – стране, ради которой он жил и умер – как влюбленный, как фанатик, как дурак для многих из тех, кто живет в ней сегодня.

Зорге в Советском Союзе открыли по команде – в 1964 году. Европейцы и американцы о нем знали и раньше. Особенно американцы. Не хочется повторяться, но очень похоже, что, спасая СССР, Зорге отвел войну на юг, фактически на Америку. Станным образом это и его заслуга в том, что американцы теперь чувствуют себя победителями и вечными властителями Японии, а мы, победив, думаем, как бы отказать в «северных территориях», чтобы и не обидеть, и денег получить.

Впрочем, речь не об этом. Действуя строго в русле «установок сверху», супруги Колесниковы положили жизнь Зорге в мраморный саркофаг книжной серии «Жизнь замечательных людей». Фигурой он был крупной, поэтому пришлось пристраивать ее в партийное прокрустово ложе – там усекли, тут кастрировали, зубы вставили, бутылку из

ослабевшей руки вынули. Неплохую, в общем-то, книжку втиснули в три буквы: ЖЗЛ. Сделали из него породистого разведчика – «Штирлица» Дальнего Востока. Но потом, когда грянула перестройка и бывшие партийные историки оказались во главе процесса демократизации отечественной науки, направление взгляда переменялось.

Зорге снова оказался фантастически удачной находкой. Открывает Бакатин архивы КГБ? У ГРУ тоже есть чем ошарашить «демократическую общественность»: Зорге был двойным шпионом! А при ближайшем рассмотрении тройным и даже четверным! Прошла борьба с пьянством, и даже президентам не возбраняется теперь падать в речку, укушавшись до свинского состояния? Нет проблем: вы знаете, как Зорге пил? Срочно надо на обложку свежего номера голую бабу, но с политическим подтекстом? Пожалуйста: Зорге – сексуальный маньяк, обесчестивший всех женщин германского посольства и пристававший к полицейскому комиссару Майзингеру!

И вот ведь что интересно: для каждого специалиста по Зорге действительно есть реальная основа для занятий. Станным он был человеком, удивительным, объемным – этот Рихард Зорге. Мне кажется, такие люди только в то время и могли жить. Сейчас Зорге не влез бы, не поместился на наши улицы, так и стоял бы у здания ГРУ, возвышаясь над всеми и не глядя ни на кого, как стоит сейчас его памятник на этом месте. За пару десятков лет своей жизни он обеспечил работой кучу народа. Да, наверное, он был великим шпионом. Вполне возможно, что и двойным, – почему нет? Впрочем, говорят, что двойные агенты столько не живут. Был он и великолепным журналистом, который, не зная досконально языка и не имея базового образования, понял страну и людей, в ней живущих, а поняв, делал прогнозы, которые удивительным образом сбывались, удивляя «спецов». Был он геополитиком, когда слово это не снилось даже отцам тех, кто сегодня вворачивает его куда попало, не понимая смысла. Был он и... Много кем был Зорге. Мне важно, что он просто был.

Я много раз видел его фотографии, сделанные в Токио, и не понимал, но чувствовал, что что-то не так, что-то важное ускользает от меня, уходит. Чтобы понять, пришлось в Токио пожить. Конечно, это была совсем другая жизнь – в Токио начала XXI века. Да и я, к счастью, не шпион. Мне было проще: общение с русскими почти каждый день, море иностранцев на улицах, да и японцы совсем не те, что 70 лет назад. Но там, в Токио, я впервые понял, что такое быть одному, что такое тоска, извините за банальность, по родине, усугубляющаяся к тому же внешней и внутренней «крайней азиатчиной» страны пребывания. Попробуйте каждый день ходить по улицам, возвышаясь на голову, а то и на две над окружающими,

выделяясь из толпы цветом кожи и волос, языком и разрезом глаз. Попробуйте каждый день приходиться в комнату площадью в шесть татами и устраиваться на ночлег, зная, что в щель занавесок за вами внимательно наблюдает в бинокль 80-летняя старушка из дома напротив. Ерунда это, если представить, каково было Зорге в его ситуации в ТОМ Токио.

Думая об этом, я пришел к выводу, что наверняка у него были «смягчающие обстоятельства», что жил он, допустим, где-то во дворе германского посольства, на улицу выходил редко, общался все больше с женой посла Отта, и черт еще знает, что могло быть, на что я надеялся, – надеялся, что ему тогда не было так плохо, как я об этом думал. С этой мыслью я пришел однажды к своему другу – русскому ученому Василию Молодякову, живущему в Токио давно и немало знающему о Зорге в силу научных пристрастий. Молодяков – один из немногих людей, понимающих смысл слова «геополитика» и представляющих, о чем идет речь, когда говорят о журналистской и научной работе Зорге. Мы полистали книги и очень скоро нашли описание места, где жил Зорге, у одного отечественного историка.

Топография

Из описания явствовало, что дома вдоль бывшей улицы Нага-дзака перестроены, а сама улица переименована в Отафуку-дзака. Найти ее можно по отличительной примете: рядом с местом, где находился дом Зорге, ныне стоит 18-этажное здание полицейского общежития. Других примет нет.

Сборы были недолги. Зная, что речь может идти о тех кварталах Адзабу-Роппонги, в которых и тогда и сейчас селилось множество иностранцев, мы немедленно туда и отправились. Больше четырех часов плутали мы по Адзабу, а круги, выписываемые по улице Гайэн-Хигаси, стали настолько часты и назойливы, что на нас с опаской начали коситься матерящиеся с хабаровским акцентом хостесс этого веселого района. Никто из японцев ничего подсказать нам не мог, никто про такую улицу и слыхом не слыхивал, а когда я предложил поинтересоваться у полицейского, доктор Молодяков резонно ответил: «И что мы скажем? Помогите нам найти дом русского шпиона, он тут недалеко от вашего общежития должен быть? Нет, я лучше молча поищу».

Улицу Отафуку-дзака мы все-таки нашли. Нашли, когда уже начало темнеть, и сами не поверили в свою удачу. Тем более что никакой 18-

этажной общаги и в помине не было рядом. И вот когда я увидел, где жил Зорге, я понял, чего мне не доставало в представлении об этом человеке. Дом советского шпиона стоял в нескольких сотнях метров от советского посольства. В те времена между ними не было хайвея, Американского клуба и садомазохистского «рабу хотэру», воспетого Дашей Асламовой, и вполне возможно, что, выйдя на улицу, Зорге мог видеть посольство СССР. В 30-х годах прошлого века оно находилось там же, где и сейчас.

Мы стояли на этой улице и пытались представить, как должно было быть трудно человеку, не просто иностранцу в чужой стране, а шпиону, работающему против всех, кто его окружал, – против Японии, Германии, Америки, как трудно ему было одному! Попробуйте вообразить, что такое каждый вечер возвращаться домой мимо стен посольства единственной страны, где, как он думал, его знают и ждут. Пусть не сегодня, пусть после войны, но ждут как своего. Каждый день – утром и вечером проходить, проезжать мимо стены, за которой свои. Каждый день на грани фолла – девять лет. А фолл для него – не высылка и даже не тюрьма, а веревка и люк, который однажды все-таки провалится прямо под ногами. Теперь мне стало понятно и отчасти – от миллионной части – прочувствовано все: и женщины, флирт с которыми был не столь приятен, сколь опасен, и пьянство – извечное русское лекарство от тоски, и мотоцикл – как приятное лекарство от жизни. И такой от этого чувства мороз по коже...

Знаете, когда я встал на этой улице, у меня остался только один вопрос: как Зорге вообще выжил в Токио 30-х, не наложив на себя руки? Но и на этот вопрос я нашел ответ.

Снова лирика

Пиво, вино, мотоцикл и женщины – это были клапаны души Зорге. Через них он выпускал пар, и благодаря им его душа нашла успокоение и память. В ресторане «Золото Рейна» у папаши Кетеля он встретил поющую официантку Ханako Исии, которая, возможно, выполняла и функции хостесс – болтала с клиентами. Мы до сих пор не знаем, на каком языке они разговаривали, но, скорее всего, на японском – у Зорге был достаточный словарный запас для бытового общения. Что же касается ее, то мне доводилось читать о трогательной любви Ханako к Советскому Союзу и чуть ли не о ее преданности делу Коммунистического интернационала и Разведуправления РККА. Какой бред!

Маленькая японская девочка по уши влюбилась в вечно пьяного, но

щедрого и огромного хэнна-гайдзина на мотоцикле. Странный иностранец задел в ней что-то, что потом позволило ей перенести допросы в контрразведке. Она о многом догадывалась, и это «многое» были не только другие женщины. «Разве не естественно ТАКОМУ мужчине иметь нескольких любовниц?» – писала она в своих мемуарах. На допросах в контрразведке она не сказала ничего и о других своих догадках, гораздо менее безобидных, а Зорге в это время просил прокурора оставить Ханako в покое: «Она со временем выйдет замуж за школьного учителя. Прошу вас, не вмешивайте ее в это дело».

Ей не нужен был школьный учитель. После войны Ханako Исии два года осаждала тюрьму Сугамо, добиваясь разрешения найти и похоронить прах Зорге по-человечески. Ее презирали и над ней издевались, но в конце концов уступили. Из общей могилы неопознанных трупов она достала крупный череп с золотыми коронками и кости ног, одну короче другой (память о ранении в Первую мировую), с засевшими в них осколками. Из коронки Ханako сделала себе кольцо и носила его всю жизнь. Она просила Зорге жениться на ней, хотела от него ребенка. Получила только кольцо. Наверное, когда она умерла (совсем недавно – на рубеже столетий), кольцо сожгли вместе с ней.

Только тот, кто представляет реалии японского быта, может понять, как смеялись (а это страшное слово в Японии!) над ней соседи и издевались сослуживцы. Ее и сейчас слегка презирают. В любой книжке о Зорге Ханako Исии посвящено несколько строк: «японская подружка», «певичка из ресторана Кетеля», в лучшем случае – «гражданская жена Зорге». А ей было плевать – на этих авторов, ни один из которых не рылся в истлевших трупах тюремного рва, на американцев, на немцев, на Сталина, который отказался признать, что Зорге вообще существовал, на Хрущева, который перед отставкой вспомнил о покойном, на Брежнева, при котором имя Зорге стало «священной коровой», на молодых русских шпионов, каждое 7 ноября стройными колоннами порезидентурно отправляющихся на кладбище к Зорге, – на всех плевать. Она знала, что он был просто большим усталым человеком, которому было известно, что впереди ничего нет. А рядом только она – Ханako.

У каждого из нас может быть свой Зорге. Но настоящий был только у нее – потому что любила.

Снова топография

Еще совсем недавно, если идти по Харуми-дори от главного перекрестка Гиндзы – где высятся универмаги «Мицукоси» и «Вако», здание Санай-биру, известное в народе как «стакан», – в сторону центра и повернуть налево на Намики-дори, то через пару сотен метров, еще до первого перекрестка, по левой стороне можно было найти этот дом. Дом как дом, ничего необычного. На первом этаже большое, до пола, окно, рядом дверь, над ними крупные буквы KETEL. И металлическая мемориальная доска с портретом красивого пожилого европейца.

Этот европеец – Гельмут Кетель, основатель заведения, называвшегося перед войной «Золото Рейна». В начале прошлого века он жил в Китае, в городе Циндао, который с 1897 года был арендован Германией (поэтому китайское пиво «Циндао» можно пить смело – похоже на немецкое!). С началом мировой войны в 1914 году японцы осадили и после упорных боев захватили город, пленив гарнизон крепости и интернировав гражданских лиц. Кетель перебрался в Японию и осел там. В 1930 году он основал ресторан на Гиндзе, на этом месте, но в другом здании, которое было разрушено в войну.

Немцев, да и вообще белых гайдзинов в тогдашнем Токио было куда меньше, чем сейчас. Немецких «бирштубе» (пивных) не имелось вовсе, а только японские подделки под них. Кетель, бывший уже в годах, а потому известный как «папаша Кетель», решил создать самую что ни на есть настоящую «бирштубе» с немецким пивом и немецкими сосисками. С разливным пивом были проблемы, зато ассортимент бутылочного впечатлял. Официанток-японок он одел в традиционные немецкие костюмы.

Правила у «папаши Кетеля» были весьма занятные. Жалованья официанткам он не платил и даже, по некоторым сведениям, заставлял их выкупать «спецодежду» – те самые немецкие платья. Зато оставлял им все чаевые. Вот уж поистине – «как поработал – так и заработал». Заведение, несмотря на немалые цены, процветало. В первую очередь за счет немцев, которых по мере развития сотрудничества между Третьим рейхом и Страной восходящего солнца здесь становилось все больше. Гайдзины были щедрыми и дарили своим вниманием молодых японок, поэтому от нехватки персонала хозяин не страдал.

Самым знаменитым посетителем ресторана «Рейнгольд» оказался Рихард Зорге, который заслуживает мемориальной доски на Гиндзе не меньше, чем «папаша». От одиннадцати лет (включая три года заключения) его жизни в Токио связанных с ним «памятных мест» почти не осталось. Ни старого здания германского посольства, где протекала его легальная и

нелегальная деятельность, ни дома на Отафуку-дзака, где он жил, ни построенного Франком Ллойдом Райтом «Империал-отеля», в баре которого он глушил виски, ни тюрьмы Сугамо, в которой он сидел и был казнен. Разве что здание парламента, где Зорге как журналист не мог не бывать, еще стоит...

С «Кетелем» меня познакомил и рассказал его историю Василий Молодяков. Когда-то он тоже подрабатывал в Токио гидом, но в соответствии с образованием и склонностями придавал своим экскурсиям историко-политический уклон. Заканчивались они обычно на Гиндзе, в «Кетеле», где за бутылкой доброго «Варштайнера» или «Шнайдервайса» доктор Молодяков рассказывал историю этого заведения и его посетителей. В том числе и послевоенных: оказывается, это было одно из любимых мест встреч беглого майора КГБ Левченко с его высокопоставленными японскими «информаторами». Статус заведения позволял пригласить туда, скажем, заместителя главного редактора газеты «Асахи» (а это немалая величина) и за бутылкой-другой пива мягко предложить ему продать родину.

Мы с Василием полюбили «Кетель», хотя ходить туда часто было не по карману. Водили своих друзей и подруг, коллег, потом туристов, включая веселую компанию болельщиков во время чемпионата мира по футболу в 2002 году. Про Зорге в заведении уже никто не помнил, а может, не хотел вспоминать – имя-то в Японии известное! В зале всегда сидел полный пожилой немец, хотя весь персонал был японский. Хозяин? Не спросили. А теперь уже негде и некого.

Густое пиво с трудом стекало по стенкам бутылки, и для его скорейшего попадания в стаканы здесь был разработан целый ритуал. Официантка быстро и ловко перекачивала опрокинутую бутылку в ладонях, и пенящаяся жидкость под воздействием каких-то хитрых физических законов красиво «скручивалась» в высокий бокал. Вкупе со своеобразной обстановкой, нарядом официанток и знанием истории места это производило неизгладимое впечатление.

Финальным аккордом каждого посещения «Кетеля» был расчет в кассе. Никаких калькуляторов и, боже упаси, кассовых аппаратов. Неторопливая, но сноровистая пожилая японка вручную заполняла счет, подсчитывая сумму на соробане – старинных японских счетах. Не удивлюсь, если Зорге лез в свой кошелек под звук этих же самых костяшек.

Летом 2005 года «Кетель» закрыли, а мемориальную доску сняли. Ни «тетушку-кассира», ни японских официанток в немецких платьях, «раскатывающих» «Шнайдер вайс», мы так и не удосужились

сфотографировать. Тогда нам казалось, что «Кетель» вечен и все еще успеется. Мы ошиблись, и на память осталась только пара любительских снимков, сделанных во время очередного туристического визита, да завалившийся в бумажнике счет – за посещение «самого шпионского бара Токио». А жаль – было бы любопытно.

Островной вуайеризм

Теория

«Во время пожара в гараже на станции Мидзоногути в городе Кавасаки пострадали два человека: Ямала Кеко-сан, 73 лет, и Танака Юрико-сан, 69 лет, живущие в доме напротив горевшего гаража, вышли на свои балконы и, желая увидеть все получше, перевалялись через перила». Из новостей японского телевидения, март 2003 года.

О том, что японцы любопытны, любопытны чертовски, как дети, хотя и тщательно это скрывают, я уже упоминал. Это не новость, и об этой черте их характера знает каждый, кто с ними общался. Возможно, и нет в мире другого такого народа, чьи представители столь ярко и, если позволяет обстановка, непосредственно реагируют на все новое, что входит в их жизнь. Но, наверное, мое отношение к этой особенности японского менталитета ограничилось бы таким же любопытством, если бы на нее не обратил мое внимание профессор А.А. Долин, давно ее подметивший и сам записавший о ней массу интересных наблюдений. Позже, уже в России, на одной научной конференции покойный ныне японовед В.Н. Еремин высказал мысль о том, что «японцы веками с завистью смотрели на материк» и эта зависть стала одним из движущих мотивов для знаменитого японского заимствования. Меня его тезис задел и заставил глубже и серьезнее поразмышлять над теорией о японском любопытстве.

Для тех, кто забыл, напомню, что Япония – гомогенное государство, практически не знающее внешних этнических вливаний. 98% ее населения – японцы, и это очень важный показатель. Во всяком случае, внешние вливания всегда были настолько небольшими (и продолжают оставаться такими сейчас), что мы можем смело их игнорировать. Китай оставался главным культурным и технологическим донором для Японии на всем протяжении ее истории вплоть до середины XIX века, то есть примерно полторы тысячи лет, но при этом японская культура всегда осмыслялась как самостоятельная и престижная. Даже иероглифы, пришедшие из Китая, в самой Японии китайскими уже не считаются: «Это наше!» Но в данном случае наиболее интересное заключается в том, что в отличие от того же Китая японцы не помещают свою страну в центр схемы мироздания, а осознают себя на ее периферии. С одной стороны, это позволяет довольно успешно, хотя и не всегда, блокировать свойственный любой империи

комплекс «супердержавности», а с другой – дистанцировать себя от излишне бурной истории материковой Азии: мол, мы, конечно, на вас слегка похожи, но у нас тут все свое.

С другой стороны, оригинальное (по сравнению с другими островными странами и народами) удаление Японии от континента и по сей день позволяет японцам наблюдать за событиями, происходящими за пределами их цивилизации, с некоторого безопасного расстояния. Г. Ш. Чхартишвили (Борис Акунин) назвал когда-то такое положение вещей «взглядом из аквариума», и это выражение мне кажется вполне уместным для характеристики отношения японцев к внешнему миру, несмотря на его, возможно, недостаточную научность.

Японцы прекрасно понимают и, мне кажется, подсознательно понимали это всегда, что желание участвовать в цивилизационном процессе, проходящем за пределами прозрачных, но надежных стен их «аквариума», может окончиться для них весьма печально. Как известно, история неоднократно подтверждала их правоту, когда смелость и жадность перевешивали ту чашу весов, на которой были разум и опыт. Неудачей закончились два японских военных похода в Корею, а катастрофические последствия экспансии на материк в начале прошлого века едва не привели к исчезновению самой Японии. В то же время японцы не случайно называли «божественным ветром» – камикадзе – тайфуны, дважды топившие монголо-китайский флот, направлявшийся в XIII веке для завоевания Японии. То самое оригинальное расстояние от островов до материка оказалось достаточным, чтобы уберечь страну Ямато от непрошенных гостей в эпоху раннего Средневековья, а это, в свою очередь, дало импульс для прочного уверования в собственную безопасность и уникальность. Конечно, во времена паровых судов Япония, естественно, уже не могла уклониться от внешнего влияния, но к тому времени основы национальной психологии оказались уже заложены, и, хотя они не перестают меняться и совершенствоваться и сейчас, все же японцы по-прежнему воспринимают мир достаточно отстраненно. Сейчас, в эпоху глобализации, этому способствуют уже другие факторы, но о них чуть позже.

Наконец, есть и еще одно качество, способствующее формированию у японцев чувства именно безопасного любопытства и, как следствие, безопасного заимствования. Мне представляется чрезвычайно важным тот факт, что японцы не воспринимают никакую культуру, никакую религию, никакие цивилизационные достижения системно, и в доказательство этой теории я обращусь к работам уже знакомого нам писателя и чиновника, специального советника Кабинета министров Японии Таити Сакаия.

В своей книге «Что такое Япония?» автор в главе под показательным названием «Виновники цивилизации в Японии» указывает в качестве одного из таковых именно традицию «воспринимать зарубежную культуру выборочно, отбрасывая ненужное». Сопоставляя и анализируя те же самые три фактора, что я привел выше, Т. Сакаия заостряет внимание на том, что страна, отделенная от материка «не такой уж малой водной преградой», оказалась в древности в положении, когда культура (имеется в виду прежде всего буддийская культура) уже пришла – этому способствовали капельные этнические вливания и не принявший массивного характера товарообмен с Китаем и Кореей, а политическая мощь еще не появилась. Долгий конфликт между ними оказался невозможен, и это наложило отпечаток на всю японскую цивилизацию.

Именно тогда, в тот период было принято уникальное решение о сосуществовании двух важнейших религий Японии – синтоизма и буддизма. Несмотря на первоначально острые разногласия по вопросу об «огосударствлении» буддизма, несмотря на единственную в истории Японии религиозную войну и столь же исключительный факт убийства самого императора, японской нации все же удалось найти выход из создавшейся, казалось бы, патовой ситуации. Принцу Сетоку Тайси, жившему на рубеже VI–VII веков, то есть как раз в этот период, приписывается странная на первый взгляд идея. Смысл ее заключается в том, что истинного расцвета японское общество сможет достичь только в том случае, если «синтоизм сделать стволем, буддизму позволить покрыть его своими ветвями и дать зеленеть на них листве – конфуцианской этике». Столь парадоксальная и одновременно столь же реалистичная концепция привела к тому, что японский народ навсегда лишился проблемы выбора между различными конфессиями. Если можно все, зачем выбирать? Учитывая, что отношение к религии является одним из стержней формирования национальной психологии, неудивительно, что это могло повлечь и закладку в головы японцев описываемого феномена «невосприимчивости любой культуры системно».

Соединяя описанные источники и составные части понимания некоторых черт японской этнопсихологии, легко можно сделать следующий вывод. Японцы, отделенные от материка уникальной водной преградой, постоянно получали хотя и дозированную, но в целом довольно полную информацию о картине близкой к ним части мира и событиях, в нем происходящих. Они знали и хорошо представляли себе не только заманчивость вовлечения Японии в общий ход развития исторического процесса в Восточной Азии, но и опасности, связанные с этим. Даже если

бы они и хотели тем или иным образом в этом процессе участвовать, географические, климатические и политические условия слишком долго не позволяли им это желание осуществить. Одновременно благодаря той же удаленности от континента японцы вплоть до позапрошлого века чувствовали себя в относительной безопасности от порой разрушительных событий, происходящих на том берегу Японского моря.

Ничто так не провоцирует любопытство, как возможность наблюдения за процессом с одновременным ощущением собственной безопасности. Да, японцы с интересом следили за событиями на континенте, но интерес их не сопровождался чувством зависти. Наоборот, это было чувство безопасного любопытства, своеобразный островной вуайеризм, который вкупе с описанным эффектом несистемного восприятия культуры дал мощный посыл для развития столь удивляющего нас и столь важного для японцев умения заимствовать. Заимствовать не копируя, а креативно, творчески, переосмысляя и доводя до изыска любую модель – порождение материковой цивилизации, будь то португальский мушкет и чайная церемония в древности или магнитофон и конвейер в наши дни.

Практика

Японцы любопытны, но при этом их любопытство носит быстротекущий характер. Не воспринимая ничего в комплексе, они ищут ответы на отдельные конкретные вопросы, интересующие их в данный момент. Это хорошо видно в отношении японцев к иностранцам. А. А. Долин отметил, что отличительной чертой японского любопытства является поиск различий, а не сходства, что характерно для европейской, а также русской цивилизации.

Не могу удержаться от цитирования интервью с профессором из книги «Тайва»: «Для японцев интересны различия, а не сходство. Когда мы знакомимся с европейцами или американцами, то сразу ищем – чем мы похожи? Ищем сходство, а японцы ищут отличия! Даже если мы знакомимся с новым человеком, то ищем, что нас сближает, а не что разделяет. У японцев все наоборот – им интересно то, что отличает иностранцев от них. Почему человек – гайдзин, ну почему он такой? Это могут быть хорошие отличия, могут быть и плохие, – как, например, то, что мы можем не снимать обувь, когда входим в дом. С японской точки зрения, это все равно, что не мыть руки перед едой, а с нашей точки зрения, ополаскивать руки в домашнем туалете без мыла из крана над унитазом»

довольно странно.

По своему опыту и по опыту своих знакомых – неяпонцев – я знаю, что контакты с японцами держатся какое-то время на любопытстве. А когда оно исчерпывается, то вроде и говорить больше не о чем – все закончилось. Бывают исключения, но, видимо, очень редкие. У них нет осознанного стремления сохранить связь с человеком, который им чем-то интересен, близок. Разве что на уровне формального обмена новогодними открытками».

Мне нередко приходилось слышать подтверждение такой трактовки японского любопытства и от «японских жен»: по их мнению, некоторые из мужей, пожелавших найти себе новых необычных, белых жен, сделали это не из-за любви, а лишь руководствуясь все тем же пресловутым любопытством («что она за зверек такой?»), которое с течением времени исчерпывается.

Но, пожалуй, наиболее распространенный случай демонстрации безопасного любопытства – желание узнать возраст собеседника, порой шокирующее приезжающих в Японию иностранцев, особенно женщин. Помимо попытки удовлетворить свой интерес, узнавание возраста имеет, по-видимому, целью установление места собеседника в иерархической лестнице, а следовательно, и определение метода, манеры общения с ним, выбора языкового стиля. В результате любое упоминание фамилии человека в СМИ сопровождается констатацией в скобках его возраста – это и полезно, даже необходимо для выработки линии поведения и приятно, так как часто за вопросом о возрасте следуют вопросы о семейном положении, образовании, месте жительства и так далее.

На определенном уровне любопытство, замешанное на крайне низком уровне представления об окружающем мире, дает весьма комичный результат. В предисловии я рассказывал об удивлении, которое испытывают многие японцы, узнав, что четыре сезона бывают не только у них на родине. На страницах «Японского журнала – Japop. ru» мы публиковали и любопытные исследования на эту тему одного из наших авторов – Марии Левченко. Она, тоже стажирясь в свое время в Японии, создала список из 10 самых популярных вопросов о России, которые задавали ей и ее друзьям японцы. Вот он.

1. В России очень холодно, не так ли?
2. Не правда ли, Россия находится очень далеко отсюда?
3. В России есть смена времен года?
4. Вы, русские, любите выпить?
5. А водку как – каждый день пьете?

6. А все русские такие крупные и высокие (как ты)?
7. Вы ведь дома обувь не снимаете, конечно?
8. Вы едите мороженое зимой, потому что вам жарко?
9. Как часто вы ездите путешествовать по БАМу?
10. А у вас все умеют плясать «казачка»?

Признаюсь: мне нечего к этому добавить. Разве что список вопросов экзотических из той же коллекции Маши Левченко:

- Где в Сибири Лебединое озеро?
- Как обстоят дела на русско-бразильской границе?
- В Москве много гор? Что, неужели совсем ни одной горы?!!
- Что еще написал Толстой, кроме «Фауста»?
- Что является столицей России?

Подобных примеров можно привести еще множество, но пусть они останутся для каждого из нас частью личного опыта и будут подспорьем в правильном понимании особенностей японского народа.

Японцы постоянно ищут новое, ищут то, что можно использовать для себя. Безусловно, это хорошее качество, во многом позволившее японцам стать японцами и толкающее их в пучину глобализации. Они пытаются «найти 10 отличий», понять, насколько это им может пригодиться, а найдя эти отличия и проанализировав их в меру своих способностей и необходимости, немедленно успокаиваются и далее не проявляют к бывшему предмету своего интереса никакого внимания. Обучающая сущность объекта оказывается исчерпана, и японцы переключаются на поиск и изучение новой – более современной, перспективной темы. Два тысячелетия жизни за «водяным занавесом» приучили их быть любопытными, но не завидовать и, как следствие, не бездумно копировать, а разделять, совершенствовать и... сохранять дистанцию, тщательно оберегая столь хрупкие в эпоху глобализации стенки своего «аквариума».

Вкус «Чинкоро»

Что такое якитори, знает каждый москвич половозрелого возраста. Почти никто не знает, какая широкая и глубокая пропасть разделяет те якитори, которые можно попробовать в любом из более чем 160 московских заведений общепита с японской кухней, от тех, что готовят на земле священных птиц. Я же с помощью якитори на собственной шкуре ощутил, что такое японское любопытство.

На всякий случай повторю еще раз: якитори – маленькие шашлычки,

которые, как правило, готовят из курицы. Курица, в свою очередь, для японцев птица священная, так как именно петухи помогли в свое время (весьма от нас отдаленное) выманить из пещеры на свет богиню солнца Аматаэрасу и разрешить тем самым сложный конфликт общенационального масштаба.

Однако японцы не индусы и к курице относятся со свойственным им практицизмом – варят, парят, жарят ее всяческими способами и с завидным мастерством и даже едят сырой, включая печень, сердце и прочий куриный ливер. Если птичий грипп долетит до Японии, японцы перестанут верить своим «божественным ветрам» – камикадзе. Якитори – одно из самых популярных здесь блюд. Маленькие фрагменты тела курицы, нанизанные на тонкие палочки длиной около 15 сантиметров, отлично прожариваются и в сочетании с японскими соусами, такими же жареными овощами, а главное, с пивом создают неповторимый устойчивый вкус. О пиве напоминаю особо – если вы его не пьете, делать в японской якитории (заведении, где подают якитори) вам нечего.

Но даже в японских якиториях не всегда можно встретить то отношение к искусству жарки куриных останков, какое мне довелось увидеть в маленьком, совершенно по-японски уютном, рассчитанном всего на девять посадочных мест заведении под названием «Чинкоро».

Дело было в городе Кобэ – когда-то главном приюте русских эмигрантов, сейчас – крупнейшем японском порте, но сам «Чинкоро» расположен в стороне от туристических трасс, и в эту якиторию иностранцы заглядывают крайне редко – по приглашению своих японских друзей, которые бронируют тут места задолго до появления гостя. Мне повезло с друзьями – меня пригласили в «Чинкоро».

Примерно два часа мы провели, наблюдая за «повелителем огня» – шефом по имени Китамура-сан. Молниеносно реагируя на невнятные (пиво и сакэ лились рекой) запросы посетителей, он готовил и обычные варианты якитори – крылышки, кусочки окорочков, кожу, печенку, – и блюда, мною ранее не пробованные, вроде сырой куриной печени, слегка присыпанной зеленым луком.

Замечая, что краешки маленьких кусочков мяса на микровертелах начинают пригорать, он мгновенно убирал их с огня и ножницами состригал слегка обуглившиеся уголки. В результате курица имела вид слегка не рассчитавшей время в солярии, а ее вкус невозможно передать – он был настолько тонок, что вряд ли я смогу пойти теперь в обычную якиторию.

Все это время не прекращалась беседа: ушлые завсегдатаи с интересом

рассматривали «белого иностранца», вслух обсуждали длину моего носа, трогали его, дергали за уши – я ощущал себя первым гайдзином в портовом Кобэ за последние лет сто. Несколько раз дверь за моей спиной приоткрывалась, и в нее просовывались сразу несколько подвыпивших физиономий, которые внимательно меня изучали, слегка приоткрыв рты. Когда пьяные в стельку посетители слишком уж перешли через край безопасного вуайеризма, пришлось остановить их, слегка шлепнув одного по руке и сделав замечание по-японски. После минутного шока и получасовых извинений японцы перешли к обсуждению с нами отличий кансайского диалекта от языка Канто. Причем примеры подбирали не просто из собственной практики, а исходя из только что сложившейся ситуации: «Вот меня, скотину неучтивую, вы на токийском диалекте называли просто дураком. А у нас в Кансае для этого есть специальное слово...»

Пришлось мне ответить и на вопросы о возрасте, цели и месте пребывания в Кобэ, холодном русском климате и белых медведях на Красной площади, и на многие другие вопросы, которые так любят задавать японцы, особенно когда им вкусно и любопытно. А у меня тоже были к японцам свои – русские вопросы, задать которые я решился, исходя исключительно из чувства безопасного вуайеризма.

Пьяный ангел

Работа журналиста вообще хороша тем, что иногда можно себе позволить то, что приличный человек себе позволить не может. Или за что ему потом будет очень стыдно. Ну, или хотя бы не очень. Журналист в такой ситуации может с чистым сердцем сказать «Это я погружался в массы», или «Это у меня такой метод исследования жизни» – я гонзо-журналист, или... Да мало ли что может соврать журналист, чтобы его считали приличным человеком. Главное в такой ситуации не врать, работать «чукчей», писать о том, что видел, а чего не видел – о том не писать. А если есть какие личные недостатки, пороки даже, то их во славу дела обращать, и все получится. Один известный писатель меня так и учил: «Есть недостатки? Сделайте их достоинствами!» Я же решил просто поэкспериментировать.

Знающие люди скажут, что жить в Японии и не пить могут только святые люди. Их статуи помещают потом в храмах, называют их бодхисатвами и за доступ к ним бросают в зарешеченный ящик йенки.

Уж очень вкусное здесь пиво, и слишком уж оно подходит к местной кухне. Как отъять неотъемлемое? Никак. Несмотря на то что я никогда не относился к числу любителей алкоголя, в Японии я начал пить пиво, а однажды – ради изучения межличностных отношений в этой стране – выпил водки. В первый раз в своей жизни.

Ради этого мы с девушкой отправились в идзакаю – типично японский кабачок, которых здесь пруд пруди. Обычно они располагаются у станций, чтобы трудовой японский народ выпил и... раз – и в последнюю электричку запрыгнул, а не бродил бы по улицам, оскорбляя своим видом японскую нравственность.

Поднялись на пятый этаж. Обстановка как во всех идзакаях: немножко темновато, но в целом уютно, из окна виднеется город Кавасаки и вытекающие будто прямо из-под пола электрички в Токио. Сели, заказали бутылку водки. Расторопный мордастый официант быстро принес бутылку. «Сантори», – прочитала девушка и с беспокойством спросила, нет ли у них «Столичной», «Посольской» или хоть какой русско-польской водки. Оказалось, нет. Отказывать было поздно – второй раз я на такой эксперимент не решился бы. Поэтому попросил только вместо принесенного кошачьего блюда с местными соленьями соленых огурцов. Возникли трудности перевода: как «соленые огурцы» по-японски? Огурцы с солью? Но ведь это не соленые огурцы! Не описывать же официанту процесс засолки, чтобы он понял, о чем речь. Тем более что с процессом я знаком шапочно, да и он все равно не поймет! Ладно: огурцы с солью, значит, огурцы с солью.

Водка на вкус оказалась отвратительной, и из боязни, что долго я ее пить не смогу, прежде чем официант успел уйти, я махнул залпом четыре стограммовые пиалы с водкой и закусил их принесенным свежим огурцом, густо посыпав его солью. Щекастая физиономия японца выразила мимолетное удивление и снова погрузилась в беспристрастно-предупредительное выражение, а вот девушка моя, не успевшая это остановить, явно забеспокоилась и потянула меня к выходу. Вовремя: выйдя из лифта на первом этаже, я с трудом стоял на ногах. В верхней части черепа сгущались облака, как на вершине Фудзи перед дождем. Предчувствуя бурю, девушку я отправил домой, а сам нетвердыми шагами отправился в обход торгово-питейного комплекса – в сторону входа на станцию. Эксперимент начался.

Как всем известно, Венечка Ерофеев не смог найти Кремль в огромной Москве – в одном из самых больших мегаполисов мира, в перенаселенном городе с практически полным отсутствием дорожных указателей и со

враждебной к нему – к пьяному Венечке – социальной средой. Да и выпил Венечка не в пример больше моего. И все же мой случай оказался тяжелее. С первой попытки мне не удалось даже обойти торговый центр. Ноги почему-то отказались нести меня к электричке, и сам собой я вышел к пятнадцатипятиэтажному жилому дому с небольшим двориком, где с изумлением понял, что всю жизнь мечтал полежать на деревянной скамейке под сенью кипарисов, скрывающих меня от луны.

Описывать состояние тяжелого алкогольного отравления водкой «Сантори» я не буду. Скажу лишь, что, с трудом дождавшись половины пятого утра и опрометчиво решив, что получаса мне хватит, чтобы преодолеть пятьсот метров до станции, я отправился в путь. Некоторые, наиболее сложные участки пути я преодолевал на карачках. Вид мой был жалок и ужасен, но вот что главное. Даже в этом состоянии я замечал, что, несмотря на мизерабельность моего положения, в каждом прохожем японце светится искреннее сочувствие, сопереживание моему горю. Самые отчаянные, стараясь на всякий случай слишком ко мне не приближаться, пытались даже заговаривать со мной, комментируя мое состояние уверениями в том, что и сами они совсем недавно, да практически намеренно, выглядели точно так же. Это – Япония: великая страна, где есть люди, которым хочется ехать куда-то в половине пятого утра и при этом еще разговаривать с мычащим и ползущим на карачках, как наполеоновский солдат из России, гайдзином о превратностях жизненного пути, омраченного алкогольной зависимостью.

Несколько раз я валился в придорожные кусты отдохнуть. Никто и в этом случае не посмотрел на меня с осуждением. Никто не попытался пнуть беззащитного иностранца, а тем паче обобрать. Малюсенькая старушонка – из тех, что становятся завсегдатаями врачей-терапевтов и «Клуба для тех, кому за 90», наклонилась ко мне и что-то прошамкала, обдав меня перегаром сакэ и сырой рыбы, отчего мне пришлось заползти в кусты еще глубже, чтобы там в одиночестве порадоваться тому, что я хотя бы не ел сасими.

Путь до станции занял у меня более часа. Перед турникетами мне надо было выпрямиться, чтобы вставить карточку. Сил на это я не нашел. Умоляюще посмотрел я на служащего-экиина, и тот, хотя и без удовольствия, но поддержал меня за руку, помог преодолеть турникет и посадил на эскалатор, опускающийся вниз, на платформу.

Двадцать пять минут до станции Кавасаки пролетели незаметно. Я тихо сидел в углу сияющей чистотой электрички и пытался поддерживать разговор с пассажирами с помощью междометий. Сочувствующих мне в

вагоне оказалось предостаточно. На сиденье напротив расположился молодой работяга, разложивший на коленях ультратонкий ноутбук «Мураманса», в раскрытый зев которого каждые две минуты падал его сосед – краснорожий толстяк, видимо засидевшийся до утра и возвращающийся домой. С толстяка катились крупные, но совершенно без запаха капли пота, воздух в вагоне, несмотря на кондиционирование, заметно отдавал уже знакомым мне продуктом освоения сакэ, пива и сырой рыбы, а парень терпеливо и вежливо возвращал толстяка на место рядом с собой. Тот валился снова.

Переход на линию Кэйхин–Тохоку отнял у меня последние силы. В свою электричку я смог вползти еще сам, но, подъезжая к родной станции, понял, что лучше прибегнуть к помощи японцев. В их трогательном отношении к пьяным я уже почти не сомневался. Мне нужно было только последнее доказательство. Я промычал просьбу вынести меня на следующей станции. Пара клерков в одинаковых синих костюмах наклонились ко мне и, едва в вагоне раздалось «Оомори. Оомори дэс», бережно выкатили меня на платформу сквозь раскрывшиеся двери.

Домой я полз, уже совершенно уверенный в том, что жизнь в этой стране хороша. Здесь можно даже напиться так безобразно, как это сделал я, но окружающие будут к тебе добры и снисходительны. Рай для пьяных существует – он в Японии. Главное – не пить всякую гадость. Ведь еще в 1923 году один иностранец писал о продукции «Сантори»: «Глотнув, я почувствовал, как подо мной ходуном заходил пол. «Проклятое осакское виски», – подумал я. Но оказалось, что это землетрясение». Дома, в России, я бы так рискнуть не решился бы. Даже в японском ресторане.

С палочками наперевес

Да, раз уж мы снова и снова заговариваем о японской кухне, видно, не избежать нам и рассуждений о символе «московской Японии» – ресторанах этой страны в нашей столице.

Популярность японской кухни в Москве шокирует в первую очередь самих японцев. Приезжая в российскую столицу, они меньше всего ожидают увидеть уже привычное аборигенам обилие увеселительных заведений, пробки на дорогах и японские рестораны. При этом больше всего японцев шокирует то, что японскую кухню можно теперь попробовать не только в этнически определенных заведениях. Сугубо московская изюминка – вставка кулинарии божественных островов в

заведениях общепита, никакого отношения к Востоку не имеющих.

Мода и деньги определяют вкус большинства столичных рестораторов, ведущих за собой толпы поклонников аниме и Мураками. Из полутора-двух сотен ресторанов японской кухни около двух третей составляют заведения, «вмонтированные» в другие рестораны. Кто не знает о том, что в пиццерии можно заказать суси, в ресторане «Прага» – якитори, а в «Аодзоре» и то и другое подают под танец живота? Все знают. Кроме японцев. Но даже среди оставшихся примерно 60 заведений собственно японской кухни значительную часть составляют так называемые суши-бары – явление в Японии не совсем понятное и пришедшее к нам из Европы и Америки. Именно эта категория ресторанчиков растет наиболее быстро, покрывая Москву паутиной сетевых кулинарий с претензией на японский вкус.

Японцы в Москве ходят во все японские рестораны – из чувства любопытства, надеясь, что безопасный вуайеризм сработает и здесь. Однако к собственно японским они относят 5–6 заведений – это на всю Москву, посещая остальные то ли из скупости (настоящие японские рестораны очень дороги), то ли из любви к экстриму. Нет возможности рискнуть у нас с рыбой фугу? Рискнем с дорадо в дешевом «суши-баре»! Некоторые (знаю таких лично) ходят в один и тот же плохой ресторан по нескольку раз, зная, что он плохой, – из жадности. Но большинство московских японцев посещают такие заведения лишь однажды. Японист и ресторатор Андрей Ефанов рассказывал мне, что это происходит из-за особого отношения японцев к качеству пищи: «Японцы всегда очень жестко обращают внимание на качественно разрезанную рыбу, на качество самой рыбы. С моей точки зрения, в подавляющем большинстве – процентах в девяноста – японских “точек” делать этого, к сожалению, не умеют. Да, это сбивает на нашем обывателе, который не знаком с настоящей японской кухней. Но это не отвечает требованиям гурманов и японцев, живущих в Москве и приводящих гостей в рестораны. Никогда японцы не поведут друзей в эти маленькие точки. Многие рестораны включают в свое меню элементы японской кухни. Я был поражен и японцы удивились, когда в итальянском ресторане, считающемся хорошим, на первой странице меню мы увидели суси. Это смешно: я считаю, что хорошие рестораны итальянской кухни должны такими и оставаться, а не заниматься таким странным “фьюжном”. Японец, с которым я пришел, сказал, что если бы знал, что данный ресторан “опустился до такого”, то не пришел бы туда. И он туда больше не ходит».

Наших клиентов этих «хитовых» мест такая точка зрения волнует мало. За годы функционирования модных японских заведений в Москве

ими сформирован особый – новорусский вкус, который к старояпонскому имеет примерно такое же отношение, как встреча Нового года в Гостином дворе «в японском стиле» к поездке в настоящую Японию – по цене примерно одинаково, но качественное наполнение разное.

Немалое количество моих знакомых признавались, что не могли раньше и думать без содрогания о том, что смогут есть сырую рыбу. Как правило, первый раз оставляет мало впечатлений, но позже начинается процесс «распробования», и люди втягиваются. У многих возникает настоящий эффект привыкания с острыми вспышками, как при токсикозе, – хочу японскую кухню! Отдельная история – отношение к ней женщин. Несложные социологические выкладки показывают, что прекрасная половина материально обеспеченного населения Москвы нашла особую прелесть в сочетании японской кухни с занятиями фитнесом – еще одним повальным увлечением наших дней. Здоровая и легкая пища помогает держать фигуру, чувствовать себя лучше, быть здоровее. В интервью для «Тайвы» знаменитая гимнастка Алина Кабаева признавалась мне, что японская кухня помогает ей сохранять хорошую гимнастическую форму, не садясь на специальные диеты.

Все это так, но и требования, предъявляемые к японской пище, очень серьезные. Ведь кухня с берегов Тихого океана – это не только суси и сасими, это очень широкий спектр блюд и продуктов, но самое главное, конечно, свежесть. Вспомните: гениальные слова о невозможности второй свежести Булгаков писал именно о рыбе – основе основ японской кухни. Это дает возможность определить основные критерии выбора ресторана в Москве: идя в то или иное заведение, вы вынуждены положиться на гарантии тех, кто там работает. «Прежде всего надо поинтересоваться – есть ли там повар-японец, – говорил мне один японский дипломат, – в обязательном порядке. Это один из основных факторов. Если там есть японец, можешь смело идти. Разговоры о том, что, мол, “наши повара каждый год проходят стажировку в Японии”, – это для обывателей. Ваши – это ваши, японцы – это японцы. Для японской диаспоры в Москве есть определенный список – куда рекомендуется пойти, а куда ходить не стоит».

Но разве невозможен вариант, когда наш предприимчивый ресторатор открывает японский ресторан, но нанимает очень дешевого повара, который в Японии, что называется, пришелся не ко двору? Да, это может быть, но дешево – не всегда хорошо. Со временем это проявится в качестве блюд. Тому, кто разбирается в японской кухне, легко отличить повара-любителя от профессионала по этому критерию. Кроме того, профессионалы работают по 30–40 лет, находясь в процессе непрерывного

самосовершенствования. Профессионал готовит так, как никогда не сможет приготовить любитель. Как в фильме «Секрет Минотавра»: надо выдумать мелочь – какую-то последнюю добавку, маленький секрет, без которого все будет не так и все не то. Клиентов не обманешь. Хотя в японской кухне, как и в русской, многое зависит и от подхода к делу, и от личности самого повара. Кто-то ведь хорошо варит борщ, а кто-то – не очень. Японец японцу тоже рознь. Один вкладывает душу, а другой зарабатывает деньги. Почему считается, что в одном ресторане вкуснее, чем в другом? Наверное, повар лучше, наверное, он лучше научил персонал, больше души вкладывает. Требования выше к качеству, а это все на совести японского шефа.

Так или иначе, японские рестораны продолжают и будут продолжать открываться. Насколько это выгодно с точки зрения бизнеса? Ответ на это вопрос прост: раз открываются, значит, это приносит деньги. В Москве никто никогда не работает на альтруистских началах. С другой стороны, наша столица – очень большой город. По сравнению с Токио, где точки общепита существуют едва ли не в каждом более-менее большом доме – на каждом углу, у нас не мало ресторанов – у нас их просто нет!

При этом японская кухня по-прежнему дорогая, и она будет оставаться такой, и не стоит верить тому, кто говорит, что в Москве можно сделать дешевую японскую кухню. Нужна качественная – свежайшая рыба, стоящая больших денег. Когда говорят, что ресторан дешевый, у меня возникают вопросы, переходящие в подозрения. Происходит, как говорил отечественный литературный герой, «потеря качества при выигрыше темпа». На тех людях, которые не знакомы с настоящим вкусом японской кухни, это срабатывает... пока. Но мне кажется, что тенденция появления суси-баров даже при московской нехватке ресторанов в конце концов прекратится. Рынок сам расставит все на свои места.

Видимо, нам следует ожидать и надеяться на переход большого количества точек японского общепита в качество настоящей японской кухни. Мне довелось как-то слышать, как на радио менеджер одного из суси-баров оправдывался, комментируя звонок девушки, отравившейся и попавшей в больницу после посещения его ресторана, тем, что отравиться она могла и до прихода в ресторан. Что ж, никто от этого не застрахован. Но мало кто из менеджеров, не говоря уж об официантках, смог мне объяснить, почему вместе с суси подают имбирь, почему подают васаби. Есть на картинке имбирь – значит, нужен. Вкусно к тому же. То, что имбирь выполняет как минимум две важные функции, мало кому известно даже из рестораторов, и это ужасно. Первая функция, о которой еще кое-кто осведомлен, заключается в перебивке вкусов между двумя разными видами

суси. Вторая – в том, что имбирь, как и васаби, обладает очень сильным антибактериальным свойством, убивая появившиеся, возможно, в сырой рыбе опасные микробы и бактерии. Казалось бы, мелочь, но... это как умение держать палочки. У нас нет пока главного – культуры потребления японской пищи, и лучшие рестораны, о которых мы сегодня говорили, с этими самыми палочками наперевес несут священную миссию привития такой культуры. Это своеобразная пропаганда – пропаганда японской культуры.

Propaganda

Штабные маневры

Неумение преподнести себя ежегодно отнимает у России столько денег, что, вернув их, можно было бы и не заботиться ни о каком двойном увеличении ВВП. Между тем даже такие мощные индустриальные державы, как Япония, относятся к продвижению своего положительного образа на мировом рынке с куда большим вниманием – у них есть чему поучиться^[3].

24 ноября 2004 года японская газета «Майнити» сообщила о формировании «Штаба стратегии интеллектуальной собственности японского правительства, который обнародовал план создания «бренда Японии» (Japan brand) для экспорта изделий японской моды и блюд японской национальной кухни».

Выражаясь военным языком (штаб все-таки), «ближайшей задачей» генерального японского PR является разработка экспортной торговой марки, способной развить популярность за рубежом японской кулинарии и моды. Над решением этой проблемы готовы трудиться ведущие японские «PR-штабисты»: дизайнеры, художники-модельеры и мастера традиционной кухни. Все тот же Хаяо Миядзаки, например. Естественно, забота о продвижении в мире родной культуры основывается на экономических расчетах: создатели штаба, то есть влиятельные, но мало кому известные поименно «капитаны японского бизнеса», убеждены, что, если, например, японская кухня за рубежом станет еще более популярной, это даст Японии возможность серьезно увеличить экспорт сельскохозяйственных товаров.

Кроме того, правительство Японии обеспокоено тем, что первоклассные рестораны национальной кухни проигрывают в конкурентной борьбе менее дорогим, но часто не менее интересным другим этническим «точкам общепита», прежде всего китайским. «Мы хотим установить «бренд Японии» на изделия моды и кулинарии, которые могут снискать во всем мире широкую популярность наряду с изделиями высоких технологий, музыкой и кинофильмами. Таким образом мы увеличим конкурентоспособность отечественной промышленности и улучшим имидж Японии, что приведет и к увеличению количества туристов», – заявил представитель Штаба, определив тем самым и

«дальнейшую» – стратегическую – задачу PR-маневров.

Пропаганда говорит на вашем языке

В токийском районе Роппонги есть бар под названием «Propaganda». Название особенно символичное из-за того, что в этом районе сосредоточены многочисленные и разнообразные места увеселений, ориентированные на иностранцев. В округе расположено немало посольств (в том числе и российское), и многие служащие местных баров говорят на европейских языках, включая русский. Заведения Роппонги разительно отличаются от ресторанчиков японской провинции, где официантка из вполне сетевого «Макдоналдса» погружается в фатальный ступор просто при виде посетителя-иностранца.

Точно так же и глобальная японская пропаганда, действуя довольно ограниченный круг посредников-пиарщиков, общается с миром на его языке, пока остальная Япония с увлечением, но безнадежно учит английский.

Шестьдесят с лишним лет назад американский журналист Хью Байес назвал эту группу посредников «очаровательными апостолами полуправды, объясняющими Японию западному миру», а известный голландский ориенталист Карел Ван Волферен окрестил более научно – «буферами», имея в виду, что именно они поглощают все удары, которые внешний мир наносит разнообразным японским институтам. Главная же функция «буферов» заключается в осуществлении контактов японского государства с иностранцами в максимально гладком виде, в том числе в прямой и косвенной пропаганде, «раскрутке» Японии и японской культуры, моделировании ее положительного имиджа во внешнем мире.

Одним из первых из таких пропагандистов, широко известных в западном мире, стал выдающийся общественный деятель начала XX века Инадзо Нитобэ. Занимая высокое положение в японских научных кругах и даже будучи одно время заместителем генерального секретаря Лиги Наций, Нитобэ стал известен прежде всего как автор книги, написанной на английском (!) языке и популярно объяснявшей иностранцам сложности и прелести японского национального характера с помощью категорий западной философии и марксизма. Эта тонкая книжица, достойная целых томов, под названием «Бусидо. Дух Японии» вышла в свет в 1900 году – в один из самых триумфальных периодов современной японской истории. «Бусидо» непрерывно переиздается до сих пор, множа и без того плотные

ряды почитателей самурайской нравственности везде, кроме Кореи и Китая. Вообще говоря, доктор Нитобэ был не вполне японцем. Заокеанское образование и жена-иностранка помогли стать ему культурным метисом, что значительно облегчило нелегкую работу по растолковыванию американцам и европейцам трогательных особенностей Бусидо. После И. Нитобэ и К. Окакура с его «Путем чая» японская пропаганда уже почти не получала таких индивидуальных подарков, но, полностью перестроив свою работу после поражения во Второй мировой войне, сделала ставку не на отдельных, пусть и гениальных личностей, а на кропотливую работу PR-системы.

Очаровательные буферы

На первый взгляд японский политический мир производит удручающе серое впечатление. Внешне харизматичных лидеров тут мало, особенности национальной психологии отнюдь не располагают к высказыванию из ряда плотно забитых гвоздей. Как сказал один японский профессор: «У нас нет «серых кардиналов», потому что в Японии все «серые».

Функции разъяснения и пропаганды японской политики в таких условиях берет на себя горстка «супербуферов», в числе которых могут оказаться и министры, и даже глава правительства. Но чаще всего это особая группа информантов, знакомящих мир с позицией японского правительства по тому или иному вопросу через тоже не слишком широкий круг высокопоставленных иностранных политиков и известных журналистов. Многие активно колесят по миру с лекциями, как, например, специальный советник Кабинета министров Таити Сакаия или специальный советник по тендерным вопросам Сумико Ивао.

Численность японских «буферов» незначительна по сравнению с аналогичными структурами других развитых стран. Один из таких японских PR-посредников, положивший жизнь на то, чтобы с пеной у рта требовать у России Курильские острова, профессор С. Хакамада, жаловался мне, что крупнейший японский культурный инвестор – Японский фонд – «здорово недорабатывает по сравнению с аналогичными европейскими и американскими организациями». Что касается России, то наша страна для Японии не фигура на имиджевом поле. Поэтому во Франции, США и Канаде, где на японцев до сих пор частенько смотрят свысока и требуются особенно большие усилия по защите положительного имиджа Японии, существует по несколько центров Японского фонда, а в

нашей стране с этой задачей справляются один-два чиновника (!), числящихся дипломатами среднего ранга в посольстве Японии в Москве.

Игра «буферов» безупречна: высказываемые «апостолами» суждения, как правило, резки и точны (особенно по контрасту с размыто-дипломатичными официальными формулировками), их личное поведение глубоко демократично и благожелательно, что не может не производить впечатления искренней убежденности говорящих. Но только на первый взгляд. Если долго вариться в этой каше, начинаешь замечать, что одни и те же люди на протяжении нескольких лет говорят с завидным упорством об одном и том же, а если их убеждения и колеблются, то только вместе с генеральной линией японского правительства. Читая блог такого «буфера», например, на радио «Эхо Москвы», поражаешься тому, как просты и незатейливы его схемы и доводы, всегда кончающиеся одним и тем же – «Отдайте острова», и тому, как это нравится нашим людям. Поистине японцы рождаются с тремя качествами: с «монгольским пятном» на попе, синтоистами и имиджмейкерами.

Самое интересное, что большинство «буферов» и на самом деле потрясающе интересные люди. Но услышать их действительно личное мнение по важным вопросам у нас нет почти никаких шансов.

Три об одном

Как работает японская пропаганда? Вышедшие почти одновременно три голливудских блокбастера: «Последний самурай», «Убить Билла» и «Трудности перевода» существенно повысили интерес к Японии у иностранных туристов. Не только вовремя заметив, но отчасти и спровоцировав успех (японцы всячески помогали в производстве всех трех картин, и режиссер «Трудностей перевода» София Коппола особо отметила этот факт – съемки в Японии удалось закончить всего за 28 дней!), японская сторона бросилась его развивать. Крупная туристическая компания JNTO даже подготовила тур по местам действия фильма Копполы. Премьер-министр Д. Коидзуми немедленно встретился с послами и влиятельными людьми (все теми же «буферами», только западными) из двенадцати наиболее интересных для Японии стран (Россия там не присутствовала) и выслушал их предложения о том, как достичь к 2010 году числа иностранных туристов в 10 миллионов человек в год, то есть увеличить его вдвое по сравнению с сегодняшним днем. Это не позволит Японии ворваться в первую семерку самых привлекательных

туристических держав мира, но поможет избавиться от дефицита платежного баланса почти в 30 миллиардов долларов в туристической сфере, имеющегося сегодня. Идея не нова: еще в 1909 году русский военный разведчик Н.Н. Стромиллов в своей работе «Японец во весь рост» писал: «Деньги, оставляемые регулярно в “волшебной стране” скучающими globe-trotter’ами или тороватыми искателями курортов и другими посетителями, составляют ежегодно порядочную сумму, которая служит не последней статьей государственных ресурсов Японии. В последние годы, перед недавней войной статья эта давала японской казне до 25 миллионов йен в год (сравнить: поземельный налог давал 43 миллиона, весь бюджет составлял 282 миллиона)». Работает, как видите, без упречно.

Ради этого, а также постоянно имея в виду главную и поистине высокую цель – укрепление своего имиджа за рубежом, японское правительство объявило о вводе в действие специальной программы «Визит в Японию», в рекламных видеороликах которой снимался лично Дзюньитиро Коидзуми. НИИ мультиторговой корпорации «Марубэни» принялся спешно разрабатывать стратегию сбыта туристам товаров, связанных с японской мультипликацией, поп-музыкой и модой. «Супербуфер» в области туризма, советник Японского академического общества туризма и автор книги с показательным названием «От “Сделано в Японии” к “Добро пожаловать в Японию!”» Тэйитиро Хори занялся самобичеванием и заявил, что «Япония не сохраняет должным образом свои культурные активы, что озадачивает остальной цивилизованный мир». Программа успешно функционирует и сегодня, набирая обороты, даже несмотря на события 11 марта 2011 года.

PR – дело добровольное

Современная Япония находится в весьма выигрышном с точки зрения пропаганды положении. Почти не задетая участием в региональных вооруженных конфликтах, обойденная разгулом терроризма, эта страна может с успехом использовать свои объективные плюсы в глазах иностранцев: высокий уровень жизни, спокойствие, комфорт, отлично развитая экономика, цифровой бум, великолепная традиционная культура, удивительное искусство, не знающее в своем развитии глубоких спадов. Исключение – все то же Великое восточнояпонское землетрясение 2011 года.

Если же критика возникает, Япония без задержки тратит деньги на лоббирование своих интересов за рубежом и поддержку позитивного имиджа. Повторюсь: здесь, в России, мы этого практически не замечаем. На бытовом уровне Япония популярна у нас (в отличие от Запада) настолько, что ее критики практически не существует. Более того, если она появляется, то воспринимается в штыки значительной армией японофилов, возвращенных на самурайско-анимешной культуре и надеющихся найти овцу там, где она никогда не паслась.

Кроме того, экономить на нас японцам помогает... российское правительство. Япония платит всему международному японоведению, но Россия обходится ей особенно дешево – речь идет даже не сотнях, а лишь о десятках тысяч долларов год. Нужда в деньгах и необходимость в «полевых изысканиях», в доступе к личным контактам и к организациям делает многих наших специалистов по этой стране апологетами Японии. Интересно, что при этом часть из них искренне принимает японскую точку зрения, часть, не подвергая сомнению культурную ценность укиез, тщательно уводит от любого соприкосновения с идеей фикс японского PR российского направления – версией о том, что «северные территории – земля Японии». Японцы злятся, но сделать ничего не могут – у наших ученых своя логика: да, деньги нужны, но личное мнение есть личное мнение, и «не вторгайтесь в мою приватность!».

В последнее время на японской ниве заколосился и Большой бизнес. Причем бизнес-братание происходит с особым цинизмом. Как только появляются слова «нефть», «газ», «металл», политические проблемы уходят на второй план. То же самое с другой стороны: если российская компания видит перспективу открытия японского рынка, она тоже идет на использование в своих интересах элементов имиджевого строительства посредством традиционной культуры. Если японские каратисты поддерживают с помощью только им известных рычагов финансовые инициативы российского партнера на японском рынке, президент отечественной фирмы легко становится ярым поклонником японских боевых искусств, а на СМИ обрушиваются заказы на «джинсовые кимоно». Дуплетом убивается «второй заяц» – мало кто из российских политиков не повязал еще вокруг бочкообразной талии черный пояс: авось Сам заметит! Журналы и газеты под заказ с пафосом рассказывают о карате и дзюдо, поминают книгу Инадзо Нитобэ, а суровые лица и бритые черепа отечественных бизнесменов от карате мельтешат на экране под этническую музыку и слова о непобедимом самурайском духе и необходимости создания всяческих ассоциаций боевых искусств. Не верьте этим

«аскетам»: это – PR...

Россия – щедрая душа?

После всего этого хочется ущипнуть себя и убедиться, что это не сон. Что богатая и знаменитая Япония действительно тратит деньги на то, чтобы выглядеть лучше. Что страна, которая в представлении многих наших соотечественников есть не что иное, как рай земной, платит за то, чтобы специально отобранные люди говорили о ней хорошо, красиво и правильно, что японское правительство думает о том, как сделать так, чтобы за границей больше ели суси и чаще смотрели «Сэйлормун». А... как же мы?!

У нас тоже есть «очаровательные апостолы». Впрочем, мы знаем о них значительно меньше, чем о японских. Причина – боюсь, что такова эффективность их деятельности, что лучше ее не замечать. Пока на официальном уровне МИД подтверждает важность создания позитивного имиджа нашей страны, процесс идет приватно. На Арбате по-прежнему продаются матрешки с изображением президента Путина в кимоно. Есть еще «Тату», мультфильм «Ежик в тумане», Чебурашка, фигурирующий в японском написании как «Уебурашка» (хорошо, что не через запятую посередине) и конфеты: оставшиеся от СССР «Мишки в лесу» и новые «Родные просторы». Отличный, кстати, простор для пиара: помните, в той же Японии до сих пор лучший шоколад – «Космополитен» – русского происхождения?

Мы тоже оказываем помощь Голливуду, но, в отличие от японцев, в съемках плохих и глупых фильмов о России. У нас нет «Штаба по внедрению за рубежом борща, пирожков и других блюд русской кухни». У нас вообще ничего нет. Только темень и очереди в аэропортах, из которых так приятно улетать и куда бывает так страшно возвращаться. Но, если вы думаете, что это общая беда для всего постсоветского пространства, то это не так. Недавно журнал «Евразия сегодня» занимался изучением этого вопроса, и оказалось, что почти во всех странах СНГ созданы организации, подобные японским. Естественно, общие: советские культурные традиции в подходах к решению этого вопроса преобладают, и дальше деклараций дела редко идут, но прецеденты уже есть.

Намозоливший недавно глаза оранжевый украинский PR, как оказывается, сконцентрирован не только на внутренних проблемах. «Киев наиболее серьезно из всех стран СНГ относится к созданию своего

привлекательного образа на Западе, – рассказывала мне специалист по евразийским делам Екатерина Тесемникова. – Сделать его таковым, по мнению украинских властей, помогут западные PR-агентства, и Кабинет министров Украины разработал государственную программу обеспечения позитивного международного имиджа страны на 2003–2006 годы. Украинские власти подошли к проблеме комплексно. Сначала попытались выяснить, что на Западе знают об Украине, а когда оказалось, что практически ничего, обрадовались и начали работать».

Вот так. Никакого «сала в шоколаде». Максимально выгодные условия для крупнейших иностранных компаний – они расскажут остальным, как хорошо работать в бывшей советской республике. Составлен список авторитетнейших мировых журналистов, которые будут приглашены в Киев для личного знакомства с украинской действительностью.

Особое внимание своим звездам: боксерам братьям Кличко, прыгуну Бубке, футболисту Шевченко. Активно муссируются слухи об украинском происхождении Сильвестра Сталлоне и Дэвида Копперфильда. Чтобы не получилось слишком спортивно, говорят, собираются пригласить в Киевский театр оперы и балета Анастасию Волочкову. Девушка красивая, но в России ее уже слишком хорошо знают...

Впрочем, все эти размышления хороши как размышления. Пока в «Шереметьево-2» не будут пытаться «слупить» взятку с каждого русского и японца («У вас перевес. С вас двести долларов. Нету? А сколько есть? Ладно, давайте двадцать. Встретимся через десять минут в туалете»), пока не перестанут хамить, пока не исчезнут очереди, «черные таксисты» и многое другое, что не исчезнет, наверное, никогда, ничего не изменится. Вечная зима...

Часть 4. Зима

Семейное дело

3 × 3 = пара

Японским свадьбам не бывает мало места и земли. Им бывает мало денег и времени. Они коротки, как медовый месяц, который может быть отложен навсегда, и дороги, как свадебные наряды, которые берутся напрокат. Здесь, как часто бывает в случае с Японией, все наоборот, все не как у нас: свадьбу справляют в один день, но в три приема, а невесте вместо символа непорочности на голову надевают... рога.

Свадебная церемония на краю Ойкумены – дело хлопотное. Хотя японцам и несвойственен славянский размах при праздновании заключения брака, церемония эта настолько утонченная, сложная и дорогостоящая, что поволноваться приходится и молодоженам, и их родственникам. Роль основной головной боли для них выполняют предсвадебные приготовления. Японцы очень удивились бы, если бы узнали, что в Советском Союзе хлопоты упирались в покупку колец, поиск костюма для жениха, платья для невесты и ночную рубку «селедки под шубой». Здесь иные проблемы. Молодоженам, например, придется выбрать не только пару ресторанов, но сразу три костюма на этот волнительный день: японский, европейский парадный и просто праздничный. Причина многообразия заключается в следующем.

Помимо того что паре для регистрации брака необходимо будет выполнить некоторые формальности в муниципалитете, им следует отправиться в синтоистский храм – это главное, это – традиция. Хотя все чаще молодожены традицию игнорируют и стараются ограничиться церемонией в каком-нибудь дворце приемов, именно там – в храме – должно происходить то основное действие, которое делает свадьбу истинно японской. Пышная процессия: жених в темном кимоно с накидкой-хаори и белыми шнурами, с веером в руках, невеста в особом – свадебном снежно-белом кимоно с колпаком на голове (об этом позже), оба под большим красным зонтом, священник и служки храма и (только!) близкие родственники во фраках и кимоно стоимостью в новую «Тойоту» шествуют по периметру храма, направляясь в главный зал.

Там довольно быстро (минут за 20–30), но с огромным достоинством жених и невеста заключают своеобразный свадебный договор. Священник канниси представляет молодоженов местным богам – ками – и от имени

ками благословляет пару. Молодые дают друг другу своеобразную клятву верности, по очереди делают три глотка сакэ из малюсеньких блюдечек-чашечек. Все – теперь они муж и жена. Однако они не вылетают из храма с радостными криками и разбрасыванием букетов, как можно было бы подумать, а так же чинно, в таком же порядке покидают церемониальный зал и располагаются на разостланной во дворе храма большой подстилке. Нет, совсем не для того, о чем вы подумали: они устраиваются на послесвадебное фотографирование. Этот процесс занимает в общей сложности раза в два больше времени, чем собственно бракосочетание, и имеет не только прикладное значение.

Во время его первой части (до заключения брака) специально обученные женщины надевают на голову юной красавицы цунокакуси – косынку, скрывающую рога. По традиционным японским поверьям эти рожки – символ не того, о чем вы опять подумали, а олицетворение ревнивой женщины. А для женщины в Японии нет хуже порока, чем ревность. Ревнивая женщина – бес, демон ханья с рогами и клыками, способный выпить кровь у человека, у мужчины. Удивительно? Не более, чем питье сакэ вместо обмена обручальными кольцами. Иногда пытаюсь себе представить наших молодоженов, пьющих в ЗАГСе по очереди водку... Но вернемся к молодоженам японским. Невесте приходится особенно нелегко – все это время она должна сохранять кроткое выражение лица с потупленным взором, традиционное для всех приличных японских невест в последнюю тысячу лет. Откуда, из каких глубин головного мозга выплывают на эти личики поистине джокондовские улыбки и то самое кукольно-кроткое выражение, которым когда-то прославились японки на весь западный мир, завоевав славу лучших во Вселенной жен? Загадка. Кстати, окончательно женами они становятся, когда после второй фотосъемки все та же женщина снимет с бывшей невесты цунокакуси, и маленькие, симпатичные, но уже безопасные – укрощенные богами – рожки воспрянут над тяжелым париком. Последний раз о них проявят заботу, когда молодую жену будут усаживать в особый свадебный лимузин. У этих машин в задней части крыши, слева, сделан специальный люк. Его открывают, чтобы молодая жена при посадке и высадке не повредила сложную конструкцию парика и, конечно, рожки. Служительница, усадив девушку в машину, прячет их в бумажный чехол с печатью храма и прикалывает к парику длинной жемчужной булавкой. Опускается люк, захлопывается дверь... Все: время пить пиво или... ехать в следующий храм.

Помните о той черте японцев, которая отличает их от большинства

других народов, – они не воспринимают чужую культуру системно? Нравится им какой-то буддийский ритуал – будут буддистами, пока ритуал не закончится. Нравится христианский? Нет проблем – сегодня мы католики или протестанты. Так и со свадьбой. Очень часто бывает, что, покинув синтоистский храм, молодожены переодеваются: она – в белое платье, он – во фрак или черный костюм, и свадебный кортеж останавливается у церкви или престижного отеля, где их ждет патер, пастор или ксендз – с кем договорятся (знаю точно, что в роли венчающих находят себя обычные гайдзины, в том числе наши – это одна из ипостасей «большой белой обезьяны»). Так или иначе, по всем правилам здесь происходит венчание, и в молодых ребятах, с радостными улыбками откупоривающих шампанское, очень трудно бывает узнать ту чинную пару в кимоно, что лишь пару часов назад фотографировалась во дворе совсем другого храма. Надо отметить, что пышностью своей этот этап японской свадьбы явно призван превзойти западные аналоги. Платья невесты и гостей заказываются у лучших модельеров (или берутся напрокат, что случается чаще, особенно в кризис), прическа в иссиня-черных волосах жениха рассекает, подобно клинку меча, солнечный луч, цены за ужин во французском ресторане зашкаливают за все разумные пределы. Средненькая свадьба человек на 70 обойдется молодоженам (а точнее – их родителям) тысяч в 50 долларов, не считая расходов на наряды (кимоно главных действующих лиц могут стоить столько же – каждое). Часть этих затрат покроют гости. Как и во многих других случаях, лучший подарок в Японии – чек или наличные в конверте. На свадьбу обычно дарят долларов по двести-триста (в иенах, разумеется). От близких родственников достанется больше – до 10 тысяч долларов (если они есть и если родственники не скупердяи). Но и виновники торжества тоже обязательно раздают подарки. Обычно гостям дарят то, что у нас традиционно вручают молодой семье: посуду, сервизы, интерьерные и бытовые мелочи (не сходить ли мне на свадьбу?).

Верные своим привычкам, молодожены после окончания торжественного ужина могут попрощаться с теми, кому за 40, и отправиться в какой-нибудь ресторанчик или бар. Очень часто оформляется специальный заказ на party в том кабачке, куда будущие жених и невеста любили приходить до свадьбы. Это – тоже особенности японского быта. На «своей территории» здесь встречаться не принято. Тесно, да и не ходят японцы в гости друг к другу ни до свадьбы, ни после. Вот и проводит молодежь время на улице, а чаще всего за излюбленным японским занятием – тратой денег в излюбленных же местах: магазинах, ресторанах,

барах. Изредка, правда, посещая многочисленные здесь лав-отели. На этот раз вы правильно догадались для чего.

В баре свадьба совсем уже неформальная – молодежь, друзья, иногда коллеги. Брачная ночь – это грохот музыки, много пива, пиццы, чипсов и соленого зеленого гороха. Всем гостям и сотрудникам бара – небольшие подарки. Лучше всего на денежную тему: копилки, бизнес-кошечки – манэки-нэко, притягивающие удачу, сувениры «на богатство». Видимо, помогает не сильно. Раньше после свадьбы нередко уезжали в путешествие: на Гавайи, которые под боком, или на вовсе уж свою Окинаву. Сейчас, говорят, в Японии кризис. Солнце, пляж и коктейль в высоком бокале приходится все чаще откладывать либо на «когда деньги будут», либо на непопулярное – дешевое время. Впрочем, на коктейлях в свадебную ночь не экономят – даже невесте сегодня можно прийти домой на рогах. В переносном, разумеется, смысле.

Один мой знакомый на следующую ночь после своей свадьбы снова заглянул в тот же бар. Пил до трех часов ночи. Напился. Икнув, сказал: «Пора к жене» и начал передвижение в сторону родных пенат – от бара до дома было метров 300. Семейная жизнь началась: бывшая невеста теперь будет ждать его каждую ночь. И не будет ревновать. По крайней мере не должна. Иначе будет считаться рогатой.

Дитя любви... к искусству

Один японский профессор удивлялся: «Почему русские до сих пор думаю, что все японцы – самураи, а японки – гейши?» Ответ на его вопрос мы дали в книге «Россия и Япония: имиджевые войны», а вот что касается гейш...

Признаюсь, мое отношение к этой профессии довольно сильно менялось по мере изучения предмета. На исходе 90-х мне довелось в одном из московских клубов читать лекции по гейшеведению и гейшологии. Тогда же стало понятно, что единственное, что действительно интересует наших соотечественников применительно к гейшам, так это «проститутки они или нет?» Тогда мне казалось, что ответ прост, но время показало, что все не так однозначно. Для иностранцев никогда не существовало проблем в дефинициях японских женщин. Следуя европейской логике, они четко делили их на «приличных» и «продажных», объединяя в последнюю группу всех, чья профессия так или иначе была связана с оказанием интимных услуг. Понятия «гейша» и «японская проститутка» слились для

нас воедино. Однако японская эротическая культура значительно изощреннее европейской, а круг профессий, вовлеченных в сексуальный, или, как его называют в Японии, «водяной» бизнес, – значительно шире. Эта широта взглядов и дальневосточная тяга к расплывчатым определениям позволила Японии выработать свой однозначный и официальный ответ на главный вопрос иностранцев: «Нет! Гейши не проститутки!»

Обоснований японской версии – более чем достаточно. Во-первых, само по себе происхождение профессии никак не связано с предоставлением интимных услуг. Первые гейши (тогда это были мужчины) развлекали клиента и купленную им куртизанку, скрашивая время за ужином и создавая нужную атмосферу для более близких отношений. Развлекали сначала игрой на барабанах, а затем, когда профессия стала исключительно женской, на люте – сямисэне, пением и танцами.

Во-вторых, само происхождение слова «гейша» свидетельствует об утонченности ремесла: «гэйся» по-японски значит «человек искусства, мастера». Ее задача – развлекать, а не торговать телом.

В-третьих, японское общество строго организовано в профессиональном смысле: «профсоюзы» проституток и гейш всегда существовали отдельно – вплоть до формального запрещения проституции в 1957 году. Гейш запрет не коснулся, что дало возможность поставить точку в ответе на «главный вопрос современности» – опять-таки формально.

По сути же, для японских мужчин гейши заполняли очень важную лакуну, образовавшуюся в процессе формирования национальной эротической традиции. Жена для японского мужчины – женщина, которая живет у него дома, за этим домом ухаживает, рождает детей и воспитывает их. За удовлетворением естественных потребностей мужчина шел к проститутке. «Неохваченным» оставалось другое человеческое желание: поговорить. Выговориться, излить душу – это ведь не только нам надо, но им – инопланетянам – не меньше. Вот как раз для этого и нужны были гейши. Выполнение их главной задачи – развлечение клиентов не только музыкой и танцами, но и разговором, скользкими анекдотами, застольными играми (включая «кто больше выпьет») – со временем рафинировалось до степени искусства, но так и осталось на грани запретного. С другой стороны, стороны самих гейш, главной мечтой всей их жизни было и остается «выйти замуж за олигарха». Современные гэйся – развлечение для богатых и хорошо образованных японцев, способных понять их

своеобразную красоту и оценить уровень владения древним искусством развлечения гостей. Легенды о счастливых девушках, вышедших замуж за политиков, генералов и миллионеров (одна даже стала наследницей клана Морганов, но это исключение), – основной вид устного творчества в гейшевой среде. Гэйся – профессиональные японские золушки-психологи, находящиеся в постоянном поиске своего принца.

Обучение и наряды гэйко стоят баснословных денег. Всю жизнь они живут в кредит, надеясь когда-нибудь рассчитаться с долгами. Что же необычного в том, что многие из них ищут дополнительные возможности заработка, эксплуатируя свою внешность, обаяние, сексуальность? В конце концов, если уж замуж не получится, то найти богатого и постоянного любовника, по местным понятиям, ничуть не хуже! Японская литература изобилует рассказами о гейшах, чьи чувства к женатым любовникам были глубоки, искренни и чисты, несмотря на то что время от времени они были вынуждены продавать себя за долги или просто поддаваться соблазну – такова реальность, и в этом, с японской точки зрения, тоже нет ничего предосудительного. Просто... об этом не следует говорить иностранцам – так цивилизованнее.

Да, гейша не проститутка. Ее нельзя купить. Однако за ней можно ухаживать, и при выполнении ряда условий даже с определенной перспективой. Но нам, иностранцам, это даже не должно быть интересно. Ведь нам попросту не понять, о чем говорит гэйко – ее шутки и комплименты своеобразны и изысканны, они предназначены тем, для кого японский язык родной. Для японского же мужчины она по-прежнему остается привлекательным и очень сексуальным идеалом, пусть очень далеким и чаще всего (но далеко не всегда!) недоступным.

Ныне в Японии существует современный – недорогой и облегченный – вариант гейш – хостесс. Общение с ними – один из излюбленных способов проведения времени у японских мужчин – тех, кто своими руками построил «страну, похожую на рай», «идеальное общество потребительского изобилия и духовной наполненности». Это их право.

День кузнеца в городе Кавасаки

Есть в Токио один праздник, который, хотя и приходит каждый год в первое воскресенье апреля, стоит описать именно сейчас – после свадьбы и гейш. Одна из главных проблем этой страны – демографическая. Население Японии, составляющее сейчас около 126 миллионов человек (следующее

место в мире после России), неуклонно сокращается год от года. Если так пойдет и дальше, через 200 лет эта нация совсем исчезнет с лица Земли. Не хотелось бы. Японцам тоже не хочется. А поскольку причины низкого уровня рождаемости не только социальные, но, как нам теперь известно, и физиологические (сексом занимаются едва ли не реже всех в мире), то особенно удивительно, почему раз в год тысячи людей спешат в синтоистский храм Канаяма, или, по-другому Канамару, на «вынос члена» – есть в Японии и такой праздник.

Интересно, что сей предмет мужской гордости местный люд в просторечии именуется «чин-чин», а потому японцы нередко вздрагивают, когда наши соотечественники в порыве пьяного красноречия провозглашают чисто японский, по их мнению, тост: «Чин-чин, банзай!» Но откуда же взялся такой странный праздник и зачем он нужен?

Легенда гласит: много-много веков назад, когда еще духи жили вместе с людьми, с одной из важных японских богинь случился жуткий конфуз: у нее выросли зубы в самом неподходящем для этого месте. Помимо неприятных ощущений в паховой области странное заболевание естественным образом поставило ребром демографический вопрос. Народ запаниковал. Не знаю подробностей, но, видимо, богиня сообразила, что без хирургического вмешательства тут не обойтись, и назначила свидание... кузнецу.

Помолившись своим металлургическим духам, кузнец-гинеколог рьяно принялся за дело и скоро выковал чудный высокоуглеродистый фаллоимитатор, которым и обломал пациентке все ее лишние зубы. Память об этом удивительном событии жива в Японии по сей день. Доказательством тому служат храмы, воспевающие кузнечное мастерство и металлургию в целом («Тойоте» покровительствует этот самый бог-кузнец, например) и великолепный орган, благодаря которому японский народ дожил до наших дней. Самый известный из них – Канаяма-дзиндзя – находится в городе-спутнике Токио – Кавасаки.

Поклониться фаллосу сюда приходит довольно много людей. Большинство просит богов о детях – говорят, что молитва помогает избавиться от бесплодия. Многочисленные дощечки – эма, на которых записывают просьбы богам и которые вывешивают в храме, иллюстрируют эту просьбу: на них изображены малыши. Кроме того, раз храмы посвящены гениталиям, значит, можно надеяться и на решение других проблем мочеполовой системы. Соответственно, вторые по популярности дощечки несут на себе изображение мужских и женских половых органов.

Очень любят эти места японские геи, транссексуалы и трансвеститы. С

системой у них частенько бывают «нелады», риск лечения от венерических заболеваний значительно выше, чем у обычных асексуальных японцев, да и ханжами назвать их никак нельзя – в отличие от тех же обычных японцев. Когда мы обсуждали с друзьями предстоящую поездку в Канаяма-дзиндзя, местные жители, а особенно жительницы, закатывали глаза: «Какой ужас!» Потом, отведя в сторонку, просили привезти сувенир – хотя бы печенье с изображением одной из 48 классических японских поз. Местным травести такие тонкости не по нраву. На празднике они веселятся от всей души, щеголяя роскошными нарядами и тяжеловесным макияжем, охотно позируют и фотографируются с чудаковатыми иностранцами, которым вообще все нипочем. Именно на хрупкие внешне, но по-прежнему мускулистые плечи трансвеститов ложится основная ноша – под громкие ритмичные крики (что-то вроде «Давай-давай!»), сопровождаемые огромной восторженной толпой, они носят по городским улицам о-микоси – носилки с огромными фаллосами. Самый большой из них – нежно-розового цвета – был подарен храму неким «Клубом Элизабет», и этот клуб – вряд ли Дом культуры.

Мы приехали на праздник группой из семи человек и думали, что, кроме нас, иностранцев на столь необычном мероприятии не будет. Мы ошиблись. Такого количества американцев, арабов, евреев, французов сразу в одном месте я не видел в Японии со времен чемпионата мира по футболу. Некоторые прорывались к о-микоси и с радостными воплями таскали его вместе с японцами. Многие седлали огромные бревнообразные чин-чины во дворе храма, осматривали ритуальную кузницу и выстраивались в очередь, чтобы написать просьбу богам на дощечках-эма. Кто-то шепнул в толпе, что даже «государевых людей» из русского посольства привезли в Канаяма-дзиндзя автобусом. Они шли за носилками с розовым фаллосом тесной группой, глядя себе под ноги и насупившись. «Как за членом Политбюро», – пошутила непосольская девушка Наташа, и оставим двусмысленность этого высказывания на ее совести.

После праздничного шествия участники и гости расходятся. Многие отправляются в находящийся рядышком буддийский храм. Вряд ли замаливать грехи. Скорее всего, полюбоваться редкой красоты пагодой и прудом со статуей Будды да потолковать с монахами, принявшими обет безбрачия – так же, как их отцы и деды. Мы же, по старой русской привычке, отправились в идзакая – японский кабачок, где вскоре встретили много знакомых лиц. Очарованные нашей активностью и непосредственностью, японцы прислали подарок от своего стола – кувшин пива. Догадайтесь, каким был следующий тост... Правильно, но главное не

это, а то, что через некоторое время все наши девушки, которые в тот день просили у духов ребенка, написав об этом на дощечках-эма, родили мальчиков. Я очень люблю этот храм.

Представьте сына духам!

А теперь еще об одном японском ритуале, совершающемся обычно через некоторое время после свадьбы или после посещения храма вроде Канаяма-дзиндзя.

К синтоистским богам японцы обращаются не только при мольбах о новой жизни, но и тогда, когда мольбы сбываются, проще говоря, при рождении ребенка. Впервые мне повезло увидеть это в Наре, древней столице страны Ямато, в родовом святилище рода Фудзивара – самого знаменитого клана Японии. Там я наблюдал за старинным обрядом, который называется «О-мия маири» или «Убусу-но маири». Суть его состоит в том, что синтоистские священники каннуси представляют новорожденного богам ками. Здесь, в храме Касуга-тайся, мальчиков знакомят с влиятельными местными духами на 32-й, а девочек – на 33-й день после рождения. Главными же действующими лицами ритуала становятся, конечно, сам новорожденный, который в данном случае оказался мальчиком, его бабушка и синтоистский священник каннуси.

Придя в храм, счастливое семейство, состоящее, помимо ребенка, из его родителей, а также двух бабушек и двух дедушек, объявляет священнику о своей готовности. За несколько дней до этого с ним уже была достигнута предварительная договоренность, назначено время, а также произведена оплата церемонии. Храмовый служака выносит белое покрывало, напоминающее фартук, которое отец ребенка завязывает на своей матери. В Токио это покрывало почему-то цветное: для мальчиков темных тонов, для девочек – красных. Почему, признаться, не знаю.

Новорожденного передают бабушке на руки. Семья усаживается на скамейку перед площадкой с алтарем, куда торжественно всходит каннуси. Священник узнал у родителей имя ребенка – Фусатаро – и, обратившись к алтарю, принимается негромко читать молитву норито, иногда делая по два хлопка в ладоши: так принято обращать на себя внимание синтоистских богов – ками. Затем он приглашает на свое место родителей мальчика и, пока они еле слышно обращаются к духам, сидит в стороне, беззвучно шевеля губами, читая норито.

Молитва заканчивается, родители возвращаются к ребенку, священник

принимает из рук служки подарок от храма и, произнеся пару формальных фраз, вручает его одному из дедушек, после чего с достоинством удаляется. Заметно волновавшееся до церемонии, которая, кстати, длилась всего около 15 минут, семейство наконец расслабляется. На лицах появляются улыбки, и счастливые родители неспешно отправляются к автомобилю, принимая по пути поздравления прохожих, – их сын известен теперь духам этих мест, и одним настоящим японцем в этом мире стало больше.

Охотники на овец

Восемь-девять-три

Именно так звучит по-русски слово «якудза» в буквальном переводе с японского. Неудачная комбинация в популярной карточной игре дала название одной из самых удачных сторон японского бизнеса – теневой. При этом сама японская мафия – якудза – известна, помимо всего прочего, и тем, что не особенно скрывается от полиции. В ежегодной «Белой книге» Главного полицейского управления страны с точностью до нескольких десятков человек приведены данные о количественном составе различных группировок, сфере их деятельности, известны их главари – оябуны, адреса и телефоны офисов. Но не стоит думать, что по улицам Токио мафиози расхаживают чуть ли не с табличкой на груди «Я – бандит». Япония – высокоразвитая капиталистическая держава, пропагандирующая либерально-демократические ценности в американском духе, и быть преступником здесь почти так же нехорошо, как и в любой другой стране. В то же время около 80 тысяч якудза, объединенных в две с лишним тысячи группировок, нуждаются во всемерной легализации своей деятельности. Их бизнес тесно связан с участием в экономической жизни страны, в деятельности крупнейших предприятий, особенно строительной отрасли, им нужны официальные контакты с полицией, миграционными службами, чиновниками и депутатами всех уровней, с прессой и издательствами – с обществом, в котором они живут. Для легализации таких контактов и придания себе социального веса нередко создаются общественные объединения, клубы, спортивные общества, особенно часто – молодежные союзы, носящие маску воспитателей юного поколения в «патриотическом» духе. Их членами, за малым исключением, становятся кобуны – рядовые бойцы, сятэй – «бригадиры» и даже авторитеты – оябуны. Частенько в названиях таких «молодежных лиг» присутствует и национальный колорит. Это может выражаться в наличии всего лишь одного иероглифа в названии – «восточный», но отражает традиционную для японских правых паназиатскую геополитическую ориентацию, а в последнее время нередко и противопоставляется официальной – проамериканской – ориентации японского общества. Неудивительно, что, получив несколько приглашений от новых японских знакомых и друзей на проводы года старого – события для японцев более значимого, чем приход Нового года, мы решили узнать,

как провожают минувшее в самом, пожалуй, необычном японском коллективе.

«Лига», пригласившая меня на свои проводы старого года – Бонэнкай, отличается от многих ей подобных наличием идейного вдохновителя – Сэнсэя (Учителя). Невысокого роста человек в «диктаторского стиля» френче и с приветливой улыбкой на устах говорит как минимум на пяти языках, хорошо разбирается в тонкостях азиатского национализма и имеет большой опыт практической «работы». Он успел поучаствовать во многих конфликтах в Восточной Азии, в том числе в известных событиях на площади Тяньаньмэнь в Пекине и в партизанской войне в Бирме в 1991–1992 годах. Дополнительный авторитет ему придает близкое родство со знаменитым японским ультра националистом довоенных времен, основателем влиятельного националистического союза Кокурюкай, и еще более известным писателем Юкио Мисимой, избравшим харакири для сведения счетов с жизнью. Как и для некоторых других из 30 человек, входящих в ядро организации, работа в «Лиге» для Сэнсэя не основная. В «миру» он отличается от обычных японских граждан лишь наличием «шестисотого» «Мерседеса» с левым рулем и манерой одеваться, абсолютно не свойственной японским клеркам. Его облик разительно меняется лишь в праздники, когда он участвует в публичных мероприятиях «Лиги» или устраивает уличный митинг прямо перед своим домом. Соорудив импровизированную трибуну и взяв в руки мегафон, он сгоняет с лица совершенно безуховскую улыбку и, потрясая кулаком, требует от японской молодежи стать решительнее и избавиться от американского влияния.

Интересно, что именно умение выдерживать своеобразный стиль в одежде выделяет якудза из довольно безликой сине-черной японской толпы, не знакомой в большинстве своем с понятием комбинаторности в подборе одежды, известным нам по фильму «Служебный роман». Находясь в зале для приглашенных на Бонэнкай гостей, я думал о том, что медальное выражение лиц сидящих вокруг меня людей совершенно неизвестно большинству иностранцев, живущих в Японии подолгу, но привычно любителям гангстерских боевиков Китано: эти люди – якудза. Они разительно непохожи на вечно растерянных японских клерков с вечно открытыми ртами и вздыбленными чубами. Большинство присутствующих оказались либо вообще лысы (у некоторых на сверкающем черепе синели татуировки в виде драконов или свернувшихся на темени змей), либо густо набриолинены. Вкупе с обилием кожаных пиджаков и суровыми взглядами из-под насупленных бровей все это создавало у меня впечатление участия в

съемках фильма «Такси-2» – настолько похожи казались на его героев мои соседи по столикам.

Впрочем, те, кто выглядит совсем уж «по-якудзевски», – скорее всего молодые гангстеры, только что выбившиеся из «шестерок». Когда в зал входили новые гости, они резво вставали всем столом, демонстрируя вошедшему свое уважение и одновременно показывая свой низкий ранг, – все остальные продолжали сидеть. «Бригадиры» и другие «старшие товарищи» гораздо более свободны в выборе одежды. Двое пришли в ядовито-сиреневых костюмах, один гордо демонстрировал белоснежную «тройку». Хозяин Бонэнкая – четвертый по счету глава Организации («первый среди равных», как демократично-уважительно представили нам оябуна коллеги) – был одет подчеркнуто просто: в коричневых тонов пару, белую рубашку в тонкую зеленую полоску, неброский галстук. Лысый, в стильных очках, с небольшой аккуратной бородкой, он выглядел импозантно и был чрезвычайно активен и дружелюбен. Молниеносно реагируя на реплики почетных гостей, оябун быстро и точно передвигался среди них, деловито перекидываясь с каждым парой фраз, – настоящий светский лев с элитарной тусовки. Он оказывался настолько стремителен, что порой отрывался от двух среднего роста молодых телохранителей, тоже, впрочем, лишенных всякого намека на «быковатость». Лишь один из них приковывал к себе внимание густым загаром явно солярийного происхождения. Как и оябун, телохранители едзимбо были одеты строго, просто и не «по форме»; остальные представители «Лиги» сегодня пришли в одинаковых черных костюмах, белых рубашках и таких же белых галстуках (после окончания официальной части старшие бойцы эти галстуки снимут и заменят на менее официальные). Многие из присутствующих наводили на мысли о кино еще и манерой сидеть «по-шерифовски»: широко раздвинув ноги и упираясь в одно бедро кулаком. У одного из гостей при этом из рукава пиджака высывалась сверкающая камнями запонка размером с половину спичечного коробка, а на одном из уцелевших пальцев красовался перстень с непомерной величины бриллиантом. Когда этот гость доставал сигарету, чтобы закурить, четверо бандитов одновременно вскакивали с мест и, почтительно склонившись, протягивали ему зажигалки.

Пальцев, особенно мизинцев, не хватало у доброй половины присутствующих. У некоторых – по два-три. Видимо, это особенно своенравные бойцы, вынужденные за свою несанкционированную лихость не раз извиняться таким образом перед оябуном. Один из сидящих рядом со мной «бригадиров» оказался лишен сразу двух пальцев на левой руке.

Он «в авторитете»: однажды застрелил двух противников, отсидел восемь лет из полученных пятнадцати, освобожден досрочно и снова приступил к делам. Правда, они не всегда идут так, как надо. «В Хабаровске, – рассказывал он мне, – ничего не удалось развернуть. Нельзя так работать: пьют с самого первого дня и так, что утром не встать». Впрочем, «Лига» не теряет надежды на перспективное «сотрудничество» с Россией: некоторые бойцы учат русский язык, а один с этой целью даже поступил в МГУ.

После того как все гости собрались, начался «парад бригад», когда они, проходя в главный зал, выслушивали поздравления от стоящих в строю хозяев вечеринки. Вместе с бригадами в зал прошествовали и одиночные гости: депутаты, чиновники, полицейские в штатском, издатели престижных журналов и мы – единственные иностранцы на этом мероприятии. Своим присутствием мы вызвали естественное, но тщательно скрываемое удивление и любопытство. На фуршете, во время которого приглашенные артисты (один манерой исполнения до дрожи напомнил Кобзона) пели трогательные песни в стиле энка – что-то вроде «Я к маменьке родной с последним приветом...», некоторые изрядно «поддавшие» гости подходили ко мне знакомиться. Узнав, что в прошлом я был офицером кутэйдан – воздушно-десантных войск, предлагали поучаствовать в бизнесе: девочки, крабы, экстази. Один из новых знакомых преподнес странную визитку: «Токийская ассоциация помощи детям, оставшимся без родителей в результате военных действий». Снова вспомнился Остап Бендер с его идеей помощи сиротам, но визитку я бережно спрятал, тем более что ее владелец заодно подарил мне заколку для галстука в виде японского флага. Сувенир оказался к месту: помимо того что сиротская заколка подошла к моему галстуку, она придала мне недостающей официальности и резко снизила количество недоуменных взглядов. Я и сейчас изредка, когда хочу шокировать японцев, надеваю ее на японские приемы. Иногда – вместе с подаренным мне позже шелковым белым галстуком ручной работы с изображением горы Фудзи, обсыпанной стразами – такого галстука нет даже у моих знакомых бригадиров.

Главный официальный пункт программы – поздравления от приглашенных почетных гостей. Одетый в традиционное кимоно и гоголевский плащ с пелериной, потрясающий зажатой в руке половиной старинного лука, обмотанной шелковыми шнурами, глава одной из крупнейших в мире федераций карате выкрикивал лозунги о «единой Японии» и недопустимости пребывания на «божественных островах» всякого «материкового сброда». Вскоре я увидел его дающим интервью в Москве, куда он прибыл как лидер спортивного движения и

преуспевающий бизнесмен. Он и сейчас время от времени бывает в России. Говорят, что приезжал как-то в качестве третейского судьи, чтобы развести наших «пацанов», представляющих противоборствующие федерации карате.

«Спортсмена» сменил тоже хорошо известный в Москве и издавший в России свою довольно интересную книгу буддийский священник. Этот был более сдержан, даже сказал пару слов о духовности, но в основном сошелся во мнении со своим харизматичным предшественником. Оба особенно много говорили о тяжелом экономическом положении страны и необходимости объединения «левых» и «правых» ради подъема экономики, критиковали «испорченную» молодежь, поминали корейцев: злых – северных, похищающих японских граждан, и коварных – южных, опережающих Японию в экономическом развитии. Вышел на сцену и бандитского вида крепыш, немного опоздавший и с удивлением обнаруживший, что стойку для микрофона уже унесли. Подбежавший телохранитель, согнувшись в 90-градусном поклоне, минут пятнадцать держал микрофон перед боссом, пока тот, упершись руками в бока, говорил все о том же экономическом кризисе, молодежи, вездесущих корейцах...

В программу Бонэнкая обязательно входит тамэсивари – разбивание гипсобетонных блоков опытными бойцами-каратэками. Один из них – телохранитель оябуна – ради такого случая облачился в каратэги – каратистское кимоно с вышитым названием школы и поясом, украшенным четырьмя золотыми нашивками: 4-й дан – один из высших, присуждаемых за техническое мастерство. Его учитель тоже присутствовал на празднике. У обоих огромные мозоли на двух костяшках пальцев и шишки на лбах – бетонные блоки они разбивают руками, ногами и головой, что снова наводит на воспоминания о России – очень похоже на празднование дня ВДВ. Интересно, что сказали бы якудза, увидев, как наши десантники поротно разбивают головами наполненные водой трехлитровые банки?

Но вот гипсобетон покрошен, официальная часть Бонэнкая закончена, и из традиционного «военного» района, где в двух шагах от могил военных преступников, казненных по приговору Токийского военного трибунала, проходила наша встреча, мы едем на неформальный ужин. Вереница белых и черных «Тойот» и «Мерседесов» направляется в исконные вотчины наших новых друзей – известный своим «женским бизнесом» квартал Кабуки-те токийского района Синдзюку. Бандитский парад заканчивается в дорогом ресторане неподалеку от заведения под многообещающим названием «Дом супружеской неверности». Недели за три до Бонэнкая одному из зарвавшихся китайских бандитов якудза срубили здесь

самурайским мечом голову. Она скатилась по лестнице прямо в обеденный зал, здорово (и, наверное, неприятно) удивив сидящих там простых японцев. Здесь же вечерами танцуют русские девушки. Их фото в купальниках вывешены прямо на улице. Поев жареного мяса и потолковав «за жизнь», мы расходимся по своим делам. На часах семь вечера – меня ждет еще одна встреча, а у моих новых знакомых только начинается «рабочий день»: у них нет выходных и праздников даже в Новый год.

Поразительно, но на следующий же вечер после того Бонэнкая я впервые был остановлен на улице для проверки документов двумя полицейскими; до того японские городские почти год не обращали на меня никакого внимания. Хотя никаких документов у меня не оказалось, а визитку с мощно выписанными иероглифами «Четвертый глава Клана...» я почему-то показывать не стал, конфликта не произошло. Документы оказались на месте у Наташи, и нас отпустили под ее честное слово. На мой вопрос: «Почему вы меня остановили?» один из стражей порядка ответил с полицейской прямоотой: «Высокий очень». Сразу вспомнилась наша милиция: может быть, для любой полиции мира свой, «родной» преступник выглядит куда менее грозно, чем иностранец, опасный просто тем, что он не такой, как все?

«Мой босс – Христос». Интервью без петли на шее

Некоторое время спустя, вернувшись в Москву, я вновь вспомнил о якудза. Знакомый японский журналист пригласил меня на встречу со странным человеком – бывшим главой гангстерского клана, а ныне христианским проповедником Ёсиюки Ёсида. Его история стала сюжетом для снятого в Японии боевика под названием «Мой босс – Христос». Ёсида торговал наркотиками и посылал людей на убийства, любил роскошную жизнь, но сам едва не отправился на тот свет по воле конкурирующего клана. А потом... как в сказке – в одно мгновение все перевернулось: бывший босс мафии стал истово верующим, распустил банду, некоторые члены которой, в соответствии с японскими традициями, вняли убеждениям своего бывшего босса и изрядно шокировали мирных японцев, устроив однажды крестный ход в полуобнаженном виде, специально демонстрируя гангстерские татуировки и декларируя таким образом возможность обращения к Богу самых опасных членов общества. Если вы хотите узнать об этой истории из первых рук, почитайте нижеприведенное интервью.

Ёсида-сан, простите, возможно, за странный вопрос, но я вижу, что у вас на руках в наличии все десять пальцев. У многих моих знакомых якудза из других кланов пальцев значительно меньше. Как вам удалось сохранить руки в целости?

Пальцы отрезают за провинности, за совершенные ошибки. Во-первых, я не совершал ошибок. Во-вторых, я сам был босс, и это мне приходилось решать – резать кому-то пальцы или нет. Должен признаться, к своему стыду, что около 120 моих подчиненных остались без мизинцев, а некоторые лишились еще и безымянных пальцев. Мне очень жаль...

А как вы достигли такого «безопасного» положения, как стали боссом мафии, как все начиналось?

Это началось, когда я еще учился в старшей школе. У нас была секция регби, где занимался и я, а один из парней в нашей команде, постарше меня, уже был якудза. Когда мы шли с ним после тренировок отдохнуть, то замечали, что у него всегда куча денег. Он буквально разбрасывался ими, а самые красивые девушки просто вешались ему на шею. Это совершенно определенный стиль поведения – в Японии так себя ведут только якудза. Я знал, что это что-то незаконное, но мне тоже очень хотелось много денег и девушек, и я решил, что быть якудза не так уж и страшно... Вскоре после того, как я связался с этим парнем, мы влезли в большую драку, и школа сказала мне: «Прощай!» После этого я стал профессиональным мафиози и очень быстро достиг больших высот в организованной преступности. Наша группировка занималась в основном наркотиками, контрабандой оружия и драгоценностей. Я частенько ездил за границу по делам нашего бизнеса – в Корею, Гонконг и Таиланд, я был очень работоспособным, жестоким и удачливым гангстером. Кстати, именно в Корее я познакомился со своей будущей женой. Она была христианка, из хорошей корейской семьи, хотела изучать японский язык и вскоре вышла за меня замуж, не зная, чем на самом деле я занимаюсь.

Мой бизнес развивался отлично, и я быстро продвигался по служебной лестнице. К середине семидесятых у меня был огромный дворец в Осаке и шикарные квартиры во всех крупных городах Японии, каждый день на моих счетах скапливались десятки тысяч долларов – всего около 55 миллионов долларов по тогдашнему курсу. Это были очень грязные деньги: в те времена я контролировал около 90 процентов наркотрафика Японии. В это время в моей родной Осаке началась «война кланов» якудза. Одной из ее жертв стал мой старший брат – его застрелили на улице среди бела дня. Мы поклялись отомстить, но меня арестовали раньше, чем я успел выполнить обещание – за покушение на убийство я получил пять лет

тюрьмы.

Но, насколько я понял, вы лично никого не убили?

Да, сам я никого не убил. Но несколько человек были убиты по моему приказу. У меня был пистолет, но слово – более страшное оружие.

Ёсида-сан, чтобы нам было легче разобраться в структуре якудза, скажите, пожалуйста, как называлась ваша должность?

Я был кайте – главой клана и возглавлял Дай Нихон Сэйги-дан – «Группу справедливости Великой Японии», идеологически крайне правую организацию, состоявшую из 130–140 активных бойцов и структурно входившую в один из самых грозных гангстерских союзов Японии – Мацудагуми, насчитывавший в то время около 500 стволов и занимавшийся почти исключительно наркобизнесом. Нашими главными врагами были конкуренты из самой большой мафиозной группировки Японии – Ямагути-гуми, которая и сегодня базируется в соседнем с Осакой городе – Кобэ.

Да, это серьезные противники. Я слышал, что, несмотря на закрытость японских пенитенциарных учреждений, пять лет, проведенные там, оказались для вас не самыми спокойными?

Да, меня пытались убить и там, причем трижды. Поэтому мне пришлось сидеть в тюрьме Саппоро на острове Хоккайдо – пять лет в одиночке. Полиция хотела спасти меня от смерти, но понимала, что в районе Кансай – в Осаке или Кобэ меня убили бы обязательно – якудза там особенно сильны. Поэтому меня отправили подальше от Кансая. Вот только сидеть в Саппоро было очень холодно – это все-таки север Японии.

То, что вас пытались спасти в тюрьме от мести якудза, вполне соответствует нормам правового государства. Но, насколько я понимаю, у якудза непростые, неоднозначные отношения с японской полицией?

Якудза – это очень сложная организация. Формально это совершенно незаконный бизнес, но существует масса способов, позволяющих мафии легализоваться, существовать практически открыто и даже сотрудничать с полицией. Мне тоже приходилось вступать в контакт с высокопоставленными полицейскими. К сожалению, они довольно часто оказывались в ситуации, грозившей потерей лица, и тогда на помощь полиции приходили мы – якудза. В то же время полиция была прекрасно осведомлена о наших делах, но предпочитала нас не трогать. Когда происходило что-то экстраординарное, представитель полиции обращался к нам с просьбой выдать конкретного человека, и мы обычно не отказывали. Взамен полиция закрывала глаза на многие преступления. Наша группировка базировалась в Осаке, и один из руководителей полиции этого

города – можно сказать, что это было второе лицо в полиции, был нашим большим другом – мы могли решить с ним любые вопросы. Но кроме полиции в нас нуждались и другие представители власти, особенно политики. Многим депутатам нужна поддержка, а якудза в состоянии организовать самую мощную и убедительную поддержку.

Вы надеялись на помощь властей, когда вышли на свободу?

Нет. Меня трижды пытались убить в тюрьме и обязательно убили бы на свободе, но, к счастью, в это время в Ямагути-гуми произошел внутренний раскол, и «коллегам» стало просто не до меня – обо мне забыли. Это был очень сложный для меня период. Я все еще оставался высокомерен и, несмотря на то что влияние моей жены на меня становилось все сильнее – я даже начал посещать церковь, все еще оставался настоящим якудза. Даже в церкви я обращался к Богу с просьбой о деньгах и о решении проблем моего незаконного бизнеса. Но время многое меняет, и в конце концов я тоже очень сильно изменился внутренне. Я поразил своих подчиненных, приказав им однажды не стрелять во врагов, а договариваться с ними. А когда моя родственница, которая была наркоманкой и находилась на пороге смерти, исцелилась молитвами моей жены, я принял окончательное решение и, распустив банду, ушел из якудза.

А из якудза вообще можно уйти вот так – «по собственному желанию»?

Можно... но очень трудно. Почти невозможно.

Чем вы занимались потом?

Честным бизнесом. Здесь надо сказать, что в Японии есть две разновидности мафии по форме финансового статуса. Первая – это профессиональные гангстеры – тосэйнин, каким был и я. Тосэйнин занимаются только преступными делами и ничем другим: наркотики, проституция, оружие, убийства, рэкет и так далее.

Вторая форма – когенин – это те, кто параллельно с «работой» в банде имеют какой-то свой легальный бизнес. Например, для очень крупной группировки из Токио – Кекуто-кай характерен именно подход когенин: не пошел бизнес – сразу же открываем новый, а «тылы» якудза обеспечивают безбедное существование на время переходного периода.

Но я порвал с мафией и занялся торговлей недвижимостью. Так продолжалось до краха «экономики мыльного пузыря». Экономические трудности и все большее мое внимание к вопросам веры привели меня к единственно правильному выбору: я стал христианином, миссионером, проповедником.

Вопрос, от которого я не могу удержаться, глядя на вас. У вас

великолепная татуировка – ирэдзуми, с изображением драконов и иероглифов вашего посмертного имени. Пускают ли вас с таким украшением в онсэн – ведь во многих банях Японии установлены запреты на посещения для якудза, которых опознают именно по похожим татуировкам?

В сэнто – обычную общественную баню – не пускают. В онсэн, где есть отдельные кабинеты, пускают. Но в общественную я и сам не пойду. Разве что с друзьями – тоже с татуировками.

Ёсида-сан, я думаю, вы согласитесь со мной: якудза – очень необычная профессия. Сейчас вы – известный христианский проповедник. Это тоже очень необычно. Но ведь Богу все равно, кем вы работаете – Христос и сам был из рабочих. Почему вы не выбрали какую-нибудь простую профессию, после того как ушли из организованной преступности, не стали, например, рабочим?

Почему не выбрал? Выбрал! У меня было очень туго с деньгами, и я решил заняться риелторским бизнесом, торговал недвижимостью – это потом помогло мне в вопросах церковного имущества.

Но, насколько мне известно, ваша жена была недовольна тем, что вы остаетесь богатым человеком – даже после того, как вы перестали заниматься незаконным бизнесом. Это правда?

Да, моя жена приложила немало усилий для того, чтобы мои миллионы быстро закончились, – она долго и истово молилась об этом. На первый взгляд, это странный поступок, но в нем есть своя, довольно жесткая логика. Она говорила, что слишком горда, чтобы встречаться с таким богатым человеком – могли подумать, что она идет на это именно из-за денег, а она и сама родом из очень богатого корейского рода. Когда я перестал быть богатым, эта проблема отпала сама собой.

Вам больше не нужны деньги?

Я счастлив тем, что воспитываю молодежь в любви к Богу – это приносит мне огромную радость. У нас самая большая пасторская школа в Японии, и даже экономические проблемы, как оказалось, можно решить молитвой.

В нашей школе готовятся священники – это что-то вроде небольшой семинарии, и самый стабильный доход приносят семинаристы, которые платят за обучение ежемесячно 20 тысяч йен – около 180 долларов. Учатся у нас три года, а школа существует уже восемь лет. У нас пять церквей: на Окинаве, в Фукуоке, Осаке, Киото и Токио. Чтобы построить их, пришлось сложиться – и наш капитал пошел в дело, и пожертвования верующих, которым, собственно и принадлежит церковь.

Я много езжу по Японии и могу сказать, что очень многие люди жертвуют на церковь, жертвуют на нашу школу. Конечно, все прихожане разные – кто-то ничем не в состоянии помочь, а какая-нибудь богатая структура иной раз перечисляет такой взнос, который превосходит наши месячные заработки. С другой стороны, мы и сами вкладываем немало денег, проповедуя по всему миру. Вот и приехать сюда, в Москву, нам стоило недешево, но мы получили приглашение от московских верующих и не могли отказать. Это ведь моя жизнь, да теперь и не только моя. У меня трое детей: старший – мальчик – и две девочки. Сын уже стал пастором. Старшая дочь работает у нас в церкви на ответственной должности, а младшая занимается миссионерской деятельностью.

Ёсида-сан, насколько я понимаю, и до вашего обращения в христианство вы не были атеистом. Как и большинство японцев, вы, вероятно, ходили в буддийские, синтоистские храмы? Вы были верующим человеком?

Я верил. Верил в синтоистских kami и в Будду, потому что так было удобно. Когда я решил стать христианином, то сначала пошел в большой синтоистский храм в Киото и спросил kami, как мне быть. Я не получил никакого ответа и понял, что отныне моя судьба должна измениться. Я нашел истинного Бога.

Сейчас вы посещаете храмы других, в том числе истинно японских, религий?

Ни в коем случае!

Вы сказали, что ваши дети – тоже христиане. Это значит, что ваши внуки тоже не посещают ни буддийских, ни синтоистских храмов, с ними не совершался обряд «О-мия маири», они не ходят на праздники-мацури, которые так любят японцы?

Ни в коем случае!

В Японии принято хоронить умерших по буддийскому обряду. Ваши родители живы?

Отец, к сожалению, уже скончался – еще до того, как я обратился в истинную веру. Мама уже стала христианкой, так что и этот вопрос для нас решен.

Мне всегда была симпатична в Японии религиозная толерантность. Не порождает ли активная миссионерская деятельность, особенно со стороны «неродных» для японцев религий, конфликтную атмосферу в этом очень деликатном вопросе?

Бог – один. Для меня тут нет никаких вопросов, и я продолжаю свою деятельность. Когда меня пытаются переубедить, например, буддисты, я

соглашаюсь с тем, что многое в буддизме устроено правильно, но я отчетливо вижу, что эти же вопросы в христианстве решены еще лучше, и сразу же говорю об этом!

Ваша убежденность делает вам честь, сэнсэй. Однако позволю себе заметить, что есть другие сэнсэй, которые думают точно так же. Например, Икэда-сэнсэй считает, что нет ничего лучше, чем Нитирэн, а Икэгути-сэнсэй – ярый сторонник Сингон. А завтра в Японию приедут ваххабиты, которые абсолютно убеждены, что общество должно жить по законам шариата.

Нет, нет, никакого конфликта не будет, никакие столкновения невозможны! Наша задача – только высказать свой взгляд на веру, показать отличия своей веры от других, а дальше пусть каждый выбирает сам. Я никогда не приму ислам и не стану буддистом! Я не хочу конфликтов и не хочу никого убивать – даже из-за веры. Япония – страна свободы в выборе религии. Я откажусь убивать.

А если убьют вас?

Ну, когда будут убивать, тогда и подумаю об этом.

Наверное, это мудро, сэнсэй. Но что касается других японцев, как вы считаете, такая толерантность в вере – это нормально? Или это равнодушие? Японцы – вообще верующие люди?

Они ничего не понимают в вере, их надо просвещать, образовывать, рассказывать, что Бог, создавший Вселенную, – только один. Именно этим я и занимаюсь. К сожалению, в массе своей им все равно, во что верить. Внешняя религиозность есть, но у нас, как говорят, 8000 богов – это ненормально. Просто японцам все равно.

В завершение – вопрос, связанный и с первой частью нашего интервью, и со второй. Недавно в Нагасаки убили мэра города. Как вы относитесь, с высоты своего сегодняшнего положения и с учетом вашего прошлого опыта, к подобным эксцессам?

Никак. Это была разборка из-за наркотрафика. Речь шла о миллионах долларов, а за такие деньги убивают и мэров. Якудза и сейчас тесно связаны с властью, с депутатами, с политиками. Мафия не может существовать без поддержки власти. Раньше это было в порядке вещей. Сейчас якудза приходится все тяжелее и тяжелее – законы становятся суровее. Но и во власть рвутся те, у кого нет денег, но кому этой власти очень хочется – таким людям без якудза не обойтись. Хотя среди нынешних депутатов есть и христиане – двенадцать человек. Это символично.

А вам не хочется податься в политику?

Нет. Мой босс – Христос. Мое оружие – молитва.

У каждого свой праздник

Кигэнсэцу

На зимние праздники японцам повезло не меньше, чем нам. У нас: Новый год и старый Новый год, два Рождества (одно – отечественное, то есть настоящее, другое – как повод выпить и съездить в тур на распродажи). Сейчас, кажется, появляется традиция справлять третье Рождество – старое, по аналогии со старым Новым годом. У них: День рождения императора, Новый год, День основания империи, Рождество (как повод купить что-нибудь дорогое со скидкой или съездить в тур). Меньше всего в России знают про третий в этом списке праздник – в советское время он считался «неприличным» по идеологическим мотивам.

День основания империи любят и считают «своим» праздником японские правые. В то же время это не мешает всем остальным японцам (а их куда как больше) считать его своим и веселиться от души. Правые требуют возродить мифическую «Великую империю», простые японцы радуются, что живут именно там, где живут – в Японии, – ее реального величия им довольно.

История этого выходного дня уходит в столь глубокую древность, что тот период нередко называют «эпохой легендарных императоров». Самый первый из них и, естественно, наиболее легендарный – Дзимму. Будучи потомком самой богини Солнца и прямым предком нынешнего императора, он и основал, если верить преданию, страну, именуемую ныне Японией. Произошло это за 660 лет до Рождества Христова. День известен точно – 11 февраля. С тех пор именно в этот день миллионы, а может быть, и десятки миллионов японцев приходят в храмы традиционной японской религии синто, хранящие дух великой старины и покровительствующие самой Японии и каждому ее жителю в отдельности. Верховным жрецом синто является император, а одни из самых пышных празднеств проводятся в храме, посвященном знаменитому императору Мэйдзи, милостиво и дальновидно согласившемуся на «открытие» Японии миру в конце XIX века.

Ровно в полдень толпы японцев, одетых в традиционные накидки, панталончики (для женщин), набедренные повязки (для мужчин), под грохот барабанов отправляются по главной аллее парка Мэйдзи к святилищу. Они дружно кричат, придавая себе сил и ритмично вскидывая

на плечах тяжеленные носилки о-микоси. Широкая дорога, ведущая к храму, вся запружена праздничными процессиями. Полицейских – ни одного. Порядок – идеальный. Многие из пританцовывающих в этой человеческой многоножке – с явно неформальными прическами: молодые похожи на панков, солидные солидны так, как в Японии могут быть солидны люди, близкие к правым. Еще более серьезного вида мужчины ждут о-микоси на пороге храма Мэйдзидзингу. Во дворе другой барабанный оркестр – он задает ритм вплывающим сюда колоннам. Эти барабанщики одинаково одеты и играют более сдержанно, чем отличаются от тех, что стояли в начале дороги. Там, привлекая всеобщее внимание и срывая аплодисменты зрителей, стучал в барабан и бился в экстазе молодой парень с пепельными волосами. Вышибая огромными палками сложнейшие мелодии, он, явно пребывая в «измененке», крутился вокруг барабана, лупил в него с разворота, внезапно подлетал над барабаном на полтора метра в высоту, выполняя в полете поперечный шпагат, и в падении снова обрушивал на кожу вадайко сверкающие в молниеносном движении палочки.

Одна за другой процессии о-микоси подходили к ступеням храма, пытаясь, казалось, взять его штурмом. Показав должное усердие, они отходили и располагались в стороне, давая место следующим. Наконец, содрогая землю, откуда-то из глубины храма, как из таинственного подземелья, низайшим басом ударил невидимый главный барабан Мэйдзидзингу. После установившегося минутного молчания старейшины преподнесли храму свои дары и вместе со священниками каннуси помолились синтоистским богам. Красноносый демон Тэнгу станцевал свой жутковатый танец – сначала со священным копьём, с острия которого, как гласит легенда, падали капли, образовавшие в Мировом океане Японские острова, а потом с мечом – одной из трех священных реликвий японского императорского дома и главной ценностью самураев.

Вот и все: произнесены приветственные речи, народ поздравлен с очередной годовщиной основания империи, вознесены молитвы богам с просьбой дожить до следующего праздника. О-микоси возвращены на свои места в храмах. Парень с платиновой прической, оставив свой барабан, лениво прищурившись, потягивает в тени пиво из банки и договаривается с подружкой о свидании – праздник закончен.

Государевы люди

Вот и пришел Новый год. За десять минут до наступления 1 января, то есть за 6 часов 10 минут до первого удара курантов в Москве, мы дружной группой человек в семь-восемь высыпали из многоэтажного дома близ старого, на всю Японию известного кладбища Сэгакудзи. Мимо нас по дороге к храму величаво шествовали европейские дамы в широких шубах до пят и с пышными куафюрами. Одна из торгпредских жен (похоже, так в Японии одеваются только они), указуя пальцем, отягощенным перстнями, на наш дом, с оттенком брезгливости промолвила: «Говорят, там тоже живут русские». «Да, – подхватила вторая, – здесь столько проституток, просто ужас!» Заметив недоумение на моем лице, мой друг, доктор наук, преподающий в японском университете и проживающий в этом самом здании, объяснил на ходу: «Не обращай внимания – государевы люди. Присланы в Японию на кормление».

Выезжая за границу, мы рискуем постоянно. Мало того что туриста норовят обмануть ушлые агентства путешествий, а на месте отдыха – еще более проказники-туземцы, сопровождаемые местной заразой и лихачами-водителями, теракты и лихорадка, изношенные самолеты и полные нитратов огурцы. Даже в этой тихой стране с вами может случиться любая неприятность. Можно потерять паспорт, отстать от группы, заблудиться, оказаться в эпицентре землетрясения или быть смытым цунами – да мало ли что может приключиться с иностранцем в чужой стране. Что делать в такой ситуации? Единственная надежда в таком случае – на соотечественников, обремененных официальными полномочиями и статусом «государевых людей», – наших дипломатов.

Мне приходилось быть свидетелем ситуаций, когда наши туристы теряли паспорта, терялись сами. Когда надо было срочно обращаться за помощью в российское консульство, мы эту помощь быстро получали. Так что хочу сказать сразу: никаких претензий по поводу выполнения их прямых должностных обязанностей у меня к дипломатам нет. А уж что касается функционирования политических, экономических и прочих сугубо важных, ответственных отделов, то это и вовсе не мое дело. Не полезу.

Но... есть один, извините, за ученое выражение, аспект посольской деятельности, с которым мне постоянно приходилось сталкиваться как гайдзину-иностранцу. Да еще и гайдзину, не только живущему среди простых русских людей в этой стране, но и много общающемуся с русскоязычными японцами – советологами и русистами. Но японцы еще ладно, а вот отношения наших недипломатов с нашими дипломатами абсолютно точно: никак не складываются. Именно не складываются. Они не хорошие и не плохие – их нет. История про новогоднюю встречу у

Сэнгакудзи совсем не оригинальна и не удивительна. Российских дипломатов в Японии несколько сотен человек. Россиян, живущих здесь постоянно, – несколько тысяч. Живут в одной стране, но на разных планетах. Первые сами себя считают (возможно, справедливо) особой – чрезвычайно привилегированной кастой, разными путями добившейся вершин власти и карьеры. Они – элита государственного аппарата и по советской привычке безумно боятся хоть в малости этот образ разрушить.

Большинство наших дипломатов – выпускники языковых вузов, прежде всего МГИМО, распредившиеся на работу в МИД. Что это значит? Это значит: зарплата на уровне прожиточного минимума в России и протирание штанов в пыльном кабинете на Смоленской площади в ожидании чуда – долгожданной командировки в Японию. Ожидание вполне материально: командировка принесет не меньше 3000 долларов в месяц, бесплатную квартиру, возможность поехать на шикарной машине за казенный счет и обрести связями, которые позволят полулегально заниматься бизнесом с японскими партнерами – параллельно с карьерой и после отставки. Поймите правильно, я только констатирую факты и не обвиняю этих людей ни в чем. Да их ни в чем и нельзя обвинять – это их стиль жизни. К тому же, кроме владения японским языком и русским (в смысле умения говорить много, мало что говоря), они не могут больше ничего, а японский язык не кормит. Разве что нескольких человек.

Еще хуже положение у наших шпионов, многим из которых пришлось сначала потянуть лямку в армии или в разведцентре за пределами МКАД, окончить разнообразные разведшколы и академии, а теперь заниматься фактически тем же, чем и «чистые» дипломаты, да плюс еще свои – шпионские – дела. Как и остальные, они здесь – на кормлении.

Главная задача любого нашего человека в Японии – выжить. И не только выжить, но и постараться по возможности продлить срок своей командировки, а если не удастся, то, по крайней мере, убедиться, что после краткого пребывания на родине снова выпадет счастливый билетик и получится вернуться на землю обетованную – в Японию. Чиновникам, возвращающимся на кормление, особенно трудно: претендентов много, посольство не самое большое, а оттого стиль жизни в нем (и в торгпредстве) сильно напоминает советские времена, за тем исключением, что теперь наши дипломаты гораздо свободнее в передвижениях по стране и активно используют эту свободу для ведения бизнеса. Да еще сменился и главный объект зависти. Если раньше ревность наших вызывали японцы и другие иностранцы, судьбою обреченные на жизнь в этом раю, то теперь объектом неприятия стали русские, живущие в Японии независимо от

наших диппредствительств.

Их становится все больше: число русских стажеров, ученых, японских жен и девушек-хостесс увеличивается в Японии с каждым днем. Они не живут в посольстве или торгпредстве. За ними нельзя следить, и они крайне мало зависят от воли отечественного МИДа. Точнее, не зависят совсем. Они – не элита, они, за редким исключением, даже не японисты. Многие из них приезжают сюда на годичную стажировку и, цепляясь за любой шанс, остаются на следующий год, потом на следующий, потом еще на годик... они тоже на своеобразном кормлении, но живут в своем мире, который разительно не похож даже на мир их сверстников в Москве и Владивостоке, а уж с посольским... Даже цвет паспортов у этих людей разный, только язык и объединяет.

Когда я впервые позвонил в посольство, русский дипломат, снявший трубку, сразу спросил: «Вы говорите по-японски?» Глупо отрицать важность владения японским языком в этой стране, но почему-то это качество среди наших дипломатов считается одним из двух основных (наряду с наличием связей, могущих принести реальные деньги), определяющих степень компетентности человека в любом вопросе, хотя это и не бюро переводов (по крайней мере, не только), а внешнеполитическое ведомство. Со мной разговаривать согласились лишь после того, как я сумел убедить интересующего меня российского дипломата в своем знании японского языка. Разумеется, говорили мы по-русски.

Интересно, что тысячи молодых русских, живущих в Японии, включая и многих презираемых дипломатами хостесс, по-японски говорят и читают, хотя и на своеобразном – «гайджынском» – диалекте. По собственному опыту, а я гораздо ближе к этой части русской диаспоры, знаю, что у них не меньше, а может быть, и значительно больше проблем, чем у соотечественников, защищенных «зелеными корками». Им надо искать жилье, зарабатывать деньги (далеко не у всех стипендия позволяет безбедно существовать), решать судьбы своих детей, живущих в Японии и посещающих японские детские сады и школы, искать адвокатов и работодателей, деловых партнеров и просто друзей. Часть русских выходит из положения, приходя в Русские клубы. Через них же распространяется рассылка новостей и объявлений, и через них русские пытаются решить все свои проблемы – от покупки билетов до разводов. Каждый знает, что в посольстве их с этими проблемами не ждут. Но и радостной встречи случайно забредших на Русский клуб дипломатов (кроме одного завсегда) я тоже не наблюдал.

Грустно, но, столкнувшись на каком-нибудь крупном мероприятии, русский дипломат и русский же аспирант вряд ли станут разговаривать друг с другом (особенно если дипломат не один). Посольские не ходят в Русский клуб, обычные посетители клуба не приглашаются на мероприятия посольства. Для многих «неформальных» русских в Японии дипломаты – «чинуши» и «взяточники». Для наших дипломатов соотечественники без зеленого или синего паспортов – «шваль и проститутки». Один посольский чиновник как-то в порыве откровенности признался мне: «Я всех наших, которые приходят к нам в консульство, вижу сквозь окошко как через амбразуру». Я еще порадовался тогда, что у него пока нет пулемета. «Почему?» – задал я ему глупый вопрос и получил исчерпывающий ответ: «Но я же дипломат, я не могу общаться с этими людьми – это неприлично».

«Эти люди» тоже не горят желанием вступить в контакт с работниками российских диппредставительств. Для русской молодежи в Токио наше посольство – в лучшем случае «главная цитадель» (торгпредство – просто «цитадель»), в худшем – «гадюшник». Я провел небольшой и крайне неофициальный блиц-опрос среди посетителей Русского клуба в Токио, попросив их одним словом определить основное качество русского дипломата в Японии. Первыми по популярности стали эпитеты: «высокомерный», «несвободный», «корыстный».

Воспитанный в советской школе, я привык к мысли, что наш дипломат за рубежом – это «лицо страны». А тут оказывается, что это «лицо» высокомерно, несвободно, корыстно, да еще и лениво. Уже японцы-русисты пеняли мне при встрече: «Ваше посольство не делает ничего для создания хорошего образа России! Это ужасно!» Рассказываю об этом молодому сотруднику консульства, только что окончившему МГИМО. Он законно возражает: «Но этого же нет в моих должностных обязанностях!» Позже, под банку пива, сетует: зарплата, вероятно, самая низкая в посольстве – около 400 тысяч иен в месяц (около четырех тысяч долларов), правда, он не платит за квартиру, оплачивая только коммунальные услуги, и получает компенсацию на бензин из расчета 90 литров в месяц, но как-то все равно не хватает. Все равно как-то мало... Детям подарки, квартиру в Москве недурно прикупить было бы, да и машину уже подобрал...

Расстроенный, ухожу со встречи: жалко стало наших дипломатов. Сел в электричку, начал размышлять. Японец такого же возраста, только что окончивший даже престижный институт, поступая на работу в компанию, вряд ли может рассчитывать на зарплату больше 250 тысяч иен в месяц, из которых около половины уйдет на оплату жилья, и уж, конечно, никто не станет оплачивать ему бензин. Впрочем, японцам в Японии жить легче –

дома и стены помогают.

Я, кстати, тогда поинтересовался у нашего консульского, знает ли он человека, в обязанностях которого прямо прописано, что он должен радеть за престиж своей родины? Дипломат почесал в затылке и неуверенно ответил: «Может, у посла?»

Может, у посла. Но я не уверен. По крайней мере, до посла мне достучаться не удалось – не мой уровень. А вот еще с одним дипломатом, довольно высокого ранга, я все же поговорил: «Есть у нас человек, который обожает историю, много знает о наших двусторонних контактах, но по специальности своей он занимается внутренней политикой Японии. Есть человек, который вхож во все японские музыкальные салоны, но он занимается внешней политикой. Атташе по культуре имеет какие-то другие интересы. Но вы поймите, мы – чиновники. Не надо требовать от нас того, чего мы дать не можем! Вот назначат человека, в обязанности которого будет входить забота об имидже России, с него его начальство и спросит».

Ну наконец-то все разъяснилось. Пока такого человека не назначили, спрашивать не с кого, да и не вправе я «спрашивать», только... Право слово, за державу обидно, когда я читаю в журнале интервью с известным японским славистом Мицуеси Нумано: «...России надо активнее вести свою культурную дипломатию. ...Мне кажется, что российское посольство в Токио не прилагает особых усилий для установления контактов с японскими русистами... В посольстве России, образно говоря, заперлись от нас на ключ... Мне бы очень хотелось, чтобы в нашей работе поучаствовали представители российского посольства. Но на свои предложения я не получил конкретного ответа. У меня сложилось впечатление, что русским дипломатам это безразлично». Не знаю, насколько прав японский сэнсэй, но он один из тех людей, которые формируют у японцев образ нашей страны. К счастью, этот человек формирует образ положительный. Но есть еще десятки японских русистов, которые боятся идти в наше посольство, а там, в свою очередь, не очень жаждут их видеть, выставляя перед входом рамки металлоискателей. Есть информация о том, что старики-русисты готовят теракт? Нет? Тогда зачем?! Что напишут потом эти люди о России и сыграют ли роль их произведения в создании образа моей страны, можно только догадываться.

Один японец удивлялся в разговоре со мной: «Когда-то в Японии публичные дома маскировались под вывесками “турецких бань”. В конце концов это настолько сильно возмутило турков, что они потребовали закрытия таких заведений. Теперь использовать это название в порнобизнесе запрещено. Почему вы – русские – так равнодушно

относитесь к тому, что любой секс-бизнес с европейскими женщинами у нас, в Японии, начинают называть русским? Не все же русские женщины в Японии проститутки? И далеко не все проститутки – русские! Я за всю жизнь ни одной не видел. Вы этого не понимаете?» Ну почему – понимаем. Но то турки, а то мы...

После всех этих бесед настроение у меня испортилось окончательно. Пришел домой, и, как назло, в руки попался томик Толстого. Читаю роман «Воскресение»: «Это чиновники, озабоченные только двадцатым числом. Он получает жалованье, ему нужно побольше, и этим и ограничиваются все его принципы». Так, может быть, именно в этом и есть «великая сермяжная правда»? Вообще бывает ли по-другому? К сожалению, русским, живущим в Японии, нельзя обратиться к Традиции проживания в этой стране – хотя ей уже полтора столетия, они никогда не были организованы и сплочены. То ли по причине своей малочисленности, то ли по какой еще. Так что придется снова посмотреть на Запад. Оказывается, все просто: чем более развита страна, чем лучше ее граждане живут у себя дома, тем легче им жить за рубежом. Тот же профессор Нумано в своем интервью говорит об обстановке внимания, которой окружают своих граждан дипломаты, прибывшие в Японию из Западной, да и из Восточной Европы – Польши, например. Традиционно трепетно относится к своим соотечественникам посольство Израиля; короче говоря, вряд ли кто-то, кроме выходцев из бывшего СНГ, рискнет заявить, что «видит своих соотечественников сквозь амбразуру».

В Москве японцы объединились в свое общество – Нихондзинкай, есть Японский клуб и Японский бизнес-клуб. Японцев в российской столице не так много, как россиян в японской, но организованы они значительно лучше. Контакт со своим посольством у них постоянный и непосредственный.

Получить русскому недипломату в Токио информацию о гастролях или иных российских культурных мероприятиях очень трудно, достать билеты – почти невозможно. Японцы в Москве издают газету «Московский ветер» и в курсе не только гастролей своих соотечественников, но и местных мероприятий на японскую тему. Поддержка посольства в этом неявная, но действенная. Если бы такая – хотя бы моральная – поддержка была у русских в Японии, нашим жилось бы значительно легче.

Что же нам с этим делать? Сказать, что нашим дипломатам стоит другими глазами посмотреть на своих соотечественников, а тем – перестать с опаской и неприязнью относиться к дипломатам, – значит стать идеалистом. По здравому же размышлению можно найти, наверное, сразу

несколько путей смягчения этой проблемы. Мне кажется, что, когда русские дипломаты и русские ученые, а также жены русских ответственных работников и русские жены японских бизнесменов смогут познакомиться и без неприязни, не свысока, а на равных поговорить друг с другом, им всем будет уже не так обидно за державу. А там, чем черт не шутит, может, и японцы будут уважать нас значительно больше? Вот только почему-то мне в это уже почти не верится. Возможно, в этой главе читатель услышит голос обиды, сопровождающей автора в размышлениях об отношениях «государевых» и «негосударевых» русских. Так и есть – мне обидно, но не за ту или иную сторону, поскольку я уже давно не принадлежу ни к одной из них, а, извините за банальность, за державу. Обидно за державу, у которой в Японии и без того далеко не все в порядке и граждане которой не могут найти меж собой общего – русского – языка.

Записки от зависти

Смерть от жуимотины

Древние японцы обожали писать дневники и записки. К числу самых известных произведений этого жанра относятся, например, знаменитые «Записки от скуки». Не от головы или живота, как можно было бы подумать (от этого они предпочитали вещи посерьезнее – меч, например), а от скуки. Рассказал японский автор о том, что его занимало, от чего он скучал, и, быть может, от скуки и излечился. Когда, вернувшись из Японии, я спускаюсь в московское метро и лихорадочно ищу платок, чтобы зажать нос, то испытываю острое чувство стыда и не менее острое желание написать записки от зависти. Думаю, я не одинок в этом своем низком чувстве. Слишком многие наши люди завидуют Японии и японцам. Завидуют тому, как работают, как отдыхают, завидуют космическому японскому быту, унитазам а-ля «Спэйс шаттл». Да мало ли чему еще можно завидовать, особенно если не знать, что там на самом деле, не видеть обратную сторону... Вот я и подумал: а если написать записки от зависти, может быть, зависть и пройдет? И написал.

Самые популярные в этой стране виды отдыха называются «каймоно» (шопинг) и «табэмоно» (хождение по ресторанам), но мы пока обратимся к более известным у нас вещам. Например, к любованию сакурой. С каким умилением, вторя поэтам и писателям, мы восторгаемся: японцы так мило любуются веткой сакуры, так утонченно наливают сакэ и слагают стихи! Они ждут наступления каждой весны с таким нетерпением – вот-вот зацветет вишня, как это возвышенно!

Хорошо, что наши дачники в большинстве своем не относятся к числу фанатов японской жизни, а то еще немного, и у нас отказались бы от черешни в пользу японской бесплодной красоты. Черешни было бы жаль, но такой красоте я, скажу честно, завидую. Бело-розовое великолепие на несколько недель окутает всю страну, и опадающие лепестки, о которых в Москве разве что ленивый не знает, что они – символ оборванной жизни самурая, кружась в вальсе, упадут в чашки с сакэ:

*Сакуры нежной цветок
В водки стакан опустил.
Как хорошо!*

(Леонид Каганов)

Каждой весной 20–25 японцев расстаются с жизнью из-за любви к прекрасному – они упиваются насмерть. Любование сакурой для многих жителей этой страны слишком уж неразрывно связано с алкоголем. Как можно смотреть на эту красоту без стакана в руке? Смахивая сентиментальную слезу, японские мужчины устраивают поэтические турниры, викторины, игры, где проигравших ждет одно наказание – штрафная. Я завидую японцам. Они доросли до того уровня, когда количество смертей от перепоя прогнозируемо и держится на практически неизменном – потрясающе низком уровне – столетиями. Они травятся священным рисовым вином, слушая стихи и наблюдая за опадающими лепестками, точно так же, как травились их деды и прадеды. Что может быть красивее, чем отойти в мир иной под пьяную болтовню хмельных красавиц и лихих клерков? И только 20–25 человек в год. Не тысяч, не сотен – два десятка человек. Лимит. Великая страна.

Помните, как мы смеялись когда-то, узнав, что президент Буш-младший чуть не расстался с жизнью, подавившись не то пончиком, не то коврижкой? Японцам не было смешно. Каждый Новый год два-три японских старичка делают то, что не под силу президенту супердержавы, – они умирают от жуимотины. Здесь принято справлять Новый год установленным порядком: есть холодную гречишную лапшу, пить с утра сакэ и... давиться сладковатыми рисовыми лепешками – моти. Эти самые моти обладают странным свойством – они очень плохо прожевываются. Японские дедушки и бабушки знают об опасности, но из года в год, из столетия в столетие хладнокровно рискуют. Вы скажете: что такое для страны с населением 126 миллионов человек две-три смерти на Новый год? Ерунда! Да, ерунда. Но каково упорство! В другой стране плюнули бы давно и не делали этих моти, лучше бы еще раз сакэ выпили, но не в Японии. Традиция превыше всего! Знают, но давятся. И деды их так давили, и прадеды-самураи, дети самураев. И я опять немножко завидую им. Такое упорство, да еще и в мирных целях... Завидую.

Закон «орануса»

Всем известно: Япония переживает экономический кризис. Переживает уже так давно, что это стало ее нормальным состоянием. Рядовые граждане страны тоже в курсе этой «новости», и, хотя у

большинства семей материальное положение все еще позволяет ее игнорировать, законопослушные японцы готовятся к невзгодам. Отказ от менеджмента в японском стиле и переход к свободной конкуренции держит теперь в напряжении даже неприкосновенных прежде начальников предпенсионного возраста. Хотя японцы бесконечно далеки от того, чтобы приобретать новогодние подарки в «стоиеновых» магазинах, все большее количество покупателей устремляется в ширящиеся сети дешевых универмагов. В магазинах сети «ЮНИКУРО» (UNIQLO) скупается произведенная главным образом в Китае и Вьетнаме яркая и качественная одежда в среднем по 2000 иен, благодаря чему владелец магазина с кризисом справился, став самым богатым человеком Японии.

Сэкономленные клерками деньги с воплями радости вкладываются их женами-брендофилками в покупку фантастически популярных и столь же дорогих сумочек «Луи Виттон» (Louis Vuitton) – 150–300 тысяч иен штука. Девяносто процентов японских женщин в возрасте от 15 до 70 лет имеют как минимум одну вещь этой фирмы. По телевидению то и дело транслируются программы, передающие опыт отдельных семей по сбережению кровно заработанной иены. Обычно в конце таких передач объявляется: «Семья Ямамото сэкономила в этом месяце 4357 иен и теперь отправляется в ресторан», где и отмечает столь небывалый успех на сумму, в 4–5 раз превышающую размер кубышки. Но и это не предел. Говорят, что наиболее рьяные домохозяйки решительно отправляют своих мужей по утрам в общественные туалеты – воду тоже надо экономить. Мужьям приходится трудно: на сумму, уже в сотни раз превышающую размеры экономии, они каждый вечер напиваются со своими друзьями пива, которое утром должны донести до ближайшего парка или станции метро. Они не могут по-другому. Это закон пелевинского «орануса»: чем больше производишь, тем больше потребляешь. А если кризис, то экономить то, что потребляешь, для того чтобы потреблять еще больше, и это – тот редкий случай, когда я японцам не завидую.

И все же... Они построили то, о чем мечтали наши отцы и деды: если не коммунистическое общество, то что-то очень похожее. Когда Никита Сергеевич пообещал нам коммунизм при жизни одного поколения, серьезнее всего это обещание восприняли в Японии. Те студенты, которые в шестидесятых дрались с полицией и якудза на улицах японских городов, отстаивая идеалы марксизма, сегодня руководят фирмами, компаниями, корпорациями. Они сделали вид, что побеждены, и победили сами. Строили капитализм под руководством Соединенных Штатов. Построили национальный коммунизм для самих себя. В Японии самые счастливые и

беззаботные категории населения – дети и старики. Первым пока все равно. Вторым уже все равно. Те, кто посередине, работают. Кто не выдерживает, бросается из окна или под поезд или уходит в лес Аокигахара, чтобы заблудиться и умереть там от голода. Их много. С каждым годом их становится все больше. Но и этот рост предсказуем, как рост валового продукта. Предсказуем, как почти все в Японии, кроме землетрясений и цунами. Когда я смотрю на японскую молодежь с крашеными чубами и в безумной одежде, на молодых клерков, бредущих по улицам в одинаковых темных костюмах и с ниточками слюны, свисающими из открытых ртов, я думаю о том, что будет дальше. И... заранее немножко завидую.

Часть 5. Внезапная. Aftershock

Секреты японского менеджмента

Ум за Разум

Года три назад стало известно, что в Японии успешно испытана система управления бытовыми приборами силой мысли. Предназначенная для обездвиженных инвалидов, она позволяет напряжением клеток головного мозга переключать телеканалы, включать электрочайник или, например, сплит-систему. Сообщение добавило веса в одно из ключевых представлений россиян о японцах: по данным различных опросов, среди самых характерных черт этого народа мы называем Ум.

Не собираюсь опровергать изложенную максиму – это невозможно. Ее доказательства налицо: электроника и автомобили, суси и скоростные поезда, роботы и иероглифы – все это могли придумать только очень умные люди. Японисты в этом месте конфузятся: «Да, вообще-то так... но... на самом деле все это придумали не совсем японцы. Точнее, совсем не японцы. Разве что суси...» – «Подождите, – скажете вы, – ну хорошо, пусть придумали не японцы, но делают-то японцы?» Это да, это в точку – они. Правда, придумывать и делать – не одно и то же, да еще под иностранным руководством (среди топ-менеджеров японских корпораций всегда было много легионеров), но делают японцы. Правда, не совсем понятно: разве для создания придуманного продукта нужно быть умным? Считаете ли вы сантехника, быстро и качественно отремонтировавшего вам сломанный кран, умником?

Это ключевой вопрос: «быть умным» по русским и по японским понятиям – абсолютно разные вещи. По инерции советской образовательной системы мы пока считаем, что «умный» – это широко образованный, эрудированный, а порой даже находчивый человек. Быть умным по-японски – значит глубоко, до мельчайших деталей знать свое дело и уметь автоматически исполнять какую-то одну, кем-то четко определенную функцию.

Моя давняя подруга Кристина, профессиональный сисадмин, живущая в Токио, никак не могла устроиться на работу. Ошибку заметил муж-японец: «Когда у тебя спрашивают, что ты умеешь делать, ты, как последняя дура, отвечаешь: это, это и еще вот это! Так тебя на работу никогда не возьмут. Скажи, что ты специалист по чему-то одному – по одной программе или вообще по одной функции – умеешь только включать

компьютер, и все получится!» Девушка вняла совету и теперь работает в крупной японской компании – видимо, выключает компьютер кто-то другой.

Другой пример, увидеть который собственными глазами может каждый в Японии. В японском банке меняют валюту 3 или 4 человека: один принимает деньги и пересчитывает, второй сверяет курсы и оформляет бумаги, третий... Однажды я попал в ситуацию, когда одному из звеньев этой цепочки приспичило в туалет. Работа встала. Трое сотрудников неподвижно замерли передо мной в помещении, с каменными лицами глядя сквозь меня в пустоту. Лишь когда вернулось «слабое звено», все поклонились друг другу, обворожительно улыбнулись мне, и конвейер снова запустился.

Иностранные специалисты уверены: японцы великолепно работают в коллективе, отлично чувствуют себя в группе, но встают в тупик от самой простой задачи, если оказываются в одиночестве. Их великолепные роботы собирают столь превосходные автомобили, но их же официантка – дочь настройщика роботов – падает в обморок просто при виде иностранца, как это случилось со мной однажды в ресторане одной японской префектуры. Они добились невообразимых успехов в построении той Японии, которую во всем мире именуют «индустриальным обществом», одновременно заслужив в западном мире унижительную репутацию «экономических животных», зайдя в результате в цивилизационный тупик, и вот уже пару десятилетий лет бьются над проблемой выхода из него путем построения «интеллектуального общества». Не получается. Почему?

Один из теоретиков создания «интеллектуального общества» Таити Сакаия отвечает: «До сих пор японское образование было ориентировано на нижнюю ступень восприятия. Как только в классе обнаруживался самый слабый ученик, уровень обучения настраивался на него». Мягко и научно выражаясь, японское общество очень долго поощряло систему образования, которая позволяла сочетать стремление и умение доводить полученную извне идею до идеального воплощения с созданием условий для всеобщего монотонного и коллективного труда. Был построен огромный завод под названием «Япония», в котором трудились миллионы человек, и лишь те немногие, кто сумел подняться над низкой планкой образования, работали в НИИ этого «завода».

Особый вопрос – иностранцы. Повторюсь: ни одна крупная японская компания, ни одно мало-мальски значимое изобретение не обходится без их весомого вклада – говорю это, как человек не один год проработавший в японской компании и специально занимавшийся анализом этой проблемы.

Но японцы не просто не любят об этом говорить, их точка зрения на проблему прямо противоположна нашей. Столкновения двух моделей мышления в отдельно взятой японской корпорации блестяще показала Амели Нотомб в своем романе «Страх и трепет». Менее известна, но ничуть не менее шокирующая технологичная, а потому убийственная в своей документальности книга Найала Муртага «Гайдзин на службе в Мицубиси». Интересно, что японцы думают о нас примерно то же, что и мы о них. Европейцы, по глубокому убеждению японцев, не способны на творческую и индивидуальную деятельность – мы сильны только в коллективе и можем выиграть, только «навалившись гуртом» (именно поэтому якобы японцы потерпели поражение во Второй мировой войне). Мы по определению не способны воспринять тонкость и красоту японской культуры и японского духа. Мы – физиологически бестолковы. «Вы понимаете, что ваш европейский умишко никогда не сможет постичь всю глубину японского разума?» – спрашивает героиню Нотомб ее японская «шефиня», подразумевая только один ответ: «Да!» Японцы свято верят в то, что мы глупее их просто потому, что мы – белые (глупее нас только корейцы и китайцы), но говорить нам об этом необязательно – неразумные, мы можем обидеться! Ведь нам не понять, почему люди, построившие «общество, наиболее близкое к раю», придумавшие способ управления телевизором при помощи мысли, самые умные люди на планете, придя домой, балдеют от телешоу с названиями вроде «Кто громче пукнет?», «Загляни ей под юбку» или «Жри, пока не лопнешь!».

Свобода лучше, чем несвобода?

Впрочем, когда японцы привыкают к своим иностранным коллегам, они перестают стесняться. Ладно бы на бытовом уровне. Тогда надо просто привыкнуть к тому, что то один, то другой представитель великой державы, давшей миру укиез, бусидо, чайную церемонию и фотографа Араки, сидящий рядом с тобой, сидит совсем не тихо и даже не очень мирно. Он считает своим долгом чихать, кашлять, тянуться со стоном, хрустеть костями (упираясь лбом в каждый палец отдельно и надавливая на него до характерного щелчка), сопеть с подхрюкиванием и, главное, сморкаться. Сморкаться так, чтобы закладывало уши, чтобы звон в комнате стоял после самурайского освобождения гайморовых пазух такой, как будто из пистолета бабахнули над ухом! А потом блаженно хрюкнуть, пойти в ванную, не закрыв за собой дверь, и долго и смачно отхаркиваться там, а

после вернуться, еще раз блаженно, с хрустом, потянуться, бросить в рот жвачку, надуть пузырь и оглушительно хлопнуть его... Ах, если бы вы знали, какая прелесть – хлопанье жвачкой сорокалетними дяденьками, позиционирующими себя как часть мировой интеллектуальной элиты! Принцип «все, что естественно, то не стыдно» такие японцы воспринимают буквально, поэтому непрерывно и громко – заранее прошу прощения у милых дам – зевают, чавкают, хлюпают, рыгают, пукают, охают, причмокивают губами и издают массу других звуков, для которых нет определений в русском языке, а только японские оноματοпоэтические наречия. Самое интересное, что замечания, сделанные им по поводу такого поведения, встречают искреннее недоумение: ведь вы в японской компании! Ну и что, что в Москве? Не имеет значения, ты – гайдзин в русской столице, а не они! Но это можно перетерпеть – ведь это не имеет отношения к работе?

Однако японская простота распространяется со временем и на рабочие отношения. Цитирую историю другой своей доброй знакомой, работающей переводчиком в маленькой токийской фирмочке: «У нее владение японским примерно 50 процентов», – сказал мой босс нашим русским клиентам обо мне. Я им переводила, плечом к плечу с боссом; перевела и это. (Насчет японского – критика мне любя, так как дает пинка под зад. Плюс – я невысокого мнения о своих потенциалах, так что меня лично это высказывание почти не задело.) Клиенты вытаращили глаза и вопросительно уставились на нас (когда я перевожу, то стараюсь по возможности делать нейтральный тон и взгляд в пол, то есть становлюсь самоговорящей коробочкой, чтобы не усложнять эфир своими (лишними) взглядами и эмоциями).

«Но через три месяца все будет, нарастет, – прибавил босс и продолжил. – В нашей компании, вы сами видите, все – и И., и К.-сан, и Таня, и Т.-сан – недалекого ума люди. Однако я всех люблю. Особенно идиотичен наш И. О! Он просто последний кретин. Но он честный человек, поэтому я его очень ценю».

И. погрузился в молчание (он слушал мой перевод – сам по-японски не говорит и не понимает; мне было крайне сложно найти иной вариант перевода, а босс перевода требовал), замер, остолбенело смотрел на босса потемневшими глазами).

Что такое говорил мой босс? По моему разумению (а оно, см. выше, крайне ограничено и субъективно), он упирал на то, что «вы, дорогие наши русские гости, можете не рассчитывать на кредитование, на скидки, на отсрочки платежей». Он хотел сказать, что работает только так, как ему

нравится, с теми, кто ему нравится: «Вы, дорогие клиенты, приехали за 10 000 километров, утомились по нашей жарнице, но это не дает вам никаких привилегий».

Иначе говоря – он хотел сказать: «Я дожил до такого возраста и положения, когда не зарабатывание сумм – главный жизненный столп, а приятственность человеческих связей, атмосфера в коллективе».

Как работать в такой атмосфере? Когда-то Лариса Рубальская, долгие годы прослужившая в московском бюро «Асахи симбун», рассказывала мне о своем неприятии русских сотрудников, пытающихся в общении с японцами полностью перестроиться на японский манер: низко кланяться, семенить при ходьбе, менять интонацию в языке, подражая японскому и т. д. Тогда я уверенно поддержал ее позицию, а вот сейчас...

Проработав несколько лет в офисах, где, по японскому обычаю, ходят в тапочках, замечаю, что уже и сам потихоньку начинаю семенить (иначе при быстрой ходьбе просто выскочишь из тапочек). Разговаривая по телефону с японцами, поневоле «включаюсь» в их интонацию и вот уже сам начинаю беспрерывно «нээ-э-э-кать» и «ээ-э-э-кать». Но самое главное, кланяюсь!

Правда, для себя у меня есть два веских оправдания. Первое: при среднем росте японского собеседника в 165 сантиметров мне, чтобы донести до него информацию где-нибудь в шумном зале ресторана или на тусовке, поневоле приходится спускаться сантиметров на 25–30 – чтобы выровняться. Иначе придется кричать, а это некрасиво. Второе: за пределами офиса и работы это у меня проходит, и «на воле» такая тенденция не прослеживается. Правда, вскоре после возвращения из Японии мы с женой как-то при прощании в Шереметьеве долго раскланивались – к изумлению вполне нормальных окружающих нас соотечественников, но потом прошло.

Так или иначе, но такое следование ритуалам является скорее бессознательным, чем осознанным поведением человека, инкорпорированного в одну с ними среду. Другое дело – целенаправленное подчеркивание своего стремления даже не просто быть похожим на японцев, но и акцентировать внимание на своем подчиненном по отношению к ним положении. Как правило, лишь периодически соприкасающиеся с японцами люди – крупные предприниматели, карьерные дипломаты, деятели культуры – оказываются по своему сиюминутному положению или равны японским партнерам, или несколько выше их. Японистам же по условиям профессии часто приходится мириться с подчиненным положением (переводчики, ассистенты,

продюсеры) – это нормально, и они это никак не подчеркивают. Но вот в Киото я однажды увидел, как ведут себя с японцами адепты боевых искусств – иностранцы. Увидел – был поражен. Среди сотен наших коллег из 47 стран мира резко выделялись несколько десятков американцев и англичан, назойливо подчеркивающих свой – более низкий по отношению к японским сэнсэям – статус.

Отношение это распространялось как на «своих» наставников – мастеров будо, которые преподавали искусство этим командам, так и на любых других японцев в кимоно или форменных галстуках Организации, оказавшихся в пределах видимости супервежливых саксов. Ритуальные крики «Осс!» точно указывали нам местонахождение членов американской и английской делегаций, как бы далеко от нас они ни находились. Во время официальных мероприятий, когда плотность сэнсэев на единицу площади становилась критически высока, крики превращались в нескончаемые вопли, которые смягчало только то, что направлены они были в пол.

Поскольку японские мастера свободно перемещались во время этих мероприятий по залам, то полные уважения и почтительности саксы, стараясь как можно ярче продемонстрировать переполнявшие их чувства, получили возможность кланяться японцам при их приближении или даже в ожидании этого приближения. В последнем случае поклоны с неизменной амплитудой в 90 градусов сначала производились просто «как можно чаще», а в случае, если сэнсэй действительно направлялся в их сторону, поклон становился непрерывным – ожидающие просто застывали в нем, пропуская японцев, топчась на месте и глядя в пол, поворачиваясь вслед за ними. После прохождения ученики, мелко семеня, следовали за сэнсэями, то и дело вскрикивая басовитыми голосами свое любимое «Осс!». Причем крики неслись именно в пол, поскольку поднять глаза на обожаемых учителей дети Альбиона и Дикого Запада не осмеливались.

В случае если такая команда встречала кого-то из уважаемых людей в коридоре гостиницы, могла сложиться не вполне удобная ситуация. Здоровенные американцы, выстроившись вдоль стены и почтительно склонившись, перегораживали торсами весь коридор, и один раз я наблюдал, как ошалевший от таких знаков внимания почтенный японский дедушка был вынужден коснуться бритого загривка ближайшего к нему адепта, чтобы обратить его внимание на невозможность сэнсэя следовать своим курсом. Конечно, вся команда тут же приняла стойку «смирно», и душераздирающее «Осс!!!» погнало сэнсэя к лифту.

Бывали случаи и похуже. В перерыве между тренировками группа англичан вошла в туалет и, к своему ужасу (вероятно, они думали, что боги

не писают), увидела стоявшего у писсуара старого мастера. Громоподобное «Осс!» сотрясло стены японского клозета, вся команда резко согнулась в поклоне, а едва не подпрыгнувший от неожиданности старик все никак не мог найти завязки хакамы, чтобы в приличном виде убраться восвояси. На ходу заправляя кимоно, он бочком протискивался к выходу, а сами себя перепугавшиеся и растерянные ученики непрерывно кланялись ему и пытались скрыть смущение, как можно громче и чаще крича: «Осс! Осс, сэнсэй! Осс!» Поневоле вспомнишь тут о нелюбви японцев к встречам в туалете.

Ритуал, конечно, дело хорошее, важное и нужное. Но майский урок в Киото еще раз навел меня на мысли о том, что все хорошо в меру – кому, как не нам, познавшим и свободу, и несвободу, понимать это? Вполне вероятно, что без такой жесткой дисциплины и фанатичного, бездумного исполнения ритуалов бывших американских панков и британских рокеров и не соберешь в одну команду, не заставишь работать вместе, не дашь понять, что такое коллектив. Но нужно ли это нам? Пусть каждый ответит сам. Я же теперь пытаюсь более тщательно контролировать глубину поклона и скорость передвижения по офису – люблю свободу. Но это так не нравится японцам!

Как то попало на глаза в очередной раз с мазохистским умилением тиражируемое нашими СМИ высказывание тогдашнего японского генконсула в Санкт-Петербурге г-на Кидокоро о неготовности русских работать, как японцы. «Сложно представить, чтобы российский руководитель приходил на работу в 6 утра и уходил позже всех остальных сотрудников, – сказал Такуо Кидокоро. – Для японских же специалистов такой “трудоголизм” – вполне естественное явление».

Мне, в свою очередь, сложно представить, чтобы русский руководитель приходил на работу в 6 утра и уходил поздно вечером просто потому, что «так принято» или для того, чтобы потом сказать своему начальству (а в цитате речь идет именно о тех руководителях, над которыми сидит строгое начальство, ибо других фирмачей-японцев в России просто нет), что он с утра до вечера «горит» на службе.

Сияющая добродетель гамбару

Широко распространенный, особенно в 70–80-е годы прошлого столетия, образ «трудяги-японца», успешно соперничающего по производительности труда с роботами и отдающего свой долг компании в

рамках системы пожизненного найма, привел к созданию клише «индустриального муравья». Сами японцы это сочли оскорбительным и по сей день продолжают бороться с этим представлением, предлагая миру новые имиджевые разработки на тему «Японец – это...» Однако, как и во многих других случаях, имидж «японца-трудоголика» оказался обязан своим происхождением, во-первых, естественным факторам – усидчивости, кропотливости в работе, усердию, действительно свойственным японскому национальному характеру. Рождение таких черт характера – отдельный интересный разговор, выходящий, к сожалению, за рамки данной книги. Во-вторых, этот имидж родился в результате вполне искусственных усилий общегосударственного, вернее, даже общенационального имиджмейкинга, в центре внимания которого находится культ «усердной работы» – гамбару.

Любопытно, что «тайна гамбару» оказывалась нераскрытой на протяжении десятилетий не только разного рода и уровня знаний любителями Японии, а также экономистами общего профиля, но и профессионалами-японистами. Дело в том, что гамбару относится к внутренней стороне японской жизни, в принципе не предназначенной для нескромных взоров иностранцев. Однако со временем, когда японские компании все охотнее начали принимать на работу представителей зарубежных компаний, да и просто иностранных специалистов, особенности организации труда на фирме неприятно шокировали даже позитивно настроенных «варягов». Героиня «Страха и трепета», выбирая между свободой и несвободой, выбрала вторую и сделала «головкружительную карьеру» в крупнейшей японской корпорации – от бухгалтера до уборщицы мужского туалета. При этом она блестяще владела японским языком, хорошо ориентировалась в своей специальности, но так и не смогла разобраться в особенностях японского менеджмента. Одной из главных проблем, с которой ей пришлось столкнуться, стала проблема непонимания сути гамбару.

Около пятнадцати лет назад, после того как первый ручеек наших высококвалифицированных соотечественников потек в Токио, для россиян тоже страх и трепет при приеме на работу в японскую компанию начали постепенно сменяться чувством безграничного удивления. Процесс ломки устойчивого имиджа оказался тяжелым и болезненным, тем более что сопровождался личными переживаниями – нам приходилось по новой осознавать тонкости японского менталитета и искать свое место в строгой деловой структуре японской фирмы. Неизбежны были и обсуждения проблемы с японскими коллегами. Вот типовой разговор русского и японского сотрудника на тему гамбару, обычно возникающий в ресторане,

когда японская сторона объясняет проблемы российской экономики природной русской ленью, разумеется, противопоставляя ей культ гамбару.

Японец: Я работаю каждый день до глубокого вечера, поэтому мы так хорошо живем!

Русский: Сколько времени ты проводишь на работе и каков твой рабочий день официально?

Я.: Официально восемь часов, но я провожу на работе по двенадцать. Потому что усерден и трудолюбив, как настоящий японец.

Р.: Ты сидишь на работе больше положенного каждый день или в силу особой необходимости – срочный проект, отчет, конец года?

Я.: Практически каждый день.

Р.: За это время ты делаешь что-то впрок, по другим проектам, помогаешь коллегам или только то, что было положено за день?

Я.: Только то, что положено за день.

Р.: Тогда на месте твоего начальника я бы тебя давно уволил: тебе требуется 12 часов на то, что ты должен делать за 8!

Мы последние годы учимся работать эффективно. Иногда получается, иногда нет. Но я уверен, что эффективно – это не значит долго. Когда-то, после окончания вуза, я пришел на службу в ранге среднего начальника. Мой шеф, заметив, что у меня после 9 вечера горит свет (на самом деле я просто слушал лекции Секо Асахара по «Маяку»), объявил всем: «Увижу, кто работает по вечерам – приму меры! Работать надо в рабочее время. Не успеваете – значит, не справляетесь!»

Тот, у кого есть опыт труда в японской компании, поймет меня без слов. Остальным повторю: нахождение на рабочем месте и работа – не одно и то же. И еще кое-что, особенно актуальное для японских компаний в России: сложно себе представить, чтобы россиянин, пусть даже заместитель «трудоголика»-японца, получал зарплату, говорящую о том, что он именно заместитель главы представительства, а не слуга-туземец. Процесс перехода русских сотрудников из японских представительств в другие иностранные компании непрерывен и неостановим. Причина банальна: платят мало, а требуют – смотри заявление консула.

Глагол «гамбару», который здешние русские давно переделали на свой лад в «гамбарять», что соответствует русским сленговым выражениям «пахать, вкалывать», – одно из ключевых слов для понимания психологии японца и один из главных кирпичей, которыми выложена крепость имиджа Японии. Словари обычно переводят это слово как «не сдаваться» и «быть непреклонным». Исходя из особенностей употребления его в повседневной речи – особенно речи работающих людей – мы бы перевели его как

«прилагать усилия и проявлять усердие». Причем результат здесь не главное. Главное – процесс. Главное – «проявлять», а не «усердие».

Ёку гамбатта – «прилагал большие усилия», «был очень упорен и усерден», с уважением и восхищением говорят в Японии о человеке, прошедшем через трудности и не сдавшемся. Ёку гамбаттэ иру – «очень старается и не сдается», говорят о человеке, с которого на рабочем месте пот льет в три ручья, – и не только в переносном смысле.

Лет тридцать-сорок назад многие японские фирмы, особенно торговые и риелторские, заставляли своих агентов, работающих с населением, носить в летнюю жару толстые шерстяные пиджаки... чтобы большие пятна пота под мышками показывали их усердие. В России такого агента вряд ли бы пустили в приличный дом, посоветовав сначала помыться и переодеться. В Японии – хотя бы внешне – это воспринималось с пониманием: возможно, каждый на своем рабочем месте был вынужден делать то же самое...

Сейчас костюмы стали полегче и потоньше, но дух *гамбару* бессмертен. Лишь лет пять назад, во время 42-градусной токийской жары, сопровождавшейся, как обычно, почти 100-процентной влажностью, многие государственные учреждения, включая МИД, и крупные компании разрешили своим сотрудникам являться на службу без обычного черного или синего пиджака. Да и вообще в последнее время устоявшаяся модель, ориентированная на «усердие» и «группизм», все чаще дает сбои. «Главное не победа, а участие» – этот принцип не работает не только в спорте, где достижения измеряются количеством мировых рекордов и золотых медалей, но и во всех остальных сферах человеческой деятельности.

Сами японцы сегодня нет-нет, да и срываются на признания о том, что эффективная работа и ее имитация – не одно и то же. Впервые еще в конце 1980-х годов – на излете «экономики мыльного пузыря» – серьезные люди в Стране восходящего солнца вдруг заговорили о... малой эффективности производства и низкой производительности труда соотечественников, и это стало настоящим откровением для тех, кто воспитан на книгах о «секретах японского менеджмента», озолотивших их авторов и издателей. Оказывается, усердие, выражающееся в продолжительном рабочем дне и сверхурочных, – вовсе не показатель эффективности. По данным 1991 года – последнего года головокружительного взлета японской экономики, – эта страна по производительности труда на одного рабочего среди ведущих развитых стран мира стояла ниже Швеции, а шведы никогда «трудоголиками» не считались. Т. Сакаия примерно в то же время писал: «Судя по утверждению, что в Америке автомобиль, который производят два

человека, продает один, а в Японии автомобиль, который производит один человек, продают двое, в системе реализации в Японии много лишнего и бесполезного». Но ведь именно японские торговые компании считались образцом идеально организованного и эффективного менеджмента! И именно в них процветала сияющая добродетель гамбару.

Все чаще и чаще мы могли лично убедиться, что за мужественным «гамбарянием», когда человек действительно прилагает большие усилия, очень часто стоит элементарное неумение организовать свое время и свой труд. Если так работает сотрудник, которому никто не подчинен и от которого никто не зависит – например, какой-нибудь фрилансер, – то это только его личная проблема. Ну, в крайнем случае, его клиентов. А если это руководитель, который требует от подчиненных выполнить поставленную задачу четко и в срок, а потом по ходу дела меняет условия задачи и не делает того, что должен делать сам? Мы не раз замечали, как вздрагивают сотрудники, когда звонит внутренний телефон: неужели у шефа новая идея?! Ведь в итоге подчиненные будут еще более еку гамбаттэ иру. Но и это не конец. Он может быть еще более плачевным, если личные способности работника и требования компании, основанные на том, что каждый может все, приходят в состояние конфронтации. В случае с героиней Амели Нотомб это привело к ее ссылке в туалет, а в реальной жизни, когда жертвой имиджа становится не иностранец, а японец, его может ждать и смерть от переработки (фактически от неспособности решить задачу и признаться в этом) – кароси, и даже самоубийство от отчаяния.

Я ни в коем случае не хотел бы сказать, что японцы – бестолковые лентяи. Просто они, по крайней мере абсолютное большинство «белых воротничков», могли бы достигать тех же результатов с существенно меньшими затратами времени и сил, если бы работали организованнее и эффективнее. Но тогда у них бы не было возможности хвалиться тем, как они гамбару. А это понятие остается в числе главных добродетелей консервативного по своей природе японского сознания, это – имиджеформирующее понятие. Даже когда входит в противоречие с экономической целесообразностью. Именно поэтому большинство крупнейших японских корпораций имеет в своем составе талантливых европейских и американских топ-менеджеров, свободных от имиджевых предрассудков и старающихся работать ради результата, а не ради работы, – только так можно двигать экономику вперед. Посмотрите на списки руководящего состава японских холдингов и вы увидите это.

В условиях «мыльного пузыря» благоприятная конъюнктура еще

позволяла содержать большое количество, скажем прямо, бездельников, которые были, таким образом, трудоустроены. Это позволяло им не страдать не столько от отсутствия денег (вполне можно прожить на разного рода пособия и приработки), сколько от отсутствия сознания приносимой обществу пользы, а имидж страны трудоголиков практически не пострадал от кризиса, потому что ущерб был списан на внешние факторы. При этом каждый японец вынужден для сохранения лица блюсти этот имидж. Например, если средний европеец предпочтет жить на пособие по безработице и проводить время по своему усмотрению, то средний японец предпочтет за те же деньги выполнять заведомо ненужную и бессмысленную работу, потому что «бездельничать стыдно». В Японии это заметно едва ли не на каждом углу. Вот в крохотном почтовом отделении, где и так не повернуться, на входе стоит старенький дедушка с повязкой «дежурный» и громко кричит всем входящим: «Ирассэ имасэ» – «Добро пожаловать», отчего те часто пугаются и натываются на стойку с образцами посылочных ящичков. Но он – на посту! Он тоже гамбаттэ иру. Он – трудоголик!

По мере углубления кризиса держать на рабочем месте ненужных людей и платить им зарплату становится все труднее. Возникает проблема, особенно с мужчинами пожилого возраста, которые уже или вовсе нетрудоспособны, или не могут работать эффективно, а жизни вне работы себе не представляют. Хорошо тем, кто может успокоиться путешествиями, ресторанами и хостесс-клубами. В противном случае разлад с жизнью приводит к стрессам, обострению отношений с семьей, разводам (очень часто как раз после выхода мужа на пенсию!), а нередко и жизненному финалу.

Сейчас уже всем ясно, что имидж японской экономической модели оказался не безупречен, а «менеджмент японского образца», который, по словам Сакаия, «и есть японская культура, достойная распространения ее во всем мире» (!), применим только в Японии и «эффективен лишь в случаях, когда речь идет о предприятиях, выпускающих массовую стандартную продукцию» (это тот же Сакаия). Поскольку сегодня почти все массовое серийное производство вынесено в «третий мир» и бывшие соцстраны, то туда, надо полагать, и стоит нести эту «культуру».

Азия сейчас успешно учится у японцев, как некогда японцы – у европейцев и американцев. Но в том, что их опыт может принести реальную пользу России или странам Восточной Европы, я очень сомневаюсь – прежде всего в силу глубоких цивилизационных и психологических отличий. Особенности русского менталитета позволяют

четко отделять форму от содержания, имидж от сути происходящего. У нас не принято поддерживать имидж только ради того, чтобы выглядеть усердным, даже если при этом кажешься бестолковым. Русский менталитет позволяет в ряде случаев мимикрировать под условия работы в японских, или подобных японским, компаниях, изображая бурную активность, но сохраняя при этом внутреннее спокойствие. Не случайно в последние годы среди наших эмигрантов в Японии сложилась поговорка «Если вы целый день читали на работе новый роман Акунина в Интернете, а уходя, слышите вслед: «Спасибо, что усердно потрудились» и не испытываете при этом угрызений совести, то вы полностью адаптировались к работе в японской компании». Имидж для нас все еще – ничто, а гамбару ради гамбару и вовсе – не для нас. Это – несвобода. А она даже японцев приводит порой на край, из-за которого не вернуться.

Когда имидж решает все... вопросы жизни и смерти

14 мая 2009 года Главное полицейское управление Японии с горечью констатировало, что «обострение проблемы занятости в условиях мирового кризиса привело к резкому росту числа случаев суицида». Даже на фоне вот уже 11-летней печальной традиции превышения 30-тысячного порога числа самоубийств, прошедший год с его 32 249 случаями оказался рекордным. Почему растет эта удручающая статистика, вы уже поняли, но сейчас я хочу рассказать о том, как влияет на выбор места прощания с жизнью... имидж.

В упомянутом докладе содержатся любопытные статистические данные, позволяющие не только отследить по временной координате динамику увеличения числа самоубийств (кстати говоря, отмечен рост с 10 до 40% в период с октября 2008-го – кризисного года), но и четко определить наиболее «депрессивные» районы страны. Лидирующие позиции этого странного рейтинга вполне предсказуемо заняли северные и не слишком процветающие префектуры Аомори и Акита. На самой же вершине, как всегда, прочно обосновался район Яманаси, находящийся в центре главного японского острова – Хонсю.

Такой печальной стабильности он обязан средних размеров лесному массиву «Аокигахара дзюкай», прозванному местным людом «Призрачным лесом». Интересно, что дурная слава Аокигахара на фоне более чем тысячелетней истории страны выглядит абсолютным новоделом: токийские газетчики единодушно отмечают, что «призрачной» эта часть девственного

леса с великолепным видом на священную гору Фудзи стала лишь после 1960 года. Именно тогда по всей Японии с триумфом разошелся бестселлер популярного романиста Мацумото Сэйте «Нами-но то» («На гребне волны») о тяжелой судьбе японской женщины, завершившей свой жизненный путь в лесу у подножия Фудзи.

Безусловно, ошибочно считать, что именно эта публикация открыла дорогу в лес желающим свести счеты с жизнью: редкие для современной центральной Японии непроходимые дебри горного леса и до этого привлекали самоубийц – Мацумото был сторонником «правды жизни» в своих произведениях. Однако после выхода повести тоненький ручеек отчаявшихся японцев превратился в настоящий суицидальный поток, набирающий силу год от года – вместе с раскруткой среди склонных к самоубийствам людей имиджа «Призрачного леса» как наиболее подходящей площадки для расставания с «призрачным миром». Смерть в Аокигахара стала модной.

В эпоху экономического роста Японии в «Призрачном лесу» оканчивали свои дни в среднем около 30 человек в год. После кризиса 1991 года количество выбирающих на редкость мучительную смерть (фактически люди соглашались добровольно заблудиться, чтобы умереть от жажды, голода и переохлаждения) постоянно увеличивается и сейчас достигает 80 человек. Точное количество жертв имиджа этого лесного массива никому не известно, но оно явно превышает несколько сотен – в этих местах постоянно находят неподдающиеся опознанию останки.

В том, что при выборе в пользу Аокигахара все решает именно имидж, никто не сомневается. Одновременно с возникновением моды на смерть здесь появились мифы о том, что именно этот лес обладает какой-то особой мистической силой – он не только «темен и мрачен», здесь еще и не работают мобильные телефоны, не проходит радиосигнал, «шалют» компасы, а также (новинка последнего десятилетия) отказывают навигационные системы GPS. О том, что все это мифы, свидетельствуют проводившиеся здесь испытания оборудования, устроенные японскими и американскими (район горы Фудзи – место расположения военных баз США) исследователями. Если верить специалистам, то сотовые телефоны не работают потому, что горные малонаселенные районы Японии не оборудованы в достаточном количестве ретрансляторами – не для кого; радиосигнал отражается от слишком толстых и высоких деревьев, а компасы и навигаторы функционируют вполне нормально – надо только уметь ими пользоваться. Тем не менее на имидж Аокигахара как места темного и неприятного подобные факты влияют мало – не случайно эти

места в свое время приглядела для штаб-квартиры печально известная секта «Аум Синрике».

Вторая составляющая «привлекательности» самоубийственного имиджа «Призрачного леса» – сугубо практическая. Японцы всегда весьма своеобразно, с европейской точки зрения, относились к проблеме выбора между жизнью и смертью, но в послевоенные годы большинство из них выбирает стандартные не только для Японии способы: повешение, гибель под колесами поездов и прыжки с крыш высотных зданий. Однако именно для японцев характерна традиция умирать наиболее мучительным способом.

Но совершить знаменитое сэппуку (харакири) сегодня мало кто в состоянии – для этого нужна специальная и очень серьезная подготовка. В этом смысле достойной альтернативой старинному способу – собственноручно вспороть себе живот – многим представляется вариант заблудиться и добровольно растянуть гибель на дни, если не недели, мучений.

К тому же на пути у прыгающих с крыш и лежащих на рельсы давно уже встало государство. Оно разъяснило, что падения с высоты несут опасность другим, ни в чем не повинным людям, а также огорожило линии, станции метро и железной дороги и с недавних пор начало штрафовать на более чем серьезную сумму родственников погибших в том случае, если самоубийство было совершено на путях, то есть «общественно опасным способом».

В таких условиях крепнет имидж Аокигахара как «идеальной площадки для суицида». Здесь попрощавшийся с жизнью человек не может никому помешать, никто не будет за него оштрафован; он сполна выпьет предназначающуюся персонально ему чашу мук, искупая свою вину. И наконец, всегда сохраняется шанс на вмешательство судьбы: если фатуму будет угодно, самоубийца может внезапно оказаться на тропинке, ведущей к выходу...

Некоторые из таких чудом спасшихся людей сами теперь работают в лесу, пытаясь вместе с местными властями сократить число смертей. Эти добровольные помощники размещают видеокамеры, обносят наиболее опасные участки чащи колючей проволокой, расставляют, где только возможно, пластиковые щиты с призывом одуматься и картой выхода... Из леса, но не из безвыходного положения... Приходится им и подбирать останки и вещи тех, кому не смогли помочь. С конца февраля по начало апреля здесь дежурят специальные бригады добровольцев – 31 марта в Японии заканчивается финансовый год, и к Аокигахара обращают свои

затуманенные слезами взоры разорившиеся главы компаний и проштрафившиеся начальники отделов. Ажиотаж вокруг страшного места их не пугает. Наоборот, имидж «Призрачного леса» становится все гламурнее, а что об этом думают несчастные в последние минуты своей жизни, не знает почти никто... По сообщению агентства «Киодо», японское правительство объявило сокращение числа самоубийств одной из наиболее приоритетных задач и обязалось к 2016 году уменьшить количество этих инцидентов более чем на 20%. Однако чиновники опасаются, что число жертв увеличится в связи с безработицей и банкротствами. Аокигахара ждет гостей, а японский менеджмент собирает их в долгий путь.

Странные люди

Японофобы, японофилы и... гинекологи

Когда вышло первое издание «Обратной стороны Японии», этой части в ней не было. Ее заставили меня написать отзывы критиков, которые так противоречили друг другу, что надо было что-то с этим делать. Одни, прежде всего японисты или люди с собственным опытом жизни в Японии, упрекали в том, что никакой «обратной стороны» в книге нет, как нет ничего необычного, никакого шока. Другие, наоборот, были шокированным моим, как им показалось, японофобством. И этим уже был шокирован я сам – человек, которого один японский журнал назвал «Нихонотаку» – фанатом Японии. Давайте разберемся?

Для этого, естественно, следует начать с определений, благо определение японофобии найти несложно. Сайт «Загадочная Япония» предлагает довольно обширное толкование этого термина, начинающееся так: «Антияпонские настроения включают в себя ненависть, обиду, недоверие, запугивание, страх, враждебность и/или общую неприязнь к японскому народу как этнической или национальной группе, Японии, японской культуре и/или чему-либо японскому. Иногда для обозначения таких настроений используется термин “японофобия”. Антияпонские настроения колеблются от враждебности к мерам, предпринимаемым японским правительством, и презрения к японской культуре до расизма в отношении японского народа. Например, в годы Второй мировой войны была распространена антияпонская пропаганда со стороны правительств стран-союзниц, которая зачастую носила расово-пренебрежительный характер. В настоящее время антияпонские настроения в достаточной степени заметно выражены, к примеру, в Китае и обеих Кореях...»

Признаться, такая широта охвата заставила меня напрячься. Получается, что японофобом можно считать любого человека, если только он не сумасшедший, не «бешеный дятел» и не трещит крыльями в экстазе от одного только слова «Япония». Проанализируйте свое отношение к ней, кто живет в Японии или занимается ею профессионально: у вас никогда не возникало, например, недоверие к «чему-либо японскому»? Ну, например, к рыбе фугу? Или к тухлой пасте натто? И все ли «меры японского правительства» (если вы знаете о таких) вызывают в вас полное одобрение? Если да, то вам самим это не странно?

Могу совершенно точно сказать, что далеко не все меры российского правительства вызывают у нас одобрение – согласны? Да и некоторые, к примеру, американские шаги кажутся странными, не так ли? Лично мне кажутся. Значит, я еще и русофоб и американофоб? А если я – журналист-международник и вообще много чего знаю о других странах мира, то, получается, я весь мир ненавижу? Нет, не получается. Потому что знать правду, видеть не только положительные, но и отрицательные стороны, понимать их причины и изучать последствия – не значит ненавидеть страну, не значит страдать какой-то фобией. Если следовать этому определению и настроением людей, склонных обвинять любого разрушителя мифов, имиджбрейкера в фобии, то получается, что любой гинеколог должен быть женоненавистником, потому что знает проблему изнутри. Уверяю вас, это не так: многие мужчины-гинекологи относятся к женщинам с симпатией и романтическими чувствами, несмотря на то что некоторым из пациенток иногда приходится ставить весьма неприятные диагнозы.

Но если так, то, наверное, под «японофобией» понимается нечто большее – рискну сформулировать это как «ненависть и презрение к Японии, боязнь ее, полное (!) неприятие японской культуры». Причем важно, что все эти чувства должны быть высказаны, иначе возникнет ситуация, как с одним моим бывшим коллегой, который в приватной обстановке называл японцев «косорылыми» и «желтожопыми япошками», а в служебной – преподавал (и сейчас преподает!) на кафедре одного из японоведческих вузов, отнюдь не сльвя при этом японофобом.

В таком случае что же мы имеем в итоге? Выходит, японофобия – это даже не всегда реально существующая нелюбовь к Японии, а лишь некие внешние проявления отношения к ней, выражение неприятия чего-то японского, которое не соответствует общим представлениям о японофилии, то есть о любви к Японии. Для большинства наших людей нормально декларировать общепринятое положительное отношение к наиболее распространенному образу Японии – отображать ее позитивный имидж. Но кто из вас не знает, что «имидж – ничто»?

Сложно представить специалиста-страноведа, в том числе японоведа, который воспринимает на веру имидж и не обращает внимания на суть предмета. Правда, советская система изучения Японии немало поспособствовала тому, чтобы даже среди ученых мужей появились японофилы и японофобы в чистом виде – первым было удобно ограничить изучение страны восторгами по поводу красных листьев момидзи и опадающей сакуры, а вторые всегда могли найти кормушку за счет

политического заказа. Этот подход менее понятен западным ученым, более свободным в восприятии Японии и раскрепощенным в высказывании собственного мнения. Хотя и их мнение не всегда с радостью воспринимались читателями. Выдающийся голландский японовед Карел ван Волферен в предисловии к своей книге «Загадка японского могущества» (или «Тайна японской власти» – кому как нравится) писал: «...если эта книга явит собой довольно мрачную картину, то по той причине, что большинство более приятных аспектов Японии, таких как ее искусства, горячие ванны и дружелюбность народа, не являлись предметами описания».

Заметьте, это важно: книга о «тайнах японской власти», как и большинство других книг «о тайнах», действительно являет «мрачную картину», но это не значит, что в Японии нет онсэнгов или знаменитое японское дружелюбие куда-то внезапно испарилось. Просто исследователь, журналист (который если настоящий, то тоже всегда исследователь!) не может ограничиться в своей работе онсэнгами и дружелюбностью – иначе получится не исследование, а лакировка блестящих поверхностей языком и подручными средствами.

Но, может быть, так думают только иностранцы. Конечно, было бы ошибкой считать, что все японцы как один, поддерживают политику разрушения мифов о благословенных островах. Все же некоторые (незначительная, но важная – активная фракция общества) поддерживают. Однажды, смущенный открывающейся картиной «японских тайн», я спросил о том, стоит ли вообще об этом рассказывать, своего профессора – Мицусеи Нумано. «Многие японцы думают так: пусть будет миф, раз он совсем неплохой. Он даже несколько идеализирует Японию, – ответил Нумано. – Но те образованные японцы, которые хорошо знают современный мир, конечно, понимают: если за рубежом продолжает укореняться неверное представление о нашей стране, это в конце концов может привести к печальному результату. Плохая правда лучше хорошего обмана».

Японофобия ли это? Я думаю, это объективность. Понимание Японии такой, какая она есть, на основе обретенных теоретических знаний и приобретенного практического опыта. А уж если пытаться придать ей эмоциональную окраску, то, скорее, японофилия. Во всяком случае, лично я четко идентифицирую себя как японофила, япономана, Нихон-отаку. Изучая Японию, я и мои друзья хотим сделать мир чуточку лучше, но не только. Изучение Японии – в самых разных ее ипостасях, от онсэнгов до политики – доставляет нам огромное удовольствие, потому что, как

метко заметила однажды японоведа Э.Б. Саблина, «тяжек хлеб япониста, но не горек». Мы не «бешеные дятлы», но мы любим эту страну. При этом мы ощущаем себя (во всяком случае, стараемся ощущать) свободными людьми и можем позволить себе говорить о том, о чем хотим, тем более что каждый из нас уже написал свою долю материалов о японских красотах – к ним привыкли, и они не воспринимаются так остро. Да, иногда мы, как и гинекологи, ставим диагнозы, но не перестаем от этого любить ни женщин, ни Японию.

Дискуссия о дискуссии

«До чего же вы, японцы, странные люди!» – негодовал Никита Хрущев, безуспешно пытаясь решить с японскими дипломатами проблему мирного договора в 1956 году. Причиной гнева советского лидера была странная переговорная тактика противоположной стороны: со всем вроде бы соглашающиеся японцы в конце снова и снова говорили «нет». О своеобразном поведении японцев за столом переговоров написано много, но эта книга не учебник по менеджменту. Я хочу лишь вспомнить личный – официальный и бытовой – опыт и попытаться на его основе классифицировать важнейшие этапы дискуссии с представителями этой замечательной страны.

Итак, само собой разумеется, что достаточная по продолжительности дискуссия может проходить только в том случае, если стороны, среди прочих, рассматривают некий спорный предмет. Им может стать что угодно – от пристрастий в еде до политических проблем. В зависимости от статуса спорщиков и их целей обсуждение может закончиться не начавшись, а может пройти те три основные стадии спора, которые я достаточно четко выделяю в проблемном общении с японцами, а именно:

- 1) благожелательный компромисс;
- 2) признание уникальности;
- 3) маска.

Для подавляющего большинства людей общение начинается и заканчивается первой фазой. Это естественно: если вам нечего с японцами делить, если вы искренне согласны с их точкой зрения, если просто нет предмета спора или вы способны, как воспитанные люди, его не заметить, то и говорить не о чем. В самом деле, если вам не нравится японская кухня или вашему собеседнику – российские автомобили, о чем тут спорить?

Японцы, в силу особенностей своего воспитания, идеально проходят

первый этап. Они излучают благожелательность, добродушие, олицетворяют вежливость и предупредительность. Все это значительно облегчает и общение с ними, и жизнь в Японии, делая ее изумительно комфортабельной для не очень продолжительного там пребывания. У нас, иностранцев, бывает, что от привычки к этой предупредительности «замыливается глаз», и мы не всегда можем отличить формальное общение от искреннего интереса, форму от содержания, татэмаэ от хоннэ. Ничего страшного в этом нет. В самом худшем случае вашим надеждам просто не суждено будет сбыться. Например, я, воодушевленный искрящимся добродушием одного знакомого японца, обладающего весьма широкими связями, несколько раз просил его мне помочь – передать контакты интересующих меня людей, получить информационные материалы, обсудить проект и тому подобные мелочи. «Хо! – кричал мой собеседник в восторге, размахивая руками и проливая на себя шампанское. – Отличная идея! Я сам давно об этом думал! Звоните мне завтра прямо с утра!» Конечно, утром либо его не было на месте, либо контакты куда-то потерялись, либо для получения информационных материалов требовалось найти еще одного человека, след которого не взяла бы и самая лучшая охотничья собака. Однако взаимных претензий никогда не было, общение ограничивалось первой фазой: благожелательным, пусть и бесперспективным, компромиссом.

Хуже бывало, если речь заходила, к примеру, о тех же «северных территориях». Если вдруг обнаруживалось, что я имею на сей счет точку зрения, отличную от официальной японской, то в большинстве случаев (но не всегда!) начиналась уже настоящая дискуссия. Специалисты в области экономики пишут, что нередко оказывались в подобной ситуации во время обсуждения с японскими партнерами различных контрактов, таможенных правил или каких-то вопросов, несущих в себе, например, элементы протекционизма. Когда каждая из сторон хочет получить себе определенные преференции, дискуссия приобретает интересное развитие.

Вступление спора во вторую фазу неизбежно сопровождается выдвиганием японской стороной главного тезиса – об уникальности японской культуры (варианты: методики ведения переговоров, системы власти, системы формирования общественного мнения и т. д.). Смысл этого заявления сводится к тому, что в силу этой самой уникальности (и автоматически – «неуникальности» любой другой культуры) преференции должна получить именно японская сторона. Еще раз: если японцы приехали в Москву, а вы пришли с ними на переговоры, будьте готовы к тому, что они будут вести себя так, как будто иностранец здесь вы. Сама по

себе эта идея весьма интересна и довольно глубоко изучалась крупнейшими японоведами мира, хотя к общему знаменателю они так и не пришли – видимо, по причине уникальности изучаемого вопроса.

Оставляя в стороне реальность и причины возникновения «японской своеобразности», замечу только, что она является мощнейшим инструментом не только «мягкой силы» – политического пиара и культурной пропаганды. Она же эффективно поддерживает внешнеэкономические усилия Японии и ее внутреннюю политическую стабильность. Японцы презирают кремлевский тезис о «суверенной демократии», например, на том простом основании, что демократия должна быть везде одинаковой. Везде, кроме Японии, где она... правильно: суверенная!

Конечно, самым проблемным вопросом для нас стал вопрос территориальный. В случае обсуждения пограничного размежевания после скорого использования сторонами всех широко известных аргументов об исторической принадлежности злополучных островов и при недостижении понимания вариантом японской уникальности выступает следующий тезис: «Это (то есть принадлежность островов России) – оскорбление национального достоинства японского народа!»

Мне довольно часто приходится упираться в эту классическую фазу. Я давно уже знаю, что отвечать, и знаю, насколько мой ответ не имеет смысла. Эта фаза дискуссии скоротечна и переходит в третью почти мгновенно. Достаточно только возразить на вышеприведенный довод, например: «А почему ваше национальное достоинство дремало с 1945 по 1952 год, когда эта тема впервые была предложена американцами японскому правительству – для обострения отношений с СССР?», или «Почему вы выбрали в 1956-м Курильские острова, а не Окинаву, когда госсекретарь США Даллес шантажировал вашего премьера Ёсиду, наглядно объясняя, что Япония в любом случае останется без части своей довоенной территории – либо без Южных Курил, либо без Окинавы?», или «Вы не считаете оскорблением национального достоинства хронические изнасилования американцами ваших школьниц на Окинаве?», или... да много чему еще можно удивиться, говоря о японской национальной гордости.

В обсуждении территориальной проблемы иногда встречаются не совсем стандартные маневры, выводящие японскую сторону в третью фазу столь стремительно, что это приводит к совершенно неожиданным последствиям. Один дипломат, отстаивая японскую принадлежность островов, заявил, что «в принципе согласен с аргументами российской

стороны, но после Второй мировой войны Советский Союз уничтожил 60 000 японцев за 10 лет сибирского плена! Это оскорбление национальной гордости!». Я спросил его, известно ли ему об извинениях за этих погибших, которые принес Ельцин? Известно. А известно ли ему об извинениях американцев, уничтоживших всего за три дня 1945 года (бомбардировки Токио, Хиросимы и Нагасаки) более 300 тысяч японцев, в основном мирных жителей, то есть женщин, стариков и детей? Нет? А разве это не затрагивает японскую национальную гордость? «Нет, – ответил мне гордый японец, – мы сами напали на Америку, и мы должны были быть наказаны. Это нормально». Гибель 300 тысяч стариков, женщин и детей нормальна. Гибель 60 тысяч солдат – оскорбление национальной гордости.

Иногда эти «уникальность» и «гордость» всплывают довольно неожиданно – на самой что ни на есть бытовой основе. Один мой японский знакомый, приехав в Москву, принялся учить меня уму-разуму и давать указания по его жизнеобеспечению. Он значительно моложе меня, и, некоторое время потерпев его капризы, я сказал ему все, что об этом думаю. Японец обиделся: «Ты не должен так говорить. Японцы так не говорят». «Я – не японец», – возразил я и тут же получил: «Все равно. В Японии так не принято. Ты общаешься с японцем, а мы – уникальный народ. Поэтому ты должен вести себя так, как принято в Японии». Мои резоны о том, что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», перевели его в третью фазу дискуссии.

Она возникает в экономических спорах, когда выясняется, что японская сторона не очень заинтересована в успешном окончании переговоров и сами переговоры велись для того, чтобы «продемонстрировать горячее стремление решить эту проблему». Ёку гамбаттэ иру. Если заинтересована – национальная уникальность считается временно не являющейся таковой, и стороны возвращаются к первому этапу. С третьей фазой, наверное, всем уже все понятно. Обиженные и оскорбленные японцы делают каменные лица, всем своим видом символизируя презрение к вам, к России и всем белым гайдзинам в целом... Мой японский знакомый после нашей ссоры тоже надел эту маску. Вскоре ему снова понадобилась моя помощь, и он как ни в чем не бывало отложил ее в сторону и вернулся к первой фазе дискуссии...

Гламурный самурай

Взгляды россиян, жаждущих встать на Путь внутреннего и внешнего процветания, и раньше были обращены на Восток, теперь же, когда дорога к здоровью начинается с завтрака в японском ресторане, каждому стало ясно, что пора обратиться к мудрости самураев, ведь именно они, кажется, живут в Японии?

Миф о том, что Япония – страна самураев, придумали не мы и даже не американцы. Как вы помните, его придумали сами японцы: профессор Инадзо Нитобэ, женатый на американке, – ощутил настоятельную потребность объяснить родственникам жены и всему миру то, о чем они смутно догадывались и раньше: сущность японского характера заключается в строгом следовании самурайским добродетелям. «Бусидо» по-японски значит «Путь воина». Раз он является олицетворением духа Японии, следовательно, все японцы – носители этого духа, то есть самураи. Для логичного и падкого на экзотику европейского ума этого было как раз то, что нужно: миф пошел в народ.

России повезло особенно: образ самурая укрепился в нашем сознании после поражения в Русско-японской войне, и даже война Советско-японская не помогла поколебать этот стереотип – это было далеко, давно, да и к тому же, как известно, «летели наземь» именно самураи – «под напором стали и огня». Потом они как-то очень удачно перевоплотились в других «самураев» – в синих костюмах и с «паркерами» вместо мечей. Взмах – и контракт подписан. Как голову врагу срубил. Красиво, и ведь тоже победа! Русским очень нравится. Нравится настолько, что образ самураев начали применять даже к тому, к чему по определению он применяться не может. Например, в Москве появился питомник китайских хохлатых собак «Русский самурай».

Японцы, к тому времени уже подрастерявшие статус учителей-самураев в Америке и Европе, с удивлением отметили странную любовь россиян и вскоре разделились на две большие, но неравновеликие группы. К первой, меньшей по численности, но очень активной, относятся бизнесмены, работающие у нас, а также преподаватели разнообразных боевых искусств. Первые время от времени помогают эксплуатировать образ «самураев XXI века», изображая воплощенное высокомерие и содействуя продвижению семинаров по тимбилдингу под названиями вроде «Путь меча: как достичь высоких продаж посудомоечных машин в Воронеже».

Вторые нашли в совмещении желания белых людей научиться чему-нибудь «эдакому» и имиджа самурая идеальное сочетание спроса и предложения. Ученики сходят с ума, беспричинно надеясь самим стать

самураями. Это скорбная картина, которую я описал в главе о свободе и несвободе.

Большинство же японцев взирают на происходящее с безмерным удивлением. Мой научный руководитель, например, был потрясен, когда прочитал в одном нашем журнале рецензию на его лекцию о современной японской прозе: «На сцену вышел самурай, и показалось, что он сейчас закричит и встанет в стойку. А он начал говорить о литературе...» Его, как и многих других японцев, удручает несоответствие мифа реальности: на самом деле самураев почти не осталось. Более того, идеал современного японского молодого человека – это муж... нет, это даже не мужчина, а некое унисексуальное существо, которое сами японцы называют «травоядным», в розовой футболке в обтяжку, с выбеленными волосами и в синих линзах, фанатеющее от бейсбола, на тонких гнутых ножках прогуливающееся с подружкой от ресторана к кафе и на все вопросы отвечающее одно и то же: «Суггэ!» («Классняк!») Остряки замечают, что подружка соответствует ему по своему имиджу, а их прогулки все чаще заканчиваются не в лав-отеле, как это было принято еще поколение назад, а всего лишь в киношке.

Кстати, даже те японцы, которые не могут ходить в спущенных до середины бедра джинсах и носят форменные синие костюмы, все реже понимают, зачем нужны лав-отели. Старики грустно усмеваются: «Самураев больше нет. Нет бусидо – Пути воина. Это миф. Нынешние японцы не только не упражняются с мечом, но и не знают, зачем нужны женщины. Это Путь смерти, который Япония выбрала сама, – харакиридо». Но в России так не думают. В этом я убедился, побывав однажды на открытии очередного японского мероприятия, где испытал смешанные чувства: вроде бы все хорошо, все обычно, знакомо, но что-то настолько не так, неправильно, что теряешься и хочется поскорее это место покинуть. Вчера я понял, в чем причина.

Вернувшись с мероприятия, я принялся перечитывать многочисленные и красочные пресс-релизы, которые предупредительные девушки вложили мне в папочку. Сначала подумалось, что причина странного дискомфорта в душе вызвана соединением не очень грамотного, написанного по англоязычному образцу (запятые едва ли не после каждого слова), но пафосного пресс-релиза с речью устроителя выставки на ее открытии («во время войны у каждого офицера была офицерская самурайская шашка»; «Мы очень долго готовили эту выставку, но в конце концов поняли, что все-таки придется поехать в Японию»). Но нет, дело не в этом.

Причина стала ясна, когда я взялся за пресс-релиз чайной церемонии.

Всего несколько фраз развеяли туман:

«Издавна тяною была непременно атрибутом встреч японских философов, поэтов и художников».

«...чайная церемония превратилась в своеобразный ритуально-философский мини-спектакль...»

«Сначала гости (обычно пять человек) проходят по саду...»

«Подается легкая закуска и сладости...»

«Во время перерыва хозяин должен поменять украшение комнаты...»

И еще одна цитата, но уже не из пресс-релиза, а из уст одного из организаторов мероприятия:

« – Чем оно отличается от предыдущего, которое проводил ...?»

– Как чем? Оно же интерактивное!»

Вот теперь все срослось: нам опять впарили шоу. Нет тут никакой традиционной Японии, от трескотни о «ритуально-философской» сущности которой на открытии болели уши. Нет той Японии, о которой они слышали от кого-то, кто где-то когда-то что-то читал, и визуальные представления о которой ограничены фильмом «Последний самурай». Та, настоящая Япония интровертна, направлена в себя, а это непонятно, этому учиться надо, а зачем? Люди любят шоу, чтобы круто было, непонятно и клево – чтобы пипл хавал...

Я по собственному неразумению попал на шоу, спектакль «навынос», да еще с собственным пониманием того, как это должно происходить. Отсюда и объединение в «пятерки» на чайную церемонию (логично же, если у нас выпить, то втроем, а у них – впятером, они же мельче), и «легкие закуски» (интересно, что это – ведь сладости упомянуты отдельно? Колбаски мечом порубят?). А театральное прошлое организаторов выдает стремление обязать хозяина тяною сменить украшения в антракте...

Любое мероприятие на японскую тему должно быть максимально «интерактивным» и «ритуально-философским». Желательно еще и нано-инновационно-модернизаторским. Это главная гарантия того, что никто не поймет, в чем его смысл, а это – круто! Побольше слов, побольше мистики, побольше цинизма – людям это нравится, и «бешеные дятлы» слетаются суетливыми, разноголосыми стайками. Их ждут окормляющие: на столике прессы – журнал с непонятным названием и фотографией Ивана Охлобыстина в рясе на первой полосе обложки и самурайскими доспехами – на последней. Открытие – в 20.30 – гламурное время, приедут тусануться реальные челы – это для них.

Я не против, Япония тем и хороша, что она у каждого своя. У этих ребят своя. Они шоумены, и Япония у них – шоуменская, смешная,

гайдзинская. Да и вообще мы – русские и японцы – настолько разные, что больше похожи не друг на друга, как люди, а на свои поезда.

Бутово рулит!

Трясаясь однажды утром в тамбуре подмосковной пригородной электрички, я оказался лицом к лицу с расписанной фломастером стеной. Обычно заборное творчество не заставляет меня задуматься о смысле изложенного, но тут был другой случай. «Бутово рулит», – выведено чей-то корявой рукой на стене тамбура, и я задумался.

«Бутово рулит» – дурацкая по смыслу надпись (если в ней вообще есть какой-то смысл, кроме скрытого стремления прославиться, оставив свой автограф на незамутненной серой стене) в сочетании с самой обстановкой полосы отчуждения заставила меня вспомнить о придуманном мною когда-то железнодорожном сопоставлении русских и японцев. Пытаясь на простых примерах объяснить студентам разницу японского и русского менталитетов, я предложил сравнить оба этих народа с вагонами, поездами, железной дорогой, и вот что из этого получилось.

Японцы очень напоминают мне их замечательные сети железных дорог. Эти сети многочисленны, разветвлены и способны удовлетворить самые замысловатые транспортные нужды японского и неамериканского народов. Каждый из японцев при этом больше всего похож на один из вагонов этого удивительного многочленного механизма. Независимо от того, люксовая «гуринся» синкансэнэ это или вагон обычной пригородной электрички, он чист, прибран до вылизанности, отличается от своих собратьев только бортовым номером. Его возраст почти неопределим внешне, внутренний порядок в нем идеален, сиденья по утрам опускаются только в 9.30 и ни минутой раньше, но главное – никто из этих вагонов не мечтает быть локомотивом! Они ходят точно по расписанию, и только стихия может выбить их из колеи. Они обклеены многокрасочной рекламой внутри и строги снаружи, их направление понятно даже иностранцу по цвету самого вагона, и они не стремятся вперед. Их туда ведут. Естественно, очень часто (и чем дальше, тем чаще) количество «вагонов» зашкаливает, не соответствует пропорции «составов», и тогда из-за нехватки «локомотивов» возникают тревожные ситуации. В таких случаях приходится обращаться к помощи иностранцев: проваливающийся «Ниссан» вытаскивает команда французских менеджеров, химическую промышленность поднимают русские химики, русские же физики едут в

ядерный центр в Цукубе, американские пиарщики консультируют МИД, немцы – Минздрав, и так далее. Молчаливые японские «вагоны» предпочитают об этом не распространяться – система работает, поезда идут.

Русские тоже очень похожи на вагоны. На русские вагоны. Их основные признаки заключаются в заплеванности и пассионарности. Несмотря на многодесятилетние попытки стандартизировать их, они все абсолютно разные. Настоящая железнодорожная сеть не развита, и запуск первой дороги от Петербурга до Царского Села до сих пор вспоминается так явственно, как будто в каждой парадной живут очевидцы этого события. О грядущем пуске «русского синкансэна» – «Сапсана» рассказывают с упоением и слюной у рта, хотя на дворе XXI век, а из-за «Сапсана» отменили пригородные электрички. Для сведения – в Японии синкансэны ходят с октября 1964 года – с того самого времени, когда у нас лысый мужик в штанах-трубах заставлял всех сеять кукурузу. Веселится и ликует весь народ... Японский народ может позволить себе веселиться.

Текущее размыто. Наши «вагоны» едут не понять куда и не понять как. Одна дама-кондуктор, толкнув в меня грудью-буфером, сказала: «Мы по расписанию не ходим, мы его придерживаемся». Разбитые окна, заплеванные полы, затоптанные сиденья, все разнокалиберное, старое и грязное – это наше железнодорожное прошлое, настоящее, (будущее?). Наша жизнь – полоса отчуждения, но мы, как было принято говорить совсем недавно и будет, видимо, принято, говорить всегда, «с оптимизмом смотрим в будущее».

Смотреть в будущее с оптимизмом через грязное окно вагона проблематично. Его попросту не видно, и в этом ответ. Мы стремимся вперед по тем путям, которые уже есть, – к паровозу. Есть газ? Возьмите меня в «Газпром» – эх, порулю! Главное для нас в пассионарном стремлении – не быть «вагоном», главное – «Бутово рулит!»

Россия рулит! Куда? Не важно! Главное – вперед! Птица-Тройка с Чичиковым, который летит в светлое будущее, придерживая пухлой ручонкой «Самсонайт» с «борзыми щенками». Вперед – и каждый сам себе паровоз: старый, грязный, весь в мазуте, во лбу портрет Сталина, путей впереди нет, но вперед – в коммуне остановка...

Aftershock

11 марта 2011 года я надеялся быть в Токио. В начале января я вернулся оттуда с новогодних каникул и знал, что моя кандидатура рассматривалась в качестве одного из докладчиков на очередном симпозиуме. В последний момент по неизвестным причинам меня не оказалось в списке участников мероприятия, которое в итоге так и не состоялось. Но в отличие от тех, кто попал в список, я даже не поехал в Японию, о чем жалел тогда, жалею и сейчас – я не пережил лично Великого восточнояпонского землетрясения. Знаю, что многие меня не поймут или не поверят, но мне действительно хотелось увидеть это своими глазами. Понимаю, что особенно легко так говорить сегодня, зная, что в Токио никто не погиб, да и разрушений было очень немного, но тем не менее...

Шанс увидеть, как великий город сопротивлялся стихии и победил ее, оказался упущен, и все же работа и старые связи кинули меня в самую гущу событий, которые происходили после землетрясения и цунами – и в России, и в Японии, точнее, в прессе обеих этих стран. Это медиатрясение и волна того истерического безумия и специально подобранной грязи, которая захлестнула наш эфир, снова подтолкнули меня к мысли о том, что лучше бы я был там.

Кажется, что катастрофа произошла совсем недавно, но на самом деле те, кто не в Японии, уже очень мало помнят о ней. Поэтому перечислю вкратце только самые основные факты. Великое восточнояпонское землетрясение – Хигаси Нихон дайсинсай – произошло 11 марта 2011 года в 14 часов 46 минут по местному времени или в 8.46 по Москве. Несколько толчков подряд – самый сильный магнитудой 9,0 – и последовавшие за ними цунами унесли жизни более 23 тысяч человек погибших и пропавших без вести. При этом число пострадавших непосредственно от сейсмических ударов феноменально невелико. Те особенности японского строительства, о которых я упоминал, показали себя как единственно возможные и приемлемые для этой страны: *мансен* (даже старые!), построенные с огромным запасом сейсмической прочности, достойно выдержали подземные толчки, а маленькие *апато* и вовсе игнорировали их своими металлическими каркасами и неглубокими, плавающими фундаментами. Друзья рассказывали мне, что после землетрясения в квартирах «царил полный разгром»: попадала мебель, книги, телевизоры, компьютеры, побилась посуда. В тот же или на следующий день все было поставлено на

свои прежние места. Самое главное – здания, стены, крыши выдержали. В европейской Испании 12 мая этого же 2011 года подземные толчки силой всего 4,4–5,2 балла разрушили множество каменных строений, нанеся огромный ущерб городу Лорка. Страшно себе представить землетрясения с магнитудой 9 где-нибудь на Кавказе или в Центральной Азии: все бы погибло. В Японии этого не произошло: Япония выстояла!

Главное и самое страшное последствие землетрясения – цунами. Именно гигантская, в некоторых местах до 39 метров высотой, волна стала основной причиной гибели десятков тысяч людей. Она смывала дома (некоторые потом, как корабли, путешествовали по океану), автомобили, аэропорт в Сэндае, пассажирский поезд, шедший вдоль побережья и бесследно исчезнувший. Именно под ударами гигантской волны перестали существовать несколько маленьких городков на северо-востоке главного острова – Хонсю, а сотни тысяч жителей остались без крова. Наконец, именно цунами стало физической причиной аварии на атомной станции «Фукусима-1». Цунами, а не землетрясение.

Это – всем известные и... мало вспоминаемые сейчас факты. Я хорошо помню, как начинался показ самых первых съемок цунами на российских телеканалах. Зрелище было настолько потрясающим, что поначалу даже особого ужаса не вызывало. Смотревшие телевизор японские журналисты тоже лишь время от времени восхищенно протягивали «сугой, нэээ!» – «круто!», не испытывая каких-то особенно печальных эмоций по поводу увиденного и продолжая строчить что-то из ранее запланированного. В сюжеты включались и кадры собственно землетрясения – главным образом снятые в офисе бюро NHK в Сэндае. Однако очень скоро стало понятно, что раскачивающиеся лампы и вывески не могут конкурировать по богатству кадра с цунами. К 12–13 марта постоянно обновляемые съемки последствий затопления побережья гигантской волной захлестнули эфир. СМИ начали говорить о землетрясении (не о цунами!) как о грандиозной катастрофе вселенского масштаба. Незаметно и очень быстро произошла подмена понятий: цунами и землетрясение, и это оказалось принципиально важно. Цунами выглядело явно эффектнее, но скоро выяснился и стал понятен журналистам его локальный уровень. А это резко снижало шансы на эксплуатацию образа глобальной катастрофы.

Дело в том, что Япония для большинства россиян – это прежде всего Токио. Это, если говорить о той «Японии», которая могла представлять интерес как жертва стихийного бедствия, высокоразвитый город-страна небоскребов и роботов. Самые ужасающие съемки сэндайского цунами

наглядно свидетельствовали о том, что ни реальные небоскребы, ни роботы не пострадали – не пострадала мифическая Япония. В случае, например, с Филиппинами или Индонезией цунами как медиапроект само по себе оказалось бы самодостаточным: бедные страны, гигантская волна разрушила то небольшое, что было, и так далее. С Японией же такой шаблон явно не годился. Представление о Японии как о великой стране требовало иных масштабов и ракурсов показа бедствия. Срочно надо было искать выход, чтобы показать ужасы стихии в рамках общепринятого японского образа, требовалась глобальная катастрофа, а не наводнение в каком-то никому в России не известном Тохоку, от которого до Токио даже непонятно сколько ехать. Кому в той же Японии могли быть интересны репортажи, например, о пожарах в Ивановской области России?

Тут очень к месту оказался миф о географической «ничтожности» Японии, чрезвычайно популярный в мире и придуманный, кстати, когда-то самими японцами. Страна нескольких тысяч островов, большая по площади, чем Германия или Великобритания, с протяженностью береговой линии около 20 тысяч километров, воспринимается нами как маленький клочок земли где-то в Тихом океане, на котором теснятся плечом к плечу 127 миллионов японцев. В самом деле, они разве не оттого все время требуют наши острова, что им жить негде – тесно? Оставалось только придумать, как соединить вместе цунами, Токио и большое количество жертв, которое предполагалось с самого начала. На выручку пришла идея объединить все это землетрясением, которое губительно для Японии вообще. Идея не говорить о том, что от Сэндая до Токио более трехсот километров, о том, что в Токио разрушено всего одно здание, а жертв нет вообще. Эта идея вряд ли принадлежит какому-то конкретному человеку – она порождение той журналистской системы, которая складывалась у нас все постсоветское время. Системы, при которой главная задача – продать. Для начала – информацию, шоу, рекламу.

Картинкой, спасавшей в первое время новостников, стали съемки горящих в ночи неких хранилищ топлива по соседству с Токио – до той поры, пока не стало известно об аварии на АЭС «Фукусима-1». А в японскую столицу тем временем полетели группы российских журналистов – телевизионщиков и радионовостников, судя по их репортажам, в Японии никогда не бывавших и ровным счетом ничего об этой стране не знавших. «У них тут вроде император, да? Как его зовут?» – таков был первый вопрос московской журналистки коллегам из токийского отделения ИТАР-ТАСС, которых просили оказать ей «всяческое содействие».

В это же самое время начало определяться отношение японских

журналистов, работающих в России, к ситуации вокруг землетрясения. Первой фразой, которую я услышал от них по этому поводу утром (по Москве) 11 марта, было: «Кан – камикадзе». Премьер-министр Наото Кан, лидер в недавнем прошлом оппозиционной, а теперь правящей Демократической партии, давно уже находился на прицеле политиканствующих японских СМИ. Корпорация японской журналистики традиционно связана с полвека правившей в стране и по-прежнему самой мощной и богатой партией – Либерально-демократической. Газетчики ждали только очередной оплошности, проступка Кана, чтобы сработать на добивание, и такой шанс им предоставило землетрясение. Отныне все внимание было направлено на то, чтобы выискивать в действиях правительства ошибки, недочеты, ложь. Ситуация с «Фукусимой-1» облегчила работу консервативным японским журналистам до появления выражения радости на их лицах. Работа пошла! Все остальное – детали.

В то время как японские медиа готовили почву для уничтожения Кана, а русские корреспонденты только летели в Токио, отечественное телевидение успело наладить контакт с представителями российской диаспоры в Токио. В эфир вышли интервью, взятые по скайпу у нескольких русских студентов, а затем и их собственные съемки «разрухи и бедствий Токио». Знаю, что на самом деле этих интервью было много больше: сам сводил журналистов и знакомых в Японии для этого, не ожидая тогда еще, что нужно совсем другое и совсем другие. Требовалась не реальная ситуация в шокированном землетрясением, но живом, дышащем, работающем и даже отдыхающем Токио, а выполнение заказа по продаже ужастика. Картины пустых полок в магазинах, безлюдных, темных и мрачных улиц японской столицы на несколько недель стали символом Японии. При этом никто не удосужился пояснить, что к закрытию в японских магазинах принято убирать многие продукты, потому что по закону срок годности у них – один день. Оттого и полки пустые к вечеру – всегда. Никто не сказал с экрана, что и в Токио есть уголки, где не собирается толпами молодежь, не работают до утра рестораны, не гремит и не светится реклама. В спальных районах великого города темно и тихо – как и подобает тому быть именно в спальных районах. И это никак не связано ни с цунами, ни с землетрясением, ни с русскими журналистами. Знаю, что многие хотели это рассказать, но их не хотели слушать.

А прибывающие тем временем в Японию профессиональные корреспонденты жаждали крови. В прямом смысле. Разговаривая по телефону с токийским корпунктом ИТАР-ТАСС, я слышал, как мои коллеги пытались убедить прилетевших из Москвы телевизионщиков в том, что в

Токио все не так плохо: «Нет, у нас не валяются трупы на улицах. В Токио вообще никто не погиб. Нет, у нас нет паники из-за нехватки бензина. Почему? Ну, потому что есть бензин. Очереди за ним есть, да. Нет, мы не можем показать вам место, где на тротуарах сохранились лужи крови – таких мест просто нет! Пустые прилавки? А вы не пробовали сами в магазин сходить? Бойтесь и еще не выходили из отеля? Так выйдите».

Ложь таких «телерепортажей» становилась очевидной, если смотреть их внимательно. Например, помимо «очередей за бензином и продуктами» появилась «утка» о международном аэропорте Нарита, забитом до отказа желающими бежать из Японии. Видимо, после событий в Домодедово и Шереметьево в декабре 2010 года, когда ледяной дождь закрыл ворота русской столицы, а сотрудники аэропорта закрыли на это глаза, нашим трудно было себе представить, что может быть иначе. При этом в репортажах, посвященных очередям и давке в Нарите, так ни разу и не показали ни давку, ни очереди.

В первые часы и дни после землетрясения я, не отрываясь, сидел перед включенными телевизорами, один из которых показывал канал «Россия 24», другой – японский NHK. Работало радио «Эхо Москвы». Вскоре в эфир начали выходить комментарии специалистов в связи со складывающейся в Японии ситуацией, и многое звучало комично. Помню, как один из ученых, рассказывая о цунами, заявил: «По нашим данным, могут быть разрушены многие небольшие японские поселки, в том числе Токио». Тогда же я услышал первый и давно ожидаемый комментарий представителя российского посольства: «Согласно собранным роспосольством на настоящий момент сведениям, никто из сотрудников посольства, генконсульств в Саппоро, Осаке и Ниигата, других российских учреждений, а также же членов их семей не пострадал. Сейчас продолжается сбор данных о ситуации вокруг всех российских граждан, временно находящихся в Японии и не являющихся сотрудниками российских учреждений».

Сейчас я понимаю, что в тех условиях даже нормально было говорить только о дипломатах: при отсутствии сколько-нибудь полного консульского учета «росграждан», живущих в Японии, ничего другого и сказать-то было нельзя. Однако и без того непростые отношения между русскими дипломатами и недипломатами заставляли воспринимать такие заявления с иронической улыбкой, а то и с раздражением. Кстати, через пару часов все тот же представитель посольства исправился и стал говорить просто о «россиянах», а на сайте МИДа и телекомпаний не осталось никаких упоминаний об «оговорке» дипломата. Эфир на то и эфир, чтобы

прозвучавшие в нем заявления растворялись бесследно – в случае необходимости.

На сайте российского посольства были вывешены телефоны экстренной связи для желающих получить помощь в посольстве или улететь на родину. На протяжении двух-трех дней я пытался дозвониться по ним, как и по другим имеющимся у меня номерам, чтобы узнать, в чем конкретно может выражаться эта помощь, строго следя за тем, чтобы успеть до 18 часов по токийскому времени. У меня ничего не получилось, и не потому, что номера были заняты непрерывно пытающимися дозвониться соотечественниками, а потому, что никто ни разу не снял трубку.

Каким образом удавалось дозвониться другим, я не знаю. Возможно, мне просто не повезло. Ведь, судя по словам одного из дипломатов, у других это получалось: «Желающих выехать из Японии много. Обеспокоенные люди звонят со всей страны, даже из крайне отдаленного города Миядзаки на южном острове Кюсю. Некоторые хотят уехать в качестве эвакуированных. Для этого мы стараемся по максимуму использовать самолеты МЧС, которые доставляют в Японию, в частности, гуманитарные грузы. На обратном пути они могут вывезти в Россию тех, кто по каким-то причинам не может воспользоваться «Аэрофлотом».

Знаю, что некоторые наши дипломаты работали в Тохоку – самом пострадавшем от цунами районе Японии, другие сопровождали в качестве переводчиков отряды наших спасателей, вскоре после землетрясения прибывших в Сэндай. Вероятно, третьи, как могли, выполняли другую работу, которой в те дни им, несомненно, добавилось. По заявлению бывшего тогда послом России в Японии М. Белого, только за один день сотрудники посольства «получили и зарегистрировали 1700 звонков по разным поводам, в том числе и об отъезде на Родину». Увы, среди этих звонков не было моего, и я никак не могу подтвердить слова посла. Зато могу засвидетельствовать, что эта фраза взята из его хамского и очень «советского», в худшем смысле слова, по своему духу и стилю письма, адресованного одному из русских ученых, работающих в Токио, который, по мнению посла, не заслуживал того, чтобы его оповестили о мерах, предпринимаемым посольством для помощи соотечественникам, – статусом не вышел. Самое любопытное в истории с этим письмом, которое адресат по просьбе автора (!) немедленно опубликовал в Интернете, что первый же комментарий под ним гласил: «А кто такой М. Белый?» Похоже, за предыдущие три с лишним года работы послу так и не удалось сделаться известным россиянам, живущим за пределами забора нашей

дипломатической миссии.

К этому времени информационный шум вокруг ситуации в Японии перешел в стадию информационной паники. Российский политолог, работающий в Токио, писал мне о контактах с соотечественниками-журналистами: «Теперь я понимаю, почему во время войн расстреливают паникеров. Это грубо, но правильно. Постоянно звонят из разных СМИ. Просят комментариев – с жуткими подробностями, что взорвалась очередная АЭС и Токио покрыт радиоактивным облаком». «Нам неинтересно про то, что все хорошо», – дословно сказали только что. «Хочется материться, когда слышишь такое» (Записные книжки Ильфа). Сдерживаюсь. Рассказываю как есть. Комментарий записали, хотя в эфир, наверное, не дадут. Найдут того, кто расскажет про **«толпы мародеров, штурмующих винные склады токийцев, в панике закупающих продовольствие из-за угрозы попадания в хвост кометы»**. Очень прошу всех: не паникуйте сами и не давайте паниковать другим! Ситуация непростая, но кроме нас самих нам никто не поможет. А паника – первый враг.

Настоящая паника началась, когда стало известно о проблемах с атомной станцией в Фукусиме. На ток-шоу в одном из университетов, готовящих журналистов, куда я попал с группой японоведов, на нас вылили ушат «свежей информации о Японии»: «Страна разрушена. Десятки городов смыты цунами, Токио пал жертвой землетрясения. Остатки японской нации ожидают конца от мучительной радиации». Откуда бралась такая информация, для меня не загадка.

С самого начала я каждый день общался с нашими физиками, сейсмологами, спасателями, метеорологами – всеми, кто мог иметь хоть какое-то отношение к происходящим в Японии событиям. Каждый день они рассказывали мне, как и всем желающим российским журналистам, правду: Фукусима – не Чернобыль, характер аварий принципиально различен, опасности нет не только для России, но и для большей части Японии. Каждый день журналисты, в том числе японские, требовали ответа на два вопроса: в чем разница между Фукусимой и Чернобылем и что произойдет при самом негативном варианте развития событий? Каждый день и я задавал эти вопросы всем, кто хоть какое-то отношение мог иметь к ядерной физике, начиная от директора Курчатовского института академика Е. Велихова и главы Росатома С. Кириенко и заканчивая командиром отряда спасателей, только что вернувшихся из «радиационного ада», А. Легошиным. Все они отвечали примерно одно и то же: в Чернобыле произошел взрыв, выбросивший на огромную территорию –

вплоть до Норвегии – чудовищную массу радиоактивных веществ. В Японии происходит их постепенная утечка в относительно небольших количествах, не опасных для окружающих в радиусе более 30 километров от станции.

Никого – ни российских, ни японских журналистов – это не устраивало. И каждый день в эфир выходили репортажи тех, с кем я сидел вместе на пресс-конференциях и брифингах, которые в обработанном редакторами виде вещали совсем иное: катастрофа пойдет по худшему сценарию и будет ужасной! Бороться с этим мы не могли никак: помимо воли редакторов, сообразно своим представлениям о мире правивших поступавшую к ним информацию, в головах наших сограждан крепко сидит память о Чернобыльской аварии, 25-летие которой пришлось как раз на эти дни. Специалист по работе в зоне отчуждения в Чернобыле жаловалась мне тогда, что просто не успевает принимать группы японских журналистов, желавших не только посмотреть на четвертый энергоблок, но даже «пожить там несколько дней»!

Сравнение с Чернобылем было на слуху каждый день, и каждый день, общаясь с чернобыльцами, я все больше понимал, в каком мифологизированном мире мы живем. Директор Института проблем безопасного развития атомной энергетики РАН, чернобылец, профессор Леонид Большов на одной из встреч говорил о том, насколько преувеличены реальные последствия Чернобыльской аварии. Его институтом проводились опросы населения, которые выявили полное незнание истинной ситуации. Количество жертв Чернобыля многими респондентами оценивалось в тысячи и даже десятки тысяч человек, хотя на самом деле оно не превышает 150 человек. Своеобразный «коэффициент незнания» превышает, таким образом, 1000 условных единиц. В случае с аварией на «Фукусиме-1» он зашкаливает за 10 000, вызывая к жизни анекдотичные ситуации.

В Москве всю весну и лето активно обсуждался вопрос о японских ресторанах: можно или нет есть в них «суши»? Никто даже не задумывался о том, какова реальная возможность выловить в Тихом океане радиоактивную рыбу, как она попадет в Россию и сколько такая рыба могла бы стоить в Москве? И вообще: каков уровень опасности в этой самой рыбе? Фактически началась неконтролируемая японофобская паника, ударившая и по ресторанам, и по туризму.

МИД России, порекомендовавший в марте воздержаться от туров в Японию, 20 апреля это предупреждение дезавуировал, при том что многие страны такого предупреждения и не объявляли. У нас же потенциальными

туристами предупреждение было прочитано как запрещение, равно как и предупреждение Ростуризма, и туризм в Японию из России не просто понес колоссальные убытки – он умер. Люди, заплатившие за туры от трех тысяч долларов за неделю, забирали документы и требовали возврата денег, большая часть которых уже была израсходована и в Японии, и России. Думаю, наши компании, работавшие на этом направлении, еще очень не скоро смогут вернуться к нормальной деятельности.

Апофеозом этого информационного афтершока в марте 2011 стала запущенная кем-то в Интернет статья о том, что в апреле 1986 года японские газеты публиковали крайне оскорбительные для русских статьи в связи с аварией в Чернобыле. Нет сомнений в том, что японские журналисты весьма далеки в массе своей от каких-либо симпатий к нашей стране, но то, что описывалось в той статье, явно находилось за границей добра и зла. Шеф токийского бюро ИТАР-ТАСС Василий Головнин на всякий случай проверил эту информацию: «У нас утверждали, что в Японии тогда якобы имели место следующие заголовки (цитирую по блогу Владимира Варфоломеева):

- *Дикарей нельзя подпускать к ядерным технологиям!*
- *Сценарий, подобный Чернобыльскому, в Японии невозможен в принципе – е!*
- *Коммунистическая диктатура лжет о положении в Чернобыле!*
- *Миллионы рабов с помощью КГБ загоняют на устранение аварии с помощью пулеметов!*
- *Половина СССР превратилось в радиоактивную пустыню».*

Так вот, никаких «дикарей», «миллионов рабов», конечно, в заголовках нет и в помине. Как и про радиоактивную пустыню и пулеметы. В текстах статей такой чуши не было тоже.

Типичные заголовки просто сообщают о фактах. Например: «Авария на советской АЭС. Погибли более 2 тыс. человек? Ядро реактора расплавилось, дело идет к крупнейшей катастрофе» («Майнити», 30 апреля 1986).

Про советскую закрытость и нехватку информации о Чернобыле, конечно, писали много. Но другими словами. «Правительство Японии призывает СССР открыть информацию» («Иомиури», вечерняя, 2 мая 1986). «Мир выражает недовольство советской секретностью» (там же, 30 апреля 1986). Таких заголовков немало.

Теперь по поводу того, что «в Японии это невозможно в принципе!»

Заголовок в «Майнити» от 30 апреля: «Когда-то это может быть и в Японии». «В порядке ли наши АЭС?» – «Иомиури» от 1 мая 1986 года.

Справедливости ради надо признать, что некий анонимный источник в Министерстве торговли и промышленности Японии сообщил газете «Асахи» 29 апреля, что «в нашей атомной энергетике невозможно то, что произошло в Чернобыле, у нас реакторы другого типа». Думаю, этот чиновник сейчас раскаивается, но и он, в сущности, не соврал. Авария на АЭС «Фукусима-1» ни в коей мере не похожа на чернобыльскую. Нет такого разлета радиации.

Фукусима – не Чернобыль, какую бы степень опасности ей ни присваивали японские чиновники (между прочим, станция застрахована). Пока серьезной дозы облучения, если верить имеющейся информации, не досталось никому. Восемь человек получили больше 250 миллизивертов – годовой дозы для работников АЭС в чрезвычайных обстоятельствах. И тем более, пока никто не погиб от радиации.

Этот и подобный ему инциденты, наложенные на элементарную безграмотность нашего населения и «эффект Чернобыля», быстро довели ситуацию до абсурда, а информационная паника начала давать неожиданные последствия. Мои знакомые отменили июньскую поездку в Таиланд, мотивируя это тем, что «там же рядом Фукусима». Съёмочная группа одного из каналов, собиравшаяся снимать в Киото – на расстоянии примерно тысячи километров от злосчастной станции, – репортаж о гейшах, отказалась от поездки – «чтобы не схватить рак щитовидки». Такое впечатление, что рак щитовидки в Японии летает в воздухе и передается, как насморк! Музей изобразительных искусств имени Пушкина решил не везти в Йокогаму картины французских импрессионистов, выставка которых планировалась в рамках Фестиваля русской культуры в Японии, – не такое, дескать, время. Уже в июне от гастролей отказалась оперная певица Анна Нетребко – все по той же причине. Театр заплатит японцам неустойку, это понятно. Непонятно только, какими теперь будут имиджевые счета между нашими странами.

В России сразу после землетрясения были развернуты несколько программ материальной помощи японцам, пострадавшим от катастрофы. Хуже всего – с путаницей фондов, счетов и путей направлений – осуществляли эту программу уполномоченные государства. Собирали деньги и частные фонды, и маленькие организации, вроде клубов будо или традиционных японских искусств, и церковь, перечисляли отдельные люди. Собрали и отправили в Японию сотни тысяч долларов.

В корреспондентских пунктах японских газет звонили телефоны: русские физики-ядерщики, чернобыльцы безвозмездно предлагали свои услуги по помощи пострадавшим и по ликвидации аварии. Японских

журналистов такие предложения не интересовали. Физики, спасатели, волонтеры – все они вежливо отсылались... обратно. Никакие советы, просьбы передать помощь, послать специалистов не были востребованы – все это оказалось не нужно официальной Японии. «На ура» принимались только странные предложения типа идеи расселить японцев в Сибири: об этом можно писать, это ярко и прикольно. Такие предложения хорошо иллюстрировали низкий уровень понимания русскими ситуации в Японии в после аварии и вообще – понимания Японии и японцев. Своеобразный подход к подбору информации из России японскими медиа стал заметен начиная с самого первого дня, с 11 марта. Тогда, сразу после катастрофы, президент Медведев, как и подобает в таких случаях, выразил «глубокое соболезнование японскому народу» – буквально через несколько часов после того, как стало известно о землетрясении и цунами. Весь день 11 марта японские каналы показывали... президента США Обаму, сказавшего то же самое, хоть и чуть позже. Безусловно, американцы много сделали в той ситуации для Японии. Но и наша группа спасателей была одной из самых больших и профессиональных. Но японских журналистов интересовало другое: не мешали ли власти работе русской команды?

Опытное Министерство по чрезвычайным ситуациям сразу после землетрясения отправило запрос в Японию и только после официального ответа с перечнем того, что японская сторона желает получить, отправило в Японию специалистов-спасателей и около 17 тонн шерстяных одеял. Украинский МЧС, поддавшись «зову души», без толку свозил в Японию и вернул обратно собак-спасателей и лекарства – у последних не оказалось японской сертификации. Кстати, впервые за всю историю нашего МЧС, спасавшего людей на всех концах планеты, его оперативники летели без поисковых собак. Японцы заявили, что не могут ради землетрясения отменить закон о месячном карантине для животных, прибывающих в страну. «Спасать» пришлось только трупы, но командир нашего отряда был очень корректен в отзывах о работе японской администрации, несмотря на явный нажим японских журналистов.

При этом тем же журналистам оказался крайне неприятен комментарий заместителя генерального директора Курчатовского института профессора В. Асмолова о причинах аварии: «Японцы, которые научились почти идеально эксплуатировать станцию, в кризисный момент потеряли управление. Японская модель с долгой и строгой иерархией усложнила последствия аварии. Чем дальше уходил вопрос от места аварии, тем медленнее принималось решение, тем хуже было управление. Образно говоря, если русскому дяде Ване, чтобы починить залипшую кнопку,

требуется лом и пять минут работы, японцы создают комиссию, мучительно совещаются, а ответственность на себя может взять только один начальник, которого срочно найти не всегда удастся. Говорить с кем-нибудь ниже уровня заместителя министра бессмысленно... Девять дней после аварии и обесточивания на станцию не могли перекинуть электрический ток. Русский человек быстро катушку по земле раскатал бы, запасной генератор притащил. Если бы удалось сразу запустить насосы с водой, худшего на станции удалось бы избежать. Нельзя сказать, что японцы ничего не делали, они по своей логике проходили долгие этажи иерархии. А станция горела».

Профессор Асмолов под запись сказал об «обратной стороне Японии» то, что остальные наши эксперты, побывавшие в Японии, соглашались сказать только «не под запись»: во многом причиной того, что авария приняла такие масштабы стал хваленый японский менеджмент. Но говорить об этом нельзя: это – обратная сторона Японии!

Вообще уважение и преклонение перед всем японским иногда рождало странные картины. 14 марта, через три дня после аварии, я с группой журналистов ждал у входа в посольство Японии министра иностранных дел России Сергея Лаврова. Ждал около часа. За это время я около семи или восьми раз видел, как к воротам посольства подходили самые разные люди: мужчины и женщины, взрослые и молодые, солидного вида и анимешницы, с цветами в руках. Все – с выражением искренней скорби и сочувствия на лицах, и мало кто готов был отвечать на какие-то вопросы присутствовавших журналистов. Было видно, что люди делают это от души. Кто-то из них приносил по одной белой розе, кто-то – охапки цветов. Помню, я еще подумал тогда, что, независимо от того, как будет проходить ликвидация последствий землетрясения, Япония уже одержала очередную победу: в Москве у нее много сторонников. Примерно то же самое сказал подошедший ко мне старый знакомый – мелкий японский предприниматель, числящийся в Москве главой японской компании из разряда «экспорт-импорт-консультации» и специализирующийся на рискованных и сомнительных операциях. «Вы такие странные, – шептал он мне, глядя на анимешниц с цветами. – Ваша Россия никому там не нужна, как и ваши цветы. Какие-то дурацкие программы придумываете: «Поможем Японии журавликами!»! Кому у нас нужны ваши журавлики?! А вы тут убиваетесь, как будто это по вам ударило цунами. Вам больше заняться нечем?» Версию японского пройдохи через несколько минут подтвердил японский журналист. Когда посол Масахару Коно со слезами на глазах рассказывал корреспондентам о содержании беседы с только что уехавшим

Лавровым, первый же вопрос, который задали послу, звучал так: «Как может измениться теперь ситуация на переговорах о “возврате северных территорий”?» Посол Коно отреагировал мгновенно: «Никак. Это разные вещи» – и слеза, скатившаяся из-под его очков, сверкнула стальным блеском.

Этот вопрос и ответ на него стали стартом нового этапа российско-японских отношений. Снова всплыли пресловутые острова, и Россия, несмотря на все жертвования, спасателей, предложения помощи, консультаций и другие подобные добрые дела, снова стала врагом. Теперь в качестве основного злодеяния рассматривалась энергетическая политика русских, готовых восполнить производство потерянной атомной электроэнергии своими газом, нефтью, углем. Конечно, это не очень благородно – помогать «разрушенной стране» за деньги, но разве Япония или любая другая страна не поступила бы на месте России точно так же?

Великое восточнояпонское землетрясение еще больше разделило наши страны. Политическая воля к решению проблемы пограничного размежевания не стала у японцев сильнее. В то же время пережитая катастрофа резко повысила градус сочувствия к этой стране у тех, кто раньше, возможно, симпатизировал ей меньше. Предложения помочь Японии «хоть чем-нибудь» звучат все чаще. Поскольку ничем своим предлагающие помочь обычно не готовы, в качестве возможной жертвы обычно называются Курильские острова. Так случайно, с помощью стихии Япония упрочила свои позиции.

Разрушен туристический бизнес, связанный с Японией. На его восстановление уйдет года два-три. За это время мы еще меньше будем знать о Японии. Не знаю, выиграет ли от этого она, но мы проиграем точно.

Землетрясение расширило трещину между русскими дипломатами и «росгражданами», живущими в Японии. Последствия этого можно преодолеть за год – было бы желание у нового посла, но, скорее всего, они не будут преодолены никогда.

Что остается? Только ждать, верить и... читать. Изучать Японию тем, кому это интересно, – настоящую, реальную, а не сказочную страну. Поверьте, она того стоит. И тогда ни землетрясения, которых она переживет еще десятки тысяч, ни цунами не смогут изменить ваше представление об этой удивительной стране, которая для каждого припасла свою «обратную сторону».

Словарь терминов

Апато – сокращенное и искаженное англ. *apartment* (квартира, комната). Часто применяющееся в Японии обозначение недорогого жилья, как правило, в одно-двухэтажных доходных домах.

Бонэнкай – проводы старого года. В Японии гораздо более популярный и широко отмечаемый праздник, чем встреча года нового.

Будо – Путь воинских искусств. Общее название для всех современных японских единоборств, в том числе дзюдо, кюдо, кэндо, каратэдо, айкидо и т. д.

Бусидо – Путь воина, свод произведений средневековых авторов, определяющий морально-этические нормы поведения самураев.

Ваби – стиль изящной простоты, присущий всему истинно японскому. В данной книге не упоминается, так как относится к лицевой стороне Японии.

Вардо канпу – чемпионат мира.

Васаби – очень острый зеленый японский хрен. Подается обычно с сырой рыбой. Не путать с *ваби* и *саби*.

Гайдзин – иностранец, букв. «человек извне». Официальное название иностранцев – *гайкоудзин* – человек из внешней страны, из-за рубежа. Слово «гайдзин» носит слегка покровительственный, пренебрежительный оттенок. Существуют также *бака-гайдзин* – «глупый иностранец» – для гостей из-за границы, ничего не понимающих в японской жизни, и *хэнна-гайдзин* – «странный иностранец» – для тех, кто начинает в этой жизни разбираться.

Гендерные вопросы – социально-половые темы, излюбленный предмет обсуждения японских феминисток и борцов за равноправие женщин.

Дан – мастерская степень в будо. Присваивается от низшего первого дана к высшему – десятому.

Дзуйхицу – «вслед за кистью», распространенный в Японии со Средних веков жанр литературы, фактически – записки, личные мысли, систематизированный поток сознания.

Додзе – в данном случае – зал для занятий будо.

Ирэдзуми – традиционная японская цветная татуировка.

Каймоно – культ покупок, одно из основных увлечений современной Японии.

Камикадзе (*камикадзэ*) – букв. «божественный ветер» – название

ураганов, дважды уничтоживших в конце XIII века монгольский флот, оба раза пытавшийся захватить Японию. Во время Второй мировой войны так называли смертников в японской армии (обычно – летчиков, но также пехотинцев и пилотов торпед).

Каратэги – специальная тренировочная одежда для занятий карате (у нас обычно называется кимоно).

Катакана – одна из двух (наряду с хираганой) японских азбук. В отличие от хираганы, которая применяется для записи слов японского происхождения (например, *рекан*), катаканой пользуются для записи слов иностранного происхождения, например хамбага – гамбургер.

Кокусай-рери – международная кухня, фьюжн.

Мансен (произносится как «манцен», от англ. *mansion*) – «усадебный дом». В Японии так частенько именуют жилье в больших, новых домах. Более дорогой и престижный вариант, чем *апати*.

Моти – сладковатые рисовые лепешки, популярное новогоднее лакомство. Во рту разбухают, образуя вкусную тягучую массу, что создает для ряда стариков трудности в пережевывании, ведущие иногда к летальному исходу (смерть от жуимотины, то есть во время жевания моти).

О-микоси – специальные носилки в виде паланкина, в которых во время синтоистских празднеств выносятся дух, живущий в синтоистском храме.

Онсэн – горячий источник, приспособленный для принятия ванн.

Офуро – ванная.

Оябун – глава группировки якудза, крестный отец.

Рабу Хотору (Love hotel) – специальный отель для встреч влюбленных парочек.

Рекан – гостиница в японском стиле (ходят в *юката*, сидят и спят на *татами*).

Саби – благородная патина, стиль японского дизайна. Как и *ваби*, в данной книге не упоминается.

Саенара-пати – от совмещения япон. *саенара* – «до свидания» и англ. *party* – «вечеринка» – торжественные проводы.

Седо – искусство каллиграфии.

Синай – бамбуковый меч для тренировки в японском фехтовании – кэндо.

Синкансэн – скоростной поезд, «поезд-пуля».

Синтай – букв. «тело дух». Сакральный предмет, в котором существует дух в синтоистских храмах.

Синто – древняя религия японцев, культ предков, страны, всего

японского.

Сэнсэй – «преждерожденный», учитель, почтительное обращение ко всем учителям, врачам, наставникам в Японии .

Табэмоно – хождение по ресторанам.

Татами – соломенный мат размером 180 на 90 сантиметров.

Фугу – рыба, смертельно опасная для человека, но являющаяся деликатесом при правильном приготовлении.

Футон – толстый матрац.

Хаси – палочки для еды.

Хафу – полукровка.

Хостесс – от англ. *hostess* – «хозяюшка», название одиозной для русскоязычного читателя профессии, которая пришла на смену ремеслу гейш, овладеть которой мечтает значительная часть девушек из нашего ближнего зарубежья и которая ошибочно отождествляется с проституцией. На самом деле – консумация в хостесс-барах, где хостесс обязана поддерживать разговор с клиентом, чтобы тот как можно больше выпил и увеличил таким образом выручку бара. В свободное время многие хостесс продолжают «раскручивать клиента на бабки», намекая на возможную близость, но не допуская ее.

Цюю – сезон сливовых дождей в Японии, обычно июнь. Иногда считается пятым – особым – временем года.

Эндзе косай – проституция несовершеннолетних.

Энка – душещипательные эстрадные песни, как правило, о любви или родительском доме.

Юката – легкое кимоно для ношения дома или в *рекане*.

Якитори – маленькие шашлычки из курицы и субпродуктов, популярное блюдо японской кухни.

Якудза – мафия, организованная преступность в Японии. Жаргонное обозначение для официально именующихся «борекудан» преступных сообществ.

Приложение

Еще 30 лет назад Токио называли «двухэтажным городом». Сейчас в это не верится...

...Хотя память о тех временах еще сохраняется

Большинству гайдзинов хочется стать своими в Японии

Но оставаться диковинными иностранцами – выгоднее!

Тачая яшму...

Во многих интернациональных школах принято представлять национальные виды искусства

Мунэо Судзуки любил иностранных журналистов

Япония быстро научилась играть в футбол и болеть за него

Вкус «Чинкоро»

А когда-то это были всего лишь деревянные бады, содержимое которых разносилось на продажу

Современный «уошлет»

Сквозной туалет храма Сандзюсангэндо

Русские друзья Нины Хедо

Для русских женщин Япония все чаще перестает быть экзотикой

Заставка сайта русского клуба в Токио

Темная полоска земли на горизонте – Россия, Южные Курилы

Заблудиться в Японии непривычному иностранцу левое дело

Редкий кадр: ДТП в Токио

Чудо японского автопрома

Прапорщик из Росиа-го гакуин

Острова велосипедов

Кетель, которого больше нет

C № 008652

KETEL'S
BIERSTUBE
TEL (3571) 4 6 4 2

seit 1930

Weissbier	1200	DATE
LDN	250	9/29
Wald Bier	200	TABLE No.
Wald Bier	900	7
		PERSONS
		2
		WAITER
PAID		
Remarks	4960	Service Charge
	495	Sub TOTAL
	272	5% TAX
		3% TAX
	5717	TOTAL

Такие счета видел Зорге

Улица русского шпиона

Распродажа карпов в Синдзюку, каждый – примерно 10 тыс. долларов

Наш друг – бригадир «Беспальный»

Тамэсивари

Приветствия «товарищам бандитам»

Японская кухня – это изобилие разнообразия

Что нужно русскому туристу, кроме сада камней?

Русские в Японии все еще выглядят странно

Обычная парковка

Уголок у парка Мэйдзи – место сбора косплееров

Молодежь на Харадзюку

В кимоно японские девушки выглядят естественно

Они победят

И они всегда очень доброжелательны

И веселы

Русские тоже любят отдохнуть под сакурой

У нас не получается так романтично, как у японцев

Хотя результат у всех один и тот же

Танцы вокруг сакуры – народная забава

«Раненые» модой

Так хочется быть похожей на кумиров!

Недолго, но все же «Татушки» были популярны в Японии

Таких красоток становится больше с каждым годом

Начинается свадьба

Брачующиеся

Невесте самой ни сесть, ни встать

Специальная крышка, чтобы не помять рога невесты!

Бабушка с внуком

В европейских костюмах

Невеста ведет и поддерживает жениха: она знает, чем все это кончится

Гайдзинки дорвались

Подарок от клуба «Элизабет»

Вагон «только для женщин»

Правые идут

Кигэнсэцу – праздник для японцев

С легендарным основателем Японии на хоргувях

Трудности перевода

Одна из газет, где якобы говорилось о «бестолковых русских», которым «нельзя доверять атомную энергию»

Об авторе

Куланов Александр Евгеньевич. Родился в 1970 году в Подмосковье. Окончил военное училище, но не шпион. Долго служил в армии, пока не понял, что ошибся в выборе, и начал учить японский язык. С 1998 года пытается разобраться в том, что же такое Япония, изучая ее методом включенного наблюдения и используя для этого роли коммерсанта, туриста, экскурсовода, ученого-исследователя. В 2002–2003 годах стажировался в аспирантуре Токийского университета, после чего создал популярный интернет-ресурс Japop.ru. Работал главным редактором нескольких журналов, посвященных Японии. Автор нескольких книг о ней же, в том числе «Тайва», «Россия и Япония: имиджевые войны» (совместно с В. Э. Молодяковым), «Обнаженная Япония, или Эротические традиции Страны солнечного корня» и нескольких сотен статей, опубликованных в десятках изданий России, Японии и США.

notes

Примечания

1

Помню забавное исключение: телегруппу из Нижнего Новгорода потряс туалет на втором этаже «Боинга» 747-400 японской авиакомпании «Джал», которым мы летели в Токио. Ребята долго и восторженно снимали унитаз, переполошив стюардесс и перекрыв доступ к туалету всем желающим не только любоваться им.

Кексами русские гайдзины называют всех клиентов из-за похожести этого слова на японское «кяку-сан» (по-японски «гость») и сущностного совпадения понятий.

Об истории и сегодняшнем дне японского государственного имиджмейкинга мы с В. Молодяковым написали книгу «Россия и Япония: имиджевые войны» (М., 2007).